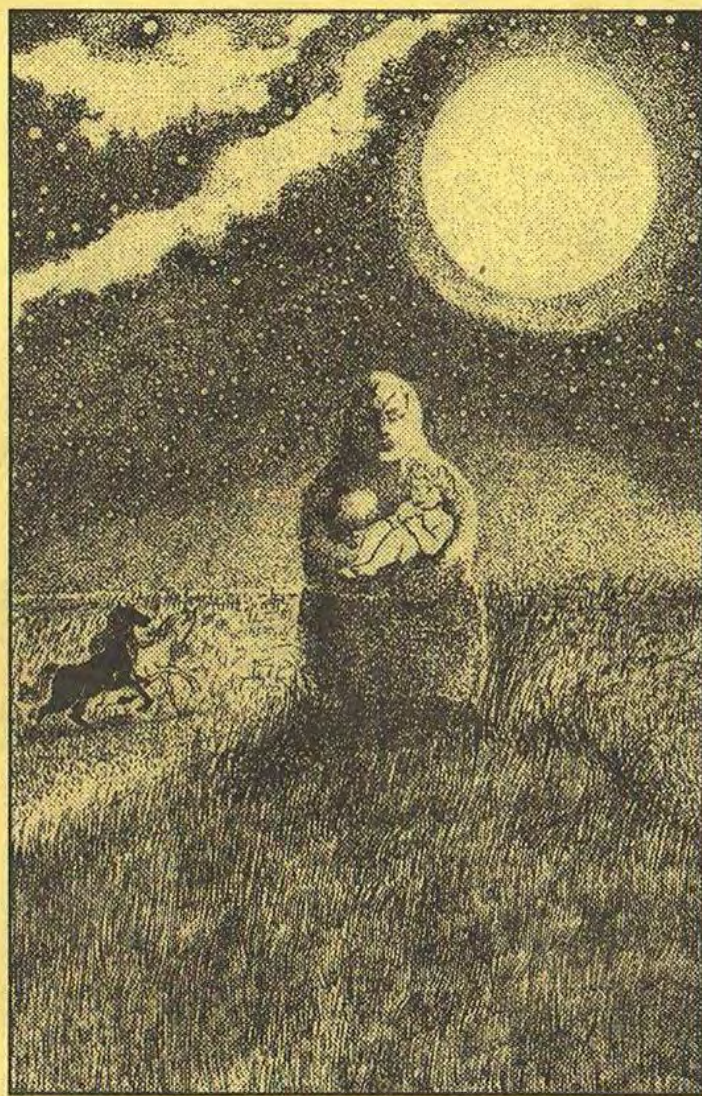

ԳԷՂԱԿԻ ԳՕՓՕՓ

АЛЪМАНАХ

Литературная студия Белгорода-Днестровского

БЕЛЫЙ ЦОРОЦ

альманах

Белгород-Днестровский - 2001

Альманах "Белый город" був задуманий як дарунок читачам до 2500-річчя Білгорода-Дністровського, заснування якого датується 502 роком до н.е. З різних причин у 1998 році свято не відбулося і про рукопис альманаху забули, і тільки зараз знайшли гроші і альманах із рукопису став книжкою.

Як не згадати сьогодні тих, хто стояв на витоках літературного процесу в місті, хто у 1965 році закладав фундамент літературної студії і насам-перед, першого керівника студії нині члена національної Співки письменників Павла Наніїва (м. Київ), членів Співки російських письменників Кирила Ковальджі (м. Москва), Івана Краснова (м. Новосибірськ), Бориса Місюка (м. Владивосток), Владислава Місюка (м. Білгород-Дністровський). Членами літературної студії в ті роки були Петро Козлов, Амалія Аракелян, Михайло Самарцев, Марія Тарапова, Микола Тучін, Дмитро Віцукаєв. Не можу не згадати Людмилу Геренштейн (м. Мінськ), яка була секретарем-організатором, в просто кажучи, душею студії.

Заснування студії було ознаменоване виданням видавництвом "Маяк" (м. Одеса) збірки нарисів Павла Наніїва (1965 рік), двох збірок Дмитра Віцукаєва (1966 та 1968 роки) та значною кількістю публікацій у періодиці.

Як і в роки заснування студії її члени є частими гостями воїнів, учнівської та студентської молоді, виступають у бібліотеках, беруть участь у проведенні уроків літератури рідного краю тощо.

Радую і те, що серед членів студії немало молоді чий імена читач зустрине на шпальтах цього видання.

Ілля Кабаці

**Литературная студия Белгорода-Днестровского
сердечно благодарит**

Василия Дмитриевича Диденко

(директора СП «Удимис»),

Якова Захаровича Кубыщенко

(директора нефтебазы).

Владислава Николаевича Шевченко

(бар «Офиусса»)

за оказанную материальную и моральную поддержку

в издании этого альманаха.

Здоровья, энергии и удачи Вам во всем.

Павло АНТОНІВ

Народився у 1949 році.

Вірши почав писати з 1976 р. Член
міської літературної студії "Дністровські
джерела" та Асоціації літераторів
Бессарабії "Буджак". Друкувався в журналі
"Літературна Одеса", альманахах
"Літературна Бессарабія", "Південна ліра",
міській та обласній пресі.

АЙСТРИ

Білють білі айстри біля хати.
Надворі осінь, віють холоди...
Виходить вже давно старенька мати,
Несе до квітів щирої води.

Полила, постояла, йде до хати,
Багато справ її чекає там.
Білють айстри білі, білі шати
І наша хата - наче справжній храм!

Бринять холодні ранки, вже осінні
І сад наш - золотий іконостас.
Розквігли білі айстри в Україні,
Від матерів, що виростили нас.

Ростуть, як обереги білі шати,
На радість квітнуть Всесвіту і нам.
Білють білі айстри біля хати
І наша хата - наче справжній храм!

Прийду додому, тихо хвірку
Мені відчинить сива мати -
Роки мотають віку нитку -
Старій приємно відчиняти!

Нажаль, буваю тут нечасто,
Тремтять осінні жовте листя, -
Впаде вже скоро сніг пухнастий,
Зимова чужна вітру пісня.

Багато з нас в чужинних мовах
Вже заблукало десь в дорозі,
В чужих краях, чужих дібровах,
Дійти до матері не в змозі...

Правда
виступає

Тож я прийду, родинну хвіртку
Мені відчинить сива мати -
Роки мотають віку нитку -
Старій приємно відчиняти!

Зайду до хати, де ікони
Мене хвилюють з рушниками.
Цілую мамині долоні,
Покаюся перед віками!..

- Як живете, моя рідненька?
Ядесь затримався в дорозі;
Що не буваю часто, ненько,
Простіть мене на цім порозі.

Допоможу в трудах матусі,
Вирує вечір вже надворі.
- Пробачте, мамо, йти я мушу, -
Таке одвічне сина горе!

Чекає знов мене дорога,
Життя безмежна коліна.
Проводить мати до порогу:
- Я розумію, - каже, - сину...

- Іди, мій рідний, - каже нене,
Та я до неї пригорнуся, -
Приходь завжди, завжди до мене,
А я за тебе помолюся!

Светлана БОНАРЬ- ВОРОТНЮК

Родилась в г. Севастополе. Детство и юность прошли в Белгороде-Днестровском. Библиотекарь. Печаталась в периодической прессе. Мечтает издать сборник поэзии и рассказов. Пишет на русском и украинском языках.

Листья желтеют. Ржавеют.
Дворник метет их на свалку.
Псы беспризорные бродят
По опустевшему парку.

Ветви алой рябины
Украсят осенние дива.
Листья стыдливой осины
Хрупки, нежны и ранимы.

Астры кивают уныло -
Скоро морозы начнутся.
И на душе тоскливо -
Летние дни не вернутся.

Прохожие. Что им за дело
До листьев, озябших на лавке...
Черствеет душой. Еле-еле
Теплится свеча. Плачут парки.

Анатолий ВАЛЕВСКИЙ

Я жил, как жил...
не важно сколько,
Ведь смысла нет
считать года.
Что в жизни сей?
Любовь - и только,
Все остальное - ерунда!

ВСЕГДА ОДНА

Одна
Плывет над городом луна.
Она
Печали трепетной полна.
Темна
Из одиночества стена,
Одна
Стоишь ты молча у окна.
Одна... всегда одна,
А ночь длинна и холодна...
Как лед.
Но разве кто-нибудь поймет

Полет
 Души, которая зовет
 И ждет,
 Когда единственный войдет,
 Возьмет
 И бережно к себе прижмет...
 Но ты... всегда одна,
 А ночь длинна и холодна...
 Мой Бог!
 Ну неужели же порог
 Не смог
 Переступить тот, кто продрог
 В пути,
 Чтоб обогреться и найти
 Любовь -
 Его с надеждой ждешь, но вновь
 Одна... всегда одна,
 А ночь длинна и холодна...
 Как лед...

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕТЕРЫ

(уличные зарисовки)

Вечерний город полон звуков.
 В огнях неоновых реклам
 То тут, то там мелькают руки
 Сговорчивых девиц и дам.
 Их взгляды полны обещаний,
 А на губах слова любви
 Застыли в томном ожидании
 Тебя - лишь только позови.
 У каждой есть свой стиль и профиль,
 Они в утехах знают толк:
 Сначала флирт, коньяк и кофе,
 Потом с плечей спадает шелк...
 Как жаром, пышет речью страстью,
 Услужлив стан в твоих руках.
 Но... над душою ты не властен -
 Холодный лед в пустых глазах.
 ...Потом, стирая капли пота,
 Считают деньги неспеша.
 Такая уж у них работа:
 Им платят - любят и ежа...

Костянтин ВАСИЛЕВСЬКИЙ

Народився 1 січня 1964 р. на Кіровоградщині. Закінчив філологічний факультет Кіровоградського навіституту. Працював вчителем в школі. Ліквідатор аварії на ЧАЕС. Друкувався в періодиці.

Впевнений, що коли б дорослі сприймали світ очима дітей, то він став би добрішим.

НЕСПОДІВАННИЙ ГІСТЬ

- Мамо, мамо, чула вість? -

Син гука до мами, -

а у нас сьогодні гість
сірий, ще й з рогами!

Це сьогодні дід привів
його із базару,
Та у хлів меріцій закрив:
хай звика помалу.

Гість наш молоко дає,
їсть траву й брикає,
А живе лиш у селі,
В нас їх не буває.

- Та то ж дід козу купив,
оце-то обнова!

- Ні, то, мамо, не коза,
то микрокорова!

Я МЕТЕЛИКА ЗУСТРІВ

Біля квітів я присів,
Бо метелика зустрів.
Ось він, ось він, подивіться!
В пелюстках він метушиться!

Мабуть, сів він відпочити
І мене заворожити.
Бо летів здалеку він,
Чувши квітів передзвін.

Подивіться, подивіться!
Йому зовсім не сидиться.
Він спішить летіти далі
У безмежні літні далі.

Я його повинен взяти
І матусі показати.
Та... метелик мій злетів
І за вітром полетів.

КОТИК МУРЧИК Й ХЛОПЧИК ГРИЦЬ

- Киць-киць-киць
Киць-киць-киць -
Зве kota Мурка наш Гриць.
Котика-муркотика,
Сірого животика.
Але кіт не йде до Гриця,
Кіт-Муркіт його боїться.
А боїться неспроста -
Береже свого хвоста.
- Я не буду, - каже Гриць, -
Більше ображати киць,
А погладжу котика,
Котика-муркотика,
Котика-муркотика,
Сірого животика.
І тепер за Грицем велід
Тільки й ходить кіт-Муркіт.

Владимир ВОРОТНЮК

Писать о себе много тяжелее, чем составлять отчет о работе группы ревизоров. И в том, и в другом случае боишься погрешить против истины.

Родился я, как и следовало ожидать, в Белгороде-Днестровском. После армии долгое время носило по разбитым, и наоборот, дорогам России, Молдовы. Среди множества профессий, что добрую половину жизни пытался освоить, была и есть работа журналистом. Моя фамилия стояла под публикациями в московских, киевских, казанских и одесских изданиях.

Что я люблю? Аккерман и все, что связано с ним. Чего я хочу? Дожить до дня, когда у книжных лавок будут тесниться горожане, страстно желая купить хоть один томик Чехова, Бунина, Паустовского,

Гриша. Сегодня, увы, этого нет. Чего мне не хватает? Предприимчивости и, конечно, денег. О чем мечтаю? Поймать карпа не меньше 10 кг весом. А еще - написать книгу, которую задумал шестнадцать лет назад.

КОСТЬ

Осень пришла рано. Сырой западный ветер пригнал набухшие свинцовые тучи, скучные дожди и уныние. К мокрым тротуарам зябко жалась опавшая листва. В мутных лужах бестолково дулись пузыри. Город стал безликим. Даже диктор радио, читая прогноз погоды, казалось, отчаянно зевал. Тоска!

Я неторопливо шел по Измайловской и мысленно спорил с Александром Сергеевичем насчет «очей очарованья». Как довод в свою пользу я констатировал хронический насморк, промокшие туфли и беспредметное раздражение по малейшему пустяку.

На автобусной остановке, под грибами зонтов неподвижно маячили несколько обреченных. Они нервно смотрели в одну сторону - где ж тот чертов автобус? Вечный крик души пассажира! Покорно присоединился к этой бесперспективной процедуре. Потянулись длиннющие минуты ожидания.

Мне предстояла одна не совсем приятная встреча, и я тщетно пыгался сосредоточиться на ее некоторых нюансах. Ерунда! Мысли упрямо вертелись вокруг ненастья. Вожделенно хотелось сухого белья и чашечки чая... «И чтобы камин, - дразнил я себя, - чтобы хорошая книга, мягкий ковер, чтоб одиночество, что б...». Кажется, я вслух застонал. Во всяком случае, солидного вида мужчина в темном макинтоше, что стоял рядом, покосился на меня, а затем тихонько отодвинулся. Сдуреть можно: где же автобус, в самом деле?

Позади, в метрах десяти, к обочине уверенно припарковала иномарка. «Ого! «Вольво», - присвиснул я. - Шикарный аппарат». За рулем, зачем-то в солнцезащитных очках, восседал молодой мужчина с лейбом на джинсовой груди. Салон гремел Джексоном. Мужчина лениво разговаривал с юным созданием, кажется, женского пола. Его спутница картинно дымилась сигаретой, презрительно-равнодушно глядя на нас, - злых и мокрых. В машине угадывались уют и тепло.

Я завидовал паре. Я предавал анафеме наш легкомысленный общественный транспорт и не лучшую участь пешехода. В конце концов, каждому свое, - философски рассудил я.

Мимо остановки пропаркала старушка. С ее сырого полинялого пальто капало. В руках женщина держала залатанную авоську. У мусорного контейнера бабушка остановилась. Как-то вовсе не по-старчески ловко достала из авоськи палочку и принялась ковырять ею в контейнере. Я озадаченно уставился на старушку. Что она ищет?

Из мусорного ящика выскочил фантастически худой серый кот. Он с ненавистью зыркнул на старуху и хищно облизнулся.

- Вот она - наша конкуренция! - покачал головой мой СОСЕД.

- Какая такая конкуренция? - не понял я.

Мужчина сердито посмотрел на меня:

- Вы что, молодой человек, не от мира сего? Это только в бравоу песне «старикам везде у нас почет». Вот он, реальный, послеперестроечный (с издевкой) советский пенсионер. Жрать людям нечего, вот и приходится соперничать с кошками на помойках.

Он зло щиркнул спичкой по коробку.

Между тем женщина извлекла из контейнера кусок батона, бережно отерла его рукавом, осторожно сунула в авоську.

Все сходится! Мне стало не по себе. Рядом с нами, сытыми, устроенными в этой жизни, бесконечно ораторствующими о милосердии и гуманизме, ютилась обнаженная нищета.

Захотелось уйти. Однако эта история имела свое гнусное продолжение.

Контейнер торчал напротив иномарки, и там внезапно почувствовалось оживление. Тот, в очках, убавил громкость магнитофона, что-то сказал подруте. Она зашлась смехом. Ребята явно развлекались. Очкастый перегнулся через сиденье, опустил стекло.

- Эй, старая! - весело крикнул он. - На, держи, это от пайка моего дога. Я сегодня очень добр.

В его руке оказалась полуобглоданная куриная лапка. Старушка вздрогнула, оглянулась. Она нерешительно ступила пару неверных шагов к машине.

- Оп-ля!

Кость упала в грязь, под ноги нищенке. На остановке все остолбенели.

Новый взрыв хохота. Взревел мотор. Я бросился к автомобилю, но он эффектно рванул с места. Поток грязи щедро обдал меня с ног до головы. Мелькнули искаженные смехом рожи девицы и ее джинсового боя.

Не помня себя от ярости я стал топтать эту мерзкую ляжку. Мне казалось, что в ней - этой необглоданной кости - заключена вся человеческая скверна души, подлость и тщеславность трудов ушедших поколений.

Старуха скользнула по мне безразлично тусклым взглядом и медленно пошла прочь.

- Автобус! - завопил мальчик.

Все с облегчением отвернулись. Свежеумытый «ЛиАЗ» поглотил очередную порцию пассажиров и тронулся.

Дождь не прекращался. Я шел назло неизвестно кому по лужам. Очей очарованье! Тьфу! Я мучительно думал, кто же виноват, черт возьми? Те, идолы, наверху, кто повелевает нашими судьбами и судьбами таких вот старух, или же те, кто бросает им кости? А может быть те, кто их покорно поднимает?

Кто?

Анатолій ГЛУЩАК

Поет-філософ, публіцист, перекладач, громадський діяч. Видав вісім книжок поезії, зокрема й авторську перекладну антологію з 12 мов «Автограф». Її, до речі, благословив передмовою Дмитро Павличко. Анатолій Глушак із генерації шестидесятників, які любов до свого народу, своєї України пронесли крізь видимі і невидимі ґрати імперської системи, вистояли і продовжують творити.

АСТРОЛОГІЧНИЙ СЮЖЕТ

У грудні-десь отак після Миколи -
Рік проминулий тягнеш, мов тачкар,
Що день у день трудився на ломбард,
Звідкіль добра не викупиш ніколи.
Та мрії січня вже впряглись в гринджоли!
У сотах цифр новенький календар:
Сто кодів угадаєш без забар,
Б'ючи руками в захваті об поли.
Мов щойно з кузні-жертвоний триніг.
Минулий рік замкнула щільна ляда, -
Під нею-поспіх, помилки, досада...
Новий переступаючи поріг,
Про втрати не жалкуєш аніґрохи
І вибираєш...дудку скомороха.

Лірика - це ласощі дівчат.
А жінкам смакує тісто прози.
Соняхи. Між золотих свічад
Твого тіла дозріває бронза.
Я звільняв од патини одеж
Всі твої суцвіття і тотеми,
Я на місяця дискетну креш
Диктував апокрифи й поеми.
Знову переміг біблійний жанр?
Вигнання!?
Полишмо хащі раю,
Поки пахнуть перса, як нектар,
Поки плід гріховний дозріває.

НОВОРІЧНИЙ СОНЕТ

Запалюй радісний вогонь у грубі...

Ю. Клен

Дума не мерзне - є в запасі дрова,
А на розпал - межі торішній хмиз.
І ніч скидає темну барву риз, -
Мигтять злотава, срібна, пурпурова.
Не користайся рудиментом слова,
Замкни вустам блаженський їхній хист,
І може розгадається колись
Вогню весела і летюча мова.
У грубі - на морозець! - рівний тяг.
На самоті найкраща із розваг
З трьох в'язок дров п'ятигодинна повість.
А те, що вкрай ускладнилося днем,
Усе було роз'яснене вогнем.
З полегкістю зіха прозріла совість.

Григорій ГОДЛЄВСЬКИЙ

*В зів'ялих листочках хто
може вгадати
Красу всю зеленого гаю?*

*Хто знає який я чуття
скарб багатий*

В ці вбогії вірші вкладаю?

І. Франко

«Зів'яле листя» - символи понівечених почуттів людських. З сорок п'ятого року носить вітер життя і моє «зів'яле листя». З шестидесятих народжуються мої вбогії вірші. На жаль не всім дано сприйняти «скарби чуття» іншого. Багато хто і свої розгубив. Такі скоріше позивають і останні зелені листочки, що лишилися...

*...На могилі кобзар сидить
Та на кобзі грає...*

Т. Г. Шевченко

КОЗАК МАМАЙ

Вітер віє понад степом,
Віс-повіває,
Буйні трави гне додолу,
Хліба колихає.
Тай колишуться хліба ті
У чистому полі
Наче хвилі, що гуляють

По Чорному морі.
 А до річки, ген, дорога
 Стелиться похила.
 Край дороги, над рікою
 Висока могила.
 Ніде взяти прочитати -
 Інші те абетки,
 Як ті гори насипали
 Далекої предки.
 Протинали ясні зорі
 Небосхил прозорий,
 Бачив в небі ті узорі
 Курган сивочолий.
 Попередник чи нащадок
 Пірамід на Нилі -
 Може знають про те краще
 Птахи сизокрилі?
 Хто ж тепер там під курганом
 Темними ночами?
 І чий коник біля нього
 Все б'є копитами?
 Чия люлька он ятриться -
 Спалахне та згасне,
 Чи душа чиясь то спокій
 Шукає нещасна?
 Бандуриста спів долинув
 Серед ночі. Очі
 Наче бачать стан дівочий
 До ласки охочий.
 То Кургана тасмниці
 Вночі оживають.
 Козака Мамає люди
 Спасителем мають.
 Он сидить він під курганом,
 Сулію тримає,
 Чорні вуса долу линуть,
 Серьга виграє.
 А над степом вітер віє,
 Віє-повіває,
 Несе людям образ давній
 Козака Мамає.
 У безсмертя він полинув,
 То правда - не байка,
 Як колись його покрила
 Червона китайка.

03.01

Вячеслав ГУЛЬЧАК

Народився у 1968 році. Почав писати у шкільні роки. Друкувався у журналах "Літературна Одеса", альманахах "Осінь у Бірзулі", "Південна ліра", "Літературна Бессарабія". Учасник всеукраїнської наради молодих літераторів у Ірпіні. Студент філологічного факультету.

Мамо, це я прийшов,
Стукаю в шибку тихо,
Липлю до підпошов,
Гналось за мною ліхо.

Скинув його я десь
На півдорозі, мамо,
Знову зі мною честь,
Та ні грошей, ні краму.

В серці моїм любов,
Мрія далека, синя.
Мамо, пробачте знов,
Що безталанний син я.

Що не такий, як всі,
Що закохавсь у слово,
Що понесе таксі
В край моїх мрій казкових.

Б'ють
у скроні
до
агонії
Думи-
коні,
Мчать
у виш...
Їх не
спинить
Холод
синій.
Будь же
сильним -

Вір
у вірш!

Вище!
Вір ще,
Станеш
віршем,
Станеш
віщим,
Станеш
тим,
Хто
крізь болі
Із
неволі
До
любові
До-
ле-
тить!

ДІД ТА ХАТА

Тільки одна й залишилась в селі,
Вітром підбита та зв'язана.
Може, як свідок далеких століть,
З чубом солом'яним мазанка.

Там живе дід - все життя одинак.
Сивий й тонкий, мов билиночка.
Висохлий весь і блідий, мов стіна,
Й схоже легкий, мов пір'ночка.

Він вже не бачить й не чує мене,
Сонцю осінньому молитися.
Цвілісто, прілою пустою тхне
Хата його на околиці.

Він все чекає на той вітерець,
Що принесуться хвороби з ним.
Вже не тримає руками дерев
Сад його сивий та згорблений.

Мов дві пелюсточки руки його,
Що на ціпок поклалися.
Вже не розпалюють в хаті вогонь,
Болло на відкуп віддалися.
Ще трохи тепло, і ще небо - синь
Й дід на причілочку гріється.
Скоро вже вітер повіє і він,
Наче кульбаба розвіється.

Коли я востаннє пройдуся місточком,
Що місяць проклав по воді
І серце заб'ється твоє молоточком
Гучніше, немо в біді.

Коли ти відчуси, що місячні бризки
Об тіло твоє обпеклись,
Я буду нарешті від тебе так близько,
Як бути не зміг я колись.

Коли зрозумієш у мить ту, що більше
Мене не побачиш вже ти.
Прости мені все і прощаючись віршем
В країну мою долети.

Знову літо, знову серпень,
І повторення історій.
Серед цих маслин і верб ми
Знову разом, як і той рік.

Знову ніжне, тепле море
Хлопа хвилі, дрібно, дрібно,
Знову нічка яснозора
Учепила кульчик срібний.

І так хочеться у щасті
Нам застигнуть і в любові,
Наче мушки у безчассі
В жовтій краплі буриштиновій.

Владимир ДУДАШ

Подполковник запаса, родився в 1946 году в
Закарпатье. Пишет стихи и прозу стал после
увольнения в запас. Пишет в основном прозу.
Печатается в газете «Советское Приднестровье»
с 1999 г. Проживает в Белгороде-Днестровском.

ОТЧИЙ ДОМ

Дождь весенний моросит,
За окном.
Ты прости меня, прости,
Отчий дом.

Ночью вижу я во сне
Дом родной.
Будто летом кружит снег,
Над тобой.

Мне бы птицей полететь,
По весне.
Только силы уж не те,
Больно мне.

Пролетели как один
Все года.
Не путевый я твой сын,
Вот беда.

Дождь весенний моросит,
За окном.
Ты прости, меня прости,
Отчий дом.

«ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ»

Там вдали горизонт голубой,
А у ног, как бескрайнее поле.
Отдавая слегка синевой,
Тихо плещется Черное море.

Серебрится под солнцем дорожка,
Так и хочется плыть за буйки.
И щекочет ступни мелкой крошкой,
Берег наш «Золотые пески».

Открывая здесь тайну мечты,
Видишь рук мастеров красоту.
Пусть там где-то разводят мосты, -
Поднимается наш в высоту.

Курсом верным на зов маяка,
Капитан сухогруз свой ведет.
И к причалу жена моряка,
Со счастливой улыбкой идет.

Там вдали горизонт голубой.
А у ног как бескрайнее поле,
Отдавая слегка синевой,
Тихо плещется Черное море.

Анатолий ЗАВЬЯЛОВ

Жил в селе Шабо, работал на заводе, печатался в местной прессе.

МАЛЕНЬКОМУ ХУДОЖНИКУ

Четвертый день дожди, туманы.
Заботы - буднично мелки.
Давай-ка, внук, наметим планы:
Достанем краски и мелки.
Рисуй поля зеленым мелом,
А желтым - копны и стога.
Пускай вдали на фоне белом
Возникнет радуга-дуга.
...Пляж. Паруса. И полдень жаркий.
Что ж, получилась акварель.
Вот подрастешь и сам на барке
Пойдешь за тридевять земель.
Все может сбыться. А покуда
Рисуй родимые места:
И яблонь розовое чудо,
И теплоходы у моста.

ЦВЕТУТ АБРИКОСЫ

Не выгой-бураном.
Задуло откосы -
Над синим лиманом
Цветут абрикосы.

Хрустальные росы.
Рассветные трели -
Цветут абрикосы -
Весны акварели.

И в нашей сторонке,
Степной и рыбацкой,
Уж так повелось,
Что к могиле солдатской

Несут, кроме прочих
Цветов-однолеток,
Душистый букет
Абрикосовых веток.

Феликс ЗАКИРОВ

Родился в 1940 году. Подполковник медицинской службы в запасе. Хирург.
В Белгороде-Днестровском проживает с 1987 года.
Печатался в периодической прессе.

ЛУННАЯ СОНАТА

Не от безделья люди,
Не от скуки
Тянулись к незнакомому окну,
Негромкие,
Волнующие звуки
Нарушили ночную тишину.

Вдруг ожили тревожно и знакомо
И счастье,
И забытая печаль.
За сквериком
У Пушкинского дома
Звучал в тени невидимый рояль.

Под кронами
Страхнувших дрему кленов
Бессмертная мелодия пыля,
Открылась дверь
Соседнего балкона,
Прильнула к занавеске голова.

И все затихло,
Замолчав невольно,
Здесь не нужны красивые слова,
И даже ночь,
И та была довольна
Что музыкой разбужена она.

По площадям,
Спеша за ветром шалым,
По улицам
Без края и конца
Мелодия могучая сближала
Людские незнакомые сердца.

В ней радость встреч,
Немая грусть разлуки
Слились в неразделимое одно.
Казалось,
Что не клавишные звуки,
А жизнь текла
В раскрытое окно.

Илья КАБАЦИ

Родился в 1935 году в Закарпатье.
Писать пробовал еще в школе. Вначале стихи, потом - прозу.
Руководитель городской литературной студии с 1985 года.

МАЛЬЧИК И МОРЕ

Когда они впервые увидели друг друга, то были очень удивлены.

Мальчик тем, что море было большим и сильным, в нем в один миг исчезли мамины ноги, но несмотря на это она продолжала стоять в воде и улыбаться. А море было удивлено потому, что мальчик был очень маленький и очень смелый. Море поняло это по глазам мальчика, которые ему подарило небо.

- Что же это будет, - озабоченно прошептало море и плеснуло волной у ног мальчика. Он, удивленный, посмотрел на прыгающую волну и попытался убежать от нее. Но волна отступила, а когда мальчик приблизился к воде, она снова побежала ему навстречу. Так они играли весь день.

Потом была зима. А может быть две зимы...

Во второй раз мальчик и море встретились как старые знакомые.

- Море, - сказал мальчик, увидев много воды.

Мама снова стояла между ним и морем, но он недовольно сказал:

- Уходи.

Ему хотелось быть с морем наедине.

Они долго смотрели друг на друга, мальчик и море. Мама заметила это и сказала:

- Идем, поплаваем.

Она подхватила сына на руки и положила на воду.

- Плыви.

Мальчик замахал руками, как это делают взрослые, думая, что шнывет. Но может быть он просто радовался морю.

А море радовалось мальчику.

Потом снова была зима. А потом, конечно, лето. А после лета снова зима, потому что все так устроено в природе.

Зима была снежной и морозной. Мальчик катался на санках, играл в снежки, с соседскими мальчишками вместо шайбы катал консервную банку. А вечерами рисовал солнце и море. И пароходы. Потому, что пароходы плавают на самых больших глубинах и не тонут. И гудят.

На свете нет ничего милее пароходных гудков.

Придя однажды к морю, мальчик сказал:

- Здравствуй!

И улыбнулся.

- Здравствуй! - ответило море и подумало: «Как он вырос, этот мальчик, какой он сильный!»

И улыбнулось.

Море всегда улыбается сильным.

- Поплаваешь? - предложило море.

Мальчик смутился и... шагнул в воду.

- Плыви, - сказала море и подставило мальчику свое плечо. Но рука мальчика скользнула, не найдя опоры.

- Работай ногами.

И вдруг... У кого в жизни не было этого момента!

Вдруг мальчик почувствовал, что становится легким как пушинка.

Он плыл. Он плывет! Плывет!

- Теперь мы с тобой стали друзьями! - сказала море и подбросило мальчика на своих сильных руках.

- Сережа!

Это кричала мама, увидев сына в воде.

- Не волнуйся, - успокоил ее мальчик. - Я сегодня подружился с морем!

Сейчас на дворе февраль. Мальчик ходит в школу и ждет лета. Он ждет встречи с морем.

Сильные умеют ждать.

Утром, когда дети идут в школу, присмотритесь к ним и вы обязательно увидите мальчика, о котором рассказано здесь.

Ольга КАРДАШ

Родилась в 1976 году в Белгороде-Днестровском. Стихи начала писать в шесть лет. С 1992 по 1995 участвовала во Всеукраинском конкурсе «Таланты твои, Украина» - неоднократный лауреат.

Печаталась в городской и областной прессе.

Ночь разорвана ветром на части,
И в звенящей ночной тишине,
Полумертвое, серое счастье
Забрело снова в душу ко мне.
Ностальгия - подруга печали,
Гений света под демоном тьмы.
Нас с тобой навсегда развенчали
Посаженные жгучей зимой!
Небо вспыхнуло вмиг и сгорело!
Солнце камнем упало к ногам!
Счастье горькое в холоде тепло,
Принесенное в жертву богам!
Испывала душа и звенела,
Умоляя любовь понадесть,
Но молчало холодное тело,
Не способное больше любить.

НЕ ДАЙ, ГОСПОДЬ...

Пошли, Господь, ума немного,
Всем тем, кто был его лишен!
Пуста, бессмысленна дорога,
Их образ жизни глуп, смешон!
Спаси, Господь, нас от напасти,
Напасти тупости и зла!
Не допусти, чтоб жажда власти
Нас в бездны ада унесла!
Не дай, Господь, нам опуститься
Под натиском жестоких фраз!
Не дай нам с серостью смириться
Жизнь превратя в глубокий фарс!
Не дай жестокому обману
Нас сладостью своей пленить,
Души больной живую рану
Дай силы, Боже, залечить!

Эрнст КЛЕМЕНТЬЕВ

Родился в 1933 году в Москве. Родители из Бессарабии. Детство и юность прошли на Алтае. Служил на Тихоокеанском флоте. После демобилизации приехал в Белгород-Днестровский, где к тому времени проживала мама. До армии закончил - два курса пединститута, после службы закончил техникум электросвязи и сельхозтехникум. Работал прорабом, старшим инженером, элект

ромехаником. Писать начал после сорока лет. Является автором
более ста песен и более ста стихотворений.

ВЕЧЕРА НА МОЛОДЕЖНОЙ

Закат раскрасил в золото полнеба,
Тепло идет от разогретых стен,
А я на базарке купил буханку хлеба,
Кружок колбаски и натертый хрен.
Жена накрыла стол, а я позвал соседа -
Не грех тут раздавить бутылочку вина.
О том о сем у нас идет беседа,
Подводим, так сказать итоги дня.
А за калиткой детвора играет,
Собака лает, мяч пуляют в высь,
Соседи осторожно проезжают -
Все как вчера, а годы пронеслись.

Чуть под хмельком выходим за ворота.
Как вице-чемпион финты крутить хочу.
Сосед исполнил „па» из давнего фокстрота,
Я пару раз промазал по мячу.
Не ожидал такого я подвоха:
Хромаем оба, весь запал наш скис.
Тут началась такая суматоха;
А было время нам кричали «Бис!»
А детвора по прежнему играет,
Собака лает, мяч пуляют в высь,
И матери детей вечерять зазывают -
Все как вчера, а годы пронеслись.

На этом стоп; уж мы не выступаем,
А тихо в палисаднике сидим.
Порой свои победы вспоминаем,
Порою просто так о жизни говорим:
- Слыхал, вчера был долго свет у Павла...
- А, как же, внучка сына родила.
- А доллар похудел, халва подешевела.
- «Динамо» проиграло! Ну, дела!
А детвора, по-прежнему, играет,
Собака лает, мяч пуляют ввысь,
И бабушки внучат вечерять зазывают -
Все как вчера, а пролетела жизнь.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Поэт, прозаик, критик, переводчик.

Художник слова родился
в Бессарабии в 1930 году.

Он принес в русскую словесность своеоб-
разный отзвук романской культуры. Сонеты,
верлибры, краткостипши удаются поэту, отлича-
ются лирической непосредственностью и фило-
софской глубиной. И тонкой иронией...

Живет в Москве.

ПЛАЧ ПО ЛИРИКЕ

Обнимал читатель нас когда-то...
Каковы последствия объятий?
В поэтических шестидесятих
новых русских значится зачатие.

Книг родник, переходящий в стоки...
Жалобы - как мертвому припарки...
Лирик не востребовавшийся в шоке
перед феменисткой в иномарке.

Наставляет рыночная палка.
Доллар обладает ароматом,
потому что роза и фиалка
научились выражаться матом...

Какая-то странная речка:
текла, упорно текла, -
до моря, до цели конечной
шагов двадцати не дошла.

Не так ли с людьми происходит?
Остался последний бросок,
и вдруг ничего не выходит,
уходит удача в песок.

Но нет, - потерпев поражение,
невинный реванш берет,
подпочвенным продолжением
просачиваясь вперед.

Угодны судьбе своевольной
не те, так другие пути,
и можно подземно, подпольно
до синего моря дойти.

Ненаписанная книга
долго была моей спутницей
и бессонницей,
выстраданной в безмолвии,
пережитой в отчаянии,
потому не считайте,
что я перепрыгнул к написанной -
я через кладбище шел!

Оксана КОЖУХАРЬ

Бессарабия, солнце,
Мёдом пахнут поля.
Босоное детство,
Дом, родная земля.

Я живу в этом мире,
Счастьем, светом дышу.
То, что чувствую сердцем,
Я в стихах опишу.

В сердце просится печаль:
«Ты впусти меня, подруга.
Жить отныне вместе нам -
Трудно сестрам друг без друга.

Поскорей открой глаза -
Ведь давно со мной сроднилась -
По щеке скользит слеза,
А когда-то веселилась».

За окном, в крошечной тьме,
Скрипка стонет и рыдает,
Словно плачет обо мне,
Грусть с тоской моей венчает.

Я стою одиноко, виновата сама.
В снег ступила - глубоко, за порогом зима.
Всё ждала - дожидалась, неприглядная роль.
Видно встретил кого-то ненаглядный король.

Ранним утром промозглым прокричит вороньё.
Ветку склонит рябина, загрустит о своём.

Свет пробиться не может - не пускает туман.
К нашим чувствам, похоже, подобрался обман.

В терем мой постучалась чужестранка - тоска.
Нет, хрустального замка не поднять из песка!
Не подьедет мой рыцарь к дорогому крыльцу,
Не лежать на ладони золотому кольцу.

Петр КОЗЛОВ

Родился в 1932 году в Подмосковье.
Его рассказы публиковались в периодической
печати. Много лет проработал в Белгород-Днест-
ровском рыбтехникуме преподавателем.
Умер в 1999 году.

ГАНКА

Был я тогда мальцом, и образ человека, разговор о котором впереди, казался мне (да и сейчас кажется) сказочно огромным. Словно крепкое суковатое дерево на скалистом грунте, стойко выдерживал тот человек удары трудной жизни, гнулсЯ иногда, но не сломился, устоял...

Разрастались, застилая все вокруг, тревожные осенние сумерки. Окрустность была наполнена нарастающим гулом канонады. Буренка, которую я разыскивал с обеда, куда-то исчезла. Одинокое и жутко на картофельном поле, и я в испуге замер, наткнувшись вдруг на настоящую бабу-ягу. Одетая во все черное, она скрюченными пальцами собирала в корзину картошку. На закатном небе вырисовывался сухой горбатый нос, а темные глаза блестели из-под толстого платка остро и возбужденно. Баба-яга тяжело распрямилась, провела тыльной стороной ладони по серому лицу, взглянула на меня, улыбнулась, обнажив на удивление белые зубы и сузив глаза:

- Там твоя корова, - хрипловато сказала она, указав на бурьян, за которым находились заброшенные силосные ямы.

Так состоялось мое знакомство с Ганкой, одинокой беженкой, застрявшей в нашей деревне.

... Немцы нашли у Ганки гильзы от патронов с адресами убитых советских солдат. Вероятно, она намеревалась сообщить родственникам об их гибели. Желая преподать сельчанам психологический урок, фашисты долго водили женщину по улице, осыпая ее ударами. Все видели, как бесились палачи, а Ганка, будто утратив способность ощущать боль, окаменело стояла среди них. Высокая, широколицая, с большими темными руками, в черном траурном одеянии, она глядела поверх голов озверевших псолодей. Когда стемнело, немцы подвели Ган-

ку к оврагу, плеснули на одежду керосина, чиркнули спичкой и столкнули с обрыва, полоснув велед катящемуся факелу автоматной очередью. Под утро фашисты укатили из деревни.

По дну оврага, оставляя на жесткой смерзшейся траве кровавую дорожку, медленно ползла Ганка. Вместо левого глаза - кровоточащая рана, сквозь полусгоревшую одежду виднелось изуродованное тело.

Ухаживали и кормили ее всей деревней. Оправилась она лишь к приходу наших войск. В неизменно черной одежде стояла она в тот день у дымящегося пепелища, и единственный глаз ее горел возбужденно и радостно. А мимо шли освободители в белых полушубках, в шапках и валенках.

Лишенные крова, жили мы в окопах, в которых прятались во время боя. По снежной целине ушла Ганка с топором за поясом в лес, а к вечеру возле пепелища желтели два сосновых бревна, привезенных ею на салазках. В тот день только и разговору было о неслыханном начинании Ганки, задумавшей бабыными руками построить дом. К ней присоединились другие солдаты, и наступил день, когда на месте головешек и черных островов печей выросли небольшие шестипятишальные избушки. Полы и потолки в них были из круглых слег, но избы, пахнущие смолой, казались нам дворцами.

Моим детским сердцем завладела эта женщина. Я следил за каждым ее шагом и был счастлив, если она случайно обращала на меня внимание. Сильная, она делилась с другими силой. Я знал, что счастье отвернулось от нее, что муж ее погиб в первые же дни войны, но ни одним словом и вздохом она не показывала перед другими своего горя. И я не помню, чтобы ее большие руки хоть минуту отдыхали.

Когда начался жестокий голод, Ганка взяла косу и накосила у дороги кудрявой травы, высушила ее, перетолкла в ступе, смешала травяную бурую муку с крахмалом и напекла лепешек. Многих эти лепешки-«тошнотики» спасли от голодной смерти.

И еще вспоминается, как шла она утром с лопатой на плече по полю, на котором когда-то собирала картофель. Не было ни тракторов, ни скота, а государство дало колхозу семена. Тогда Ганка взяла лопату и первой начала «пахать» поле. И подростки, женщины длинной шеренгой двинулись за ней по весеннему полю.

«Все для фронта, все для победы!» - висел плакат над сельсоветом. Жили тогда по этому закону. Прямо на поле старик-почтальон Юдашкин приносил почту. На его кожаную сумку глядели со страхом: что-то в ней скрыто? Если не было черных вестей, старик шагал бодро и издали махал солдатскими треугольниками. Но в тот день Юдашкин шагал тяжело. Затаяв дыхание, в гробовом молчании все глядели на приближающегося почтальона и ждали: кто сейчас упадет и закричит. Но Ганка, взяв извещение о гибели сына, не упала и не закричала. Лишь прижала бумагу к груди и, шатаясь, пошла к деревне...

Всю ночь в ее избушке мигала коптилка, и при ее свете виднелась склоненная голова. Где найти лекарство для человека, скрывающего от посторонних свою боль? Когда же на другое утро она вышла вместе со всеми в поле, никто не заметил на ее лице пережитых мучений.

Солнце заиграло в глазах людей, когда пришла в майское утро весть о Победе. Конец войне, конец страданиям. Я побежал к ее избушке, чтобы первым сообщить радостную весть. Увидев распахну-

тую дверь и пустую комнату, я побрел в огород. И вдруг услышал плач. За домами, на зеленой лужайке, где в малиновых кустах пел по вечерам соловей, ничком лежала Гапка и, вцепившись в седые волосы, голосила безутешно и громко, как обычная слабая женщина. Я сел в стороне и тоже заплакал. Приходили люди, вздыхали, тихо переговаривались, а старик Юдашкин говорил им:

- Не мешайте. Мать героев оплакивает...

Исчезла Гапка из деревни так же внезапно, как и появилась. Навсегда исчезла. Говорили, что ушла она ранним утром одна по дороге, и в руке ее белел узелок - все ее имущество.

Володимир КРУТИКОВ

Народився 22 травня 1985 року в с. Дружелюбівка Миколаївського району Одеської обл., в родині зоотехніків.

Закінчив Дружелюбівську неповну середню школу. Після 9 класів вступив до Белгород-Дністровського педагогічного училища. Студент першого курсу.

Ішов світанок
у світі далеко,
Та й зупинився
за моїм селом.
Легіли з вирію
лелеки,
Та й сіли в парі
під вікном.

Я з хати вийшов,
привітався,
Та й запросив лелек
в нас погостити.
В цей час світанок
розпрощався,
Й злетів на золоті мости.

По тих мостах
у світ далеко
Поніс весни солодкий щем.
А я і молоді
лелеки -
Довгенько гомоніли ще.

Прокинувся рано, глянув у вікно,
Черешня наша - ніби та Ганнуся -
Вдягла фату із інєю, вінок.
Я їй спросоння тихо усміхнувся.

А віперець на гілочці приліг,
Й тепер її сполохати боїться.
Мерщій встаю, скидаю ковдру з ніг,
Та ще не віриться, що вже не спиться.

Татьяна КУЛЬЧИЦКАЯ

...да, читая мои стихи, не мог упрекнуть меня в
...се они написаны сердцем. Когда-то в юности
... Потом многие годы это были стихи о нелег-
...ом женском счастье. А теперь давно уже геро-
... стали такие же пенсионеры, как я сама, стари-
...раны с нелегкой горькой судьбой, но по-пре-
...жнему молодой душой.

И пишу я теперь о них и для них.
Пишу, когда строчки сами рвутся из сердца.

Мы столько раз твердим: «Прости, отец!»
Но старику от этого не легче.
И все реальней нищенский конец,
И все слабее согнутые плечи.

А ведь какой был раньше молодец!
Он под Европы пропахал когда-то!
Победу нашу выстрадал боец,
Чтоб стал тот день для нас священной датой.

Став светлым всенародный торжеством,
Став праздником великого народа,
Чтоб наши внуки помнили о том,
Какой ценой оплачена свобода.

И польхают тысячи цветов,
Отогревая души ветеранов.
Да только вот беда: от громких слов
Не заживают старческие раны.

Окончен митинг. Долг отдали свой.
Здесь завтра будет только тлен и мусор.
Ну, что ж, отец, пора идти домой...
А на душе его до боли грустно.

Вчера отдал последние гроши
В аптеке за обычное лекарство.
И как теперь до пенсии дожить?
Как выдержать политиков коварство?

Не за такую жизнь он мерз в снегу,
Шел под огнем на вражеские доты.
Чтобы теперь завидовать врагу?
Просить, как милость, для детей работы?

Замешкался... Могил гранитный ряд
С трудом окинув потускневшим взором,
Вздыхнул старик: Счастливый ты, солдат,
Что не дожил до нашего ~~м~~зора...

Порою жизнь, как туфли, жмет
И счастье вдребезги разбито,
Но в каждой женщине живет
Булгаковская Маргарита.

Вот так бы щетку оседлать
И пронестись над грешным миром,
В сердцах все к дьяволу послать
И вдруг предстать перед Мессиром.

Перед всеильным Сатаной,
Внимательным и равнодушным,
И под чарующей луной
Принять судьбу свою послушно.

И мрака гордый властелин
Укажет дьявольской рукою,
Как отыскать среди долин
Дорогу к вечному покою.

Мы все теперь не без греха,
И в каждом вера и безумство,
В душе молитва, а в стихах
Мечты шальное вольнодумство.

Все скамейки были заняты, на аллее, несмотря на вечерний час, резвились дети. Откуда-то доносилась музыка. Паж увлек Королеву в тишину лунного парка... Они дошли до фонтана. На фоне вечернего неба и моря, на котором видны были контуры кораблей в гирляндах огней, сверкающие струи водопада то взлетали ввысь, то падали. Казалось, вода напевает какую-то несказанно прекрасную мелодию.

- Прислушайтесь... Это Шопен! - прошептала Королева.

Они сели под кустом отцветшей сирени. Не рядом, а на большом расстоянии друг от друга, каждый на своем краю скамейки. Королева была комсомолкой, спортсменкой, красавицей. Ее главная фрейлина, каждый вечер гася свечи в канделябре, приседала в глубоком реверансе. И, традиционно желая "покойной ночи" Ее Высочеству, изрекала Главную Заповедь Королевства: "Умри, но не давай поцелуя без любви!" А Паж? Будучи гардемаринном, он старательно изучал Морской устав. Преклонялся перед Великими полководцами. Особенно перед Юлием Цезарем, перед немеркнущими сквозь века словами: "Пришел, увидел, победил".

Набравшись смелости, он решительно придвинулся, обнял Королеву за узкие плечи и поцеловал! Поцелуй пришелся где-то между ухом и глазом.

Это было неожиданно. Королева подумала, что сейчас умрет. Это вызвало в ней протест. Она разгневалась. Легко вырвалась, вскочила на ноги и промчалась несколько шагов. Остановилась. В спускающихся сумерках она отчетливо увидела широкую канаву, идущую от фонтана вниз. Не раздумывая и секунды, она перелетела через препятствие. Сказывалась тренировка - Королева была чемпионкой по прыжкам в длину.

В наступивших сумерках зажглись фонари, как большие золотые луны. Она стояла под каскадом света. Где-то невдалеке послышался залихватский свист, треск ломаемых ветвей. Она чисто по-детски испугалась. Ведь это была Одесса, с ее таинственной ночной жизнью. Почувствовав себя одинокой, беззащитной, Королева позвала Пажа.

Паж был обескуражен ее бегством. "Дикая серна! Ага, позвала... Далеко не убежала..." На мгновение, притаившись, он прыгнул через злополучную канаву. Но, увы, не рассчитал. Просто он не был чемпионом по прыжкам в длину. Через секунду он выкарабкался из канавы. Представьте себе, в каком виде! Наверное, английские трубочисты выглядят импозантнее. Жидкая грязь, наполовину заполнившая водосток, не пощадила ни его милое личико, ни ладони, ни белый мундир.

Королева протянула ему руку - милостиво, чтобы помочь. Но Паж решительно прижал Королеву к своему сердцу!

А что бы написал на пергаменте придворный летописец? "Девочка чумаза, где нос замазала?" Летописец был не прав. Чумазыми были двое. Они смотрели, не могли наглядеться друг на друга. И хохотали... до слез.

Затем помчались вверх, к фонтану. Редкие прохожие, выдавшие виды аборигены и представители других суверенных государств, останавливались ошеломленные - в фонтане купались двое - юноша и девушка.

На фоне неба и моря, то, падая, то, напевая музыку Шопена, стояли двое. Они казались изысканной скульптурой XVIII века, потому что мокрая одежда повторяла форму юных тел. Да, и все видели, видели!

Как Королева стала на носочки и горячо поцеловала Пажа (который в конце концов был просто обиженным мальчишкой).

И все в мире стояло этого поцелуя!

НЕВЫДУМАННАЯ ИСТОРИЯ (БЕЗ ПРИКРАС)

*Ты стоишь печально над обрывом -
Треплет ветер золото волос.
Над простором пенным и бурливым
Реет в небе белый альбатрос.
Ты неводишь глаз с туманной дали -
Доброй вести ждешь издалека,
Не мелькнет ли в утренней эмали
Белоснежный парус челнока.
Каждый день выходишь ты до солнца
С беспокойной думой на утес.
Ночью ждешь у темного окна -
Не вернется ль молодой матрос?
И когда во мраке темной ночи
Ты услышишь бури злобный вой
От горящих слез тускнеют очи
И седеет локон золотой...*

И не было далее ничего... Ни встреч, ни свиданий, а, тем более, марша Мендельсона. Марина "заявилась" домой поздно, в насквозь мокром платье, с мокрыми туфельками в руках. Настоящая Золушка после полуночи, когда волшебство закончилось! Как ее встретили дома, я никогда не напишу. Что ей говорили - не говорили, кричали! Я умолчу... Но поймите, какое это многозначительное молчание! А потом - стена. Стена молчания. Заговор молчания. Женя обрывал телефон - ей запретили подходить. Не подзывали к телефону. Женя ей писал по два письма в день! Письма перехватывались. Женя и Марина были аккорманцами. Оставалась одна надежда - на встречу в Аккермане. Но наступившие каникулы и солнечный берег Затоки ничего не изменили. Наступила осень. Холодный ветер гнал, как любила повторять Марина, "золотые листья по серебряной воде"! И вдруг - среди этого ненастья, неопределенности, тоски - ПИСЬМО. Я не могу повторить строки письма, просто поверьте - слова были такие ласковые, нежные, проникновенные... Это уже было не по-детски трогательное чувство. А настоящее, всепоглощающее чувство любви! Казалось, сам конверт горячий от этого сильного чувства! Они должны быть навеки вместе!

В постскрипуме слова фронтного поэта Константина Симонова: "Жди меня, и я вернусь, только очень жди..." И она ждала, светила вся радостным ожиданием. И сны ей снились светлые, солнечные... Но однажды, это было в декабре, страшное сновидение. Нагромождение скал, скалы черные на фоне багряного света. Они стоят на краю глубокой расщелины. Его карие глаза сияют счастьем, его лицо, загорелое, обветренное морскими бризами... Они протягивают друг другу руки, сейчас, сейчас он ее обнимет своими крепкими руками! Ей так нужна его любовь и защита. Но... Внезапно Женя срывается. И падает в пропасть! Его прощальный крик сливается

в едином аккорде с ее криком. Этот крик в ночи поднял всех домашних. Ее тормошат, спрашивают. Но Марина молчит, затаив в руке талисман - морского конька, подаренного Женей...

Через несколько дней из Аккермана приехала тетка с передачей. Вечером Марина пригласила ее в кинотеатр "Короленко" на кинокомедию. Когда внимание тетки было всецело поглощено, Марина предприняла продуманный психологический прием. Она безразличным голосом задала мучивший ее вопрос: "Где сейчас ходит Женя?" Марина знала, моряки не плавают, моряки на кораблях ходят. Но тетка морские термины не знала. Ответ был как удар кинжала: "Он свое отходил... третьего дня их похоронили в Очакове".

Она закусил губу до крови, чтобы не закричать. Она сжала свои пальчики так, что они побелели, а ногти иголками впились в живую плоть. Она ПРИКАЗАЛА себе - не плакать. И это было страшно, потому что ее начал бить озноб.

Одеревеневшая, не помнила, как пришла домой. Пожаловалась, что ей плохо. Вызвали "скорую", делали какие-то уколы.

И наступила ночь в ее жизни, ночь в душе - безжалостная, бесконечная. ...

Потом ты будешь помнить обо мне,

Потом ты будешь плакать - так ведь надо.

И став к окну в холодной простыне,

Молить у одиночества пощады.

Слегка оправившись от болезни, она сделала все возможное и невозможное, чтобы поехать в Очаков. Морской катер скользил на воздушных крыльях. Очаков вырос на горизонте красновато-кирпичной громадой обрывистых берегов.

Лишь лентой вилась в неведомое дорога. Марина понуро шла по улицам незнакомого города, пока не пришла на кладбище. Вечерело. Кладбище было безлюдным. Что ж, придется осмотреть все кладбище!

Она обходила сектор за сектором, методично вбирая в себя горечь всех этих потерь. Внезапно она поняла - надо искать не выкристаллизованную на граните или мраморе боль, а свежую могилу. Неумолимо спускались сумерки, а она металась, как ночная бабочка, бьющаяся о стекло. Если лицом к выходу - то слева шесть свежих могил. Крест, окрашенный в голубой цвет, и фотография - чуть прищуренные глаза, по-детски припухшие губы...

Она упала на холм земли и заплакала. Это было единственное место на планете, где можно было целиком отдаться своему горю. Она кричала и плакала, билась о землю. Потеряла голос, а потом и сознание. Очнувшись от прикосновения чьих-то рук. Над ней стояла молодая женщина в черном: "Девочка, не убивайся так, милая". Марина доверчиво потянулась к ней. "Почему?" - почти беззвучный вопрос. Женщина поняла и медленно, четко ответила: "Угарный газ... Был шторм... Продрогли... Затопили печурку. Из-за бури в каюте накопилась смертельная доза угарного газа. Старшему было 26 лет... Вот и мой здесь... Мы с тобой сестры по горю. Они погибли все до одного".

Легучий Голландец с мертвой командой... Такая трагическая случайность...

Так трагически закончилась любовь Королевы и Пажа.

С годами Марина осознала, что через ее коротенькую жизнь прошла любовь, такая большая - БОЛЬШЕ ЧЕМ САМА ЖИЗНЬ.

Ольга МАЙСТРЕНКО

Народилась на Миколаївщині. Працюю медичної сестрою в ЦМЛ. Вірші та музику пишу з дитинства. Друкувалась в міській та обласній пресі, альманасі "Літературна Бессарабія". Мрію видати збірку віршів та пісень.

ТРОЯНДА

Незвичайна квітка
Виросла в теплиці.
Її доглядали
Руки молодиці.

Вдосталь було всього:
І тепла й любові,
Майорили квіти
Різнокольорові.

Лагідно дивились,
Чарували очі.
Доторкалися ніжно
Рученьки дівочі.

Доторкалися ніжно,
Зрізали з любов'ю.
Сердце у троянди
Обливалось кров'ю.

Кров, немов водиця,
Обмивала квітку.
При чарівній вроді
Забирали в "клітку".

Принесли троянду,
Поклали у вазу -
Прикрасила гарна
Кімнату відразу.

З заздрістю дивились
На неї довкола:
Пластмасові квіти,
Духмяна віола.

В кришталевій вазі
Зав'яла серденька.

Викинули бідну -
Не потрібна більше.

Навіщо ті очі,
Що її любили?
Навіщо сердешну
На смерть відрядили?

Так з вами, дівчатка,
Частенько буває -
Потрапляєш в "клітку" -
І врода вмирає!

Виктор МАМОНТОВ

Виктор МАМОНТОВ более тридцати лет отдал военной журналистике. В настоящее время - заместитель главного редактора газеты "Одесские известия". Автор книг повестей и рассказов "Ветер подул в пустыню", "Каштан Степь уходит в разведку", "Этого не забыть", "Рассвет встречаю первым", книг стихов "Мотив судьбы", "Последний снег", "Крестики и нолики" и других. Член Международной ассоциации писателей маринистов и баталистов. Его произведения переводились на болгарский, польский и венгерский языки. Дипломант ряда литературных конкурсов. Заслуженный работник культуры Украины и Молдовы.

ПОКАЯНИЕ ЗНАМЕНИТОГО СЫНА

I

Вашингтон грустил от непогоды
В зареве задумчивых огней.
Я стоял у статуи Свободы -
Раньше понаслышке знал о ней.
А теперь, увидев мир воочию,
Уяснил: всяк создал свой кумир!
Может, тот и прав, кто днем и ночью
Славит этот символ на весь мир...
Я же здесь душою и всем сердцем
Вдруг услышал зов родной земли,
Той, где прозвучало Судьбы скерцо
И мои таланты расцвели,
Где стоит моя родная хата
С колесом под аиста гнездо,

Где так ждал с войны отца-солдата,
Познавал смысл жизни "от и до"...
То ль Судьба, то ль Бог распорядились -
Стал певцом, объездил белый свет,
А родные стены только снились:
В хате не был много-много лет.

II

Шел концерт с успехом колоссальным,
Публика кричала: "Браво! Бис!"
Сам себе казался эпохальным,
Уходя за широку кулис.
Негр с подносом: "Сэр, вам телеграмма".
(Сколько их, как радость, получал!)
"ПРИЕЗЖАЙТЕ УМИРАЕТ МАМА
ВАШ СОСЕДИ НАТИЙ ШАПОВАЛ".
Я не жил! Спешил, себя терзая!
Самолеты, авто, поезда...
"Подожди, не умирай, родная.
Будем теперь вместе, навсегда..."
Как я мог в величии и славе,
Прикрывая совесть мишурой,
Позабыть дороги-тропки к маме,
Перестал я быть самим собой?!
Иногда лишь слал ей переводы.
(Письма не ко времени писать).
Сам дитя божественной природы,
От природы удалялся вспять.
А в момент последнего прощанья,
Я до боли губу закусив,
Душу сдал в объятья покаянья,
Искренне прощения просил.
В онеменье, на краю могилы
Существом всем горько осознал:
Став эгоистической бациллой,
И себя, и мать обворовал.
Слава, восхваления, награды
Увели от истины святой:
Матери, дав жизнь, безмерно рады,
Если дети ценят дом родной,
Где их ждут, как ангелы ждут Бога,
Чтоб дыханье слышать, стук сердец
И опять благословить в дорогу,
Веря - встречам не придет конец.

Плакал сын, не зная светлой тайны:
Мамина последняя слеза
Вылилась се мечтой печальной -
Посмотреть кровиночке в глаза.
О, как жаль, что только у погоста
Постигаем сердцем и умом -
Растерять все можно очень просто,
Но как сложно все вернуть потом.

Вячеслав МИНАЕВ

Автор книжки сказок и притч. Публиковался в городской и обласной прессе. Также в одесском юмористическом журнале "Фонтан", альманахах "Південна ліра" и "Литературная Бессарабия".

ДОМ НА ОКРАИНЕ

(Почти сказочная история для взрослых)

Глава 1

Эта история произошла в микрорайоне Дубки города Турчанска. Немного о Дубках. В так называемый период застоя, в один из общегородских субботников, далеко за городом, в степи была посажена дубовая роща. Здесь же заложили фундаменты нескольких жилых многоэтажных домов, загса, больницы, магазина... Но настали смутные времена - великая империя, занимающая шестую часть земли, раскололась и финансирование строительства микрорайона прекратилось. С горем пополам возвели один двенадцатиэтажный дом с шести подъездах. Остальное "заморозили". Хотя магазин, на половину построенный, работал, но в нем, кроме хлеба, мыла, соли, "Кильки в томате", да манной крупы, траченной червем, редко бывало что-то путное. Больницу тоже почти закончили, но почему-то работал только морг. ЗАГС же и около десятка домов так и остались в зародышевом состоянии - кое-где были "выгнаны" первые этажи, но дальше этого не пошло.

Итак, Дубки представленные единственным жилым домом, возвышающимся над всем и вся таким гигантским фаллосом, имели вид маленького городка после жестокой бомбежки времен второй мировой...

Но зато в Дубках был чистый воздух, незагаженный автомобилями. Здесь, как в деревне, пахло коровьими "лепешками", потому что в двух километрах от дома раскинулось огромное село Мыкоза, пастухи которого часто выгуливали стада на сочных и буйных травах микрорайона.

Детишкам тут было раздолье. Они играли в войну и прятки в разрушающихся строениях. Ловили в густых зарослях рослого алого чертополоха ящериц и ежей. Плавали в корытах и на самодельных плотах по "вековой" огромной луже, что подпитывалась неисправным водопроводом и пересыхала только в очень засушливые годы, жгли костры в ближних лесополосах, делали набег на виноградники... Молодежь тоже не скучала. В степи, местами, росла дикая конопля. В баре "Русалка" (обшарпанный строительный вагончик с огромной губастой и сисястой русалкой, написанной на лицевой стене заведения художником весьма примитивистического направления) можно было выпить сто грамм разведенного спирта или бокал кислого пива даже тринадцат-

цатилетнему подростку - только пяти... Молодежь устраивала пикники в лесополосах. Да и сама степь, окружающая Дубки - летом служила огромной зеленой настелью для делающего первые шаги в половой жизни юношества.

Взрослое население микрорайона тоже имело свои развлечения. Тот же бар "Русалка", карты, домино, посиделки в дубовой роще на лавочке. Особо жилая часть дома любила вечерять под вековым, раскидистым дубом, который был посажен, возможно, еще при последнем самодержавии Николае Втором.

Ни государственный, ни частный транспорт в Дубки не ходил. Поэтому до города дубковцы добирались кто на чем. Большинство на своих "двонх", некоторые на велосипедах и единицы - на машинах.

Так бы и жил дом спокойной и мирной жизнью, если бы не...

Глава 2

Роза Моисеевна - пышнотелая, смуглая женщина, четвертая жена Хаима Ивановича Айсберга, стоя на балконе, принимала воздушные ванны перед сном. Она делала дыхательные упражнения по системе малоизвестного, но подающего большие надежды экстрасенса Авдотьи Бугайло и подсчитывала на сколько зим их родне хватило бы картошки, что находилась в длинном фургоне, который был припаркован недалеко от дома.

На сумеречном небе появилась одинокая бледная звезда. "Подмигивает, как мужчина женщине, который думает о женщине, как мужчина", - размышляла Роза Моисеевна, глядя на светящуюся точку. - "А как будет звезда в мужском роде? Звезд? Звездок? Звездок?.. Надо у Хаима спросить. Если звезды бывают женщины, значит есть и мужчины..."

Но тут какая-то черная легковая машина - Роза не видела разницы между "мерседесом" и "запорожцем" - на бешеной скорости врезалась в мутные воды лужи-озера. Кое-как выбравшись из "водоема" ни то "запорожец", ни то "мерседес" затормозил у фургона с картофелем. Из черной машины выскочило несколько рослых и мускулистых молодых людей с прическами "под Котовского" в солнцезащитных очках - хоть уже и был поздний вечер.

Один из них стал резво выбрасывать мешки с картошкой из фургона. Его друзья лихо вспарывали мешки далеко не перочинными ножами.

"Глупцы! Такие хорошие мешки портят!" - с гневом подумала женщина. С противоположной стороны подкатила машина лимонного цвета. Из нее выпрыгнули не менее рослые и мускулистые патлатые "мальчики" и открыли стрельбу по лысым.

Роза Моисеевна, при всей своей полноте, пулей заскочила в квартиру и закрыла дверь на все задвижки.

- О-о, Боже! О-о, Боже! И это все из-за картошки... Глупцы! - причитала она.

- Что там, Роза? - спросил, почесывая свое хилое, желтое тельце, Хаим Иванович Айсберг. - Слышу гром. Не гроза ли?..

- Хуже, Хаимушка!

- Град?

- Хуже!

- Камнепад?

- Хуже!

- Конец света?

- Хуже! Стреляют! Стреляют из настоящих пистолетов... Ох-ох! Что будет? - женщина в ужасе выпучила глаза, которые и без того были навывкате. Казалось, что еще мгновение - и они выскочат из орбит и с неприят-

ным для слуха хлопаньем шлепнутся на пол.

- О-о, Боже! Глушцы! Что будет?

- Страна босяков... Да, босяков, - спокойно изрек Хаим Иванович. Его тельце на старой дубовой тахте было неподвижно, глаза прикрыты. Надо сказать, что на тахте, на которой покоился старик, умерло три прежних его жены. Айсберг жил уже очень долго (родился в конце 19 века) и не собирался на погост. Он пережил 14 своих собак, 8 котов, 2 попугая, марьяшку Революцию и осла Лаврентия, не считая вшей, клопов и сменяющих друг друга вождей - отцов народа...

Выстрелы за окном прекратились. Успокоившаяся Роза просянце-кокетливо обронила:

- Хаимушка, приголубь свою девочку.

Когда Хаим Иванович хотел уже было пролить свою неиссякаемую нежность на прелести молодой жены, в дверь кто-то начал нагло бить ногами.

- Босяки! - сплонув, обронил старик, оставаясь в костюме Адама.

Глава 3

Роза Моисеевна взяла три вместительные авоськи. В этот важный момент она забыла, что у нее только две руки. Соседка по площадке Изольда Федоровна Невинная - руководительница детского театра и мать трех дочерей от разных отцов - сыпала триста слов в минуту, размахивала руками, подпрыгивала на месте, словно делала утреннюю зарядку.

- Розочка, быстрее, быстрее! Все разберут! Нам ничего не останется, Розочка!

Роза от неожиданности растерялась и плохо соображала. Ко всему еще у нее кружилась голова от спертого духа детской мочи и горохового супа, что шел мощными волнами из распахнутых дверей Невинной. Из этих же дверей выглядывали три любопытствующие девичьи рожицы. Младшая, как всегда, была голенькой и хлопала розовым носиком-пипочкой. Из него параллельно друг другу текли две густые сопли, которое девочка ловко слизывала язычком с верхней пухленькой губки.

- Что стоите смотрите, спиногрызки! - заверещала мать на дочерей.

- Ищите фонарик! Ночь же на дворе!

Девочки фальшиво запищали и бросились искать фонарь, которого никогда не было в доме руководительницы детского театра.

Роза и Изольда пришли вовремя. Жильцы дубковского дома фургон с картошкой опустошили только на треть.

Была фантасмагорическая ночь: не мотыльки слетались на свет огня, а десятки фонариков - этакими большими светляками - на дармовую картошку. То тут, то там свет выхватывал красные и потные, пылящие и бурчащие себе что-то под нос знакомые физиономии соседей. Каждый хватал и тащил к себе домой столько, сколько мог унести. Некоторые уже делали вторую ходку. Слабосильные мужчины волокли мешки по земле, а те, что помощнее взваливали себе на плечи. Женщины набивали авоськи. Между дубковцами суетливо бегал и отвлекал их от дела корреспондент местной частной газеты "Известия Караваева" ("ИК") Зиновий Звездок - маленький мужчина с большой лысой и шишкастой головой. В этот неординарный момент выражение его физиономии было таким, словно его мучает хронический запор с геморроем в придачу.

- Народ! Это ваша собственность? А-а? Народ? - задавал он то одному, то другому вопрос. Его отпихивали, посылали. Когда Звездок узнал о стрельбе, то стал собирать информацию для острого материала в рубрику "Криминал ИКа". Записав подробности стычки между лысыми и волосатыми, корреспондент успокоился. Расстегнул вместительный ридикюль, с которым он обычно ездил по фермерским хозяйствам, и доверху набил его картошкой. Не забыл наполнить и карманы костюма-тройки.

Ночь пала на утроб. В близлежащем селе Мыкоза заголосили петухи. Фургон был пуст, только кое-где валялись подавленная виновница стрельбы и бессонной ночи дубковцев.

- Поделись бутылкою своей, и она к тебе еще не раз вернется... - нарушило предрассветную тишину пьяное пение дубковских сапожников Лелека и Болека. Они возвращались из богатой на винные запасы Мыкозы. Одеты они были как близнецы: потертые с заплатами джинсы и линялые адидасовские футболки китайского производства. Непутевые их головушки украшали кепки, только у одного на кепке красовался американский орел, а у другого - бычья морда. Они, как и положено мужчинам в пятьдесят лет, донашивали вещи за своими сыновьями-акселератами. В руках у Болека булькал вином полугоралитровый пластмассовый баллон. На дне его еще было немного "чернил".

Тут по Дубкам пронесся вой милицейской сирены. Через мгновение милицеская машина была на месте вечерней стрельбы. Лелека и Болека грубо затаскивали в машину и надели наручники.

Глава 4

- Рассказывайте все, блин! Иначе, плохи ваши дела, - обратился к понуро сидящим Лелеку и Болеку тучный капитан милиции, напоминающий нагулявшего вес кабанчика, которого уже давно пора колоть.

- А шо, начальник, рассказывать? Нам нечего сказать, - ответил Лелек

- Кепки снимите, свиньи! Вы в помещении или где? - рыкнул капитан, хотя сам был в фуражке.

Задержанные нехотя сняли кепки. Лелек оказался выбритым до синевы. У Болека же - нечесаная и немытая грива волос.

Худенький прыщавый сержант с оттопыренными ушами выскочил из-за стола, за которым он приготовился записывать допрос, и, семеня ножками, подбежал к капитану, начал шептать что-то на ухо.

- Говори громче, Дуськин, - поморщившись, сказал капитан Поцелуев. - Я ничего не слышу. Один писк, блин.

- Товарищ капитан, - громче зашептал Дуськин. - Это, наверное, Колобок и Петя-Индеец. Словесные портреты сходятся.

- И в чем же они сходятся, блин?

- Колобок лыс, а Петя-Индеец - волосат, - выдохнул сержант.

- До нас, милейшие, дошел слух, что прошлым вечером, - четко выговаривая каждое слово, как автоответчик, повел речь Поцелуев, - была стычка между двумя крупными бандитскими группировками. Между людьми Колобка и Пети-Индейца... Из-за чего устроили стрельбу? А-а, милейшие, а-а? - тон капитана изменился, он стал вкрадчивым, миролюбивым. - Что не поделили? Зоны влияния, а-а?

- Нам нечего делить, кроме бутылки, - ответил Болек.

- Прямо уж таки. А картошка чья? Стычка была из-за картошки, золота, наркотиков, оружия, а-а? Картошка чья?

- Наверное, кто-то потерял...

- Целый фургон?

- Ну-у, да-а!

Тут без стука в кабинет Поцелуева уверенно вошел молодой стройный и красивый, как голливудская звезда, лейтенант. Такие обычно становятся зятями начальников милиции.

- Товарищ капитан, - обратился вошедший к Поцелуеву. - По последним сведениям от наших людей, стычка между бандитами была из-за крупной, очень крупной суммы долларов США.

- Ясенько! - понгрывая длинной массивной цепочкой фальшивого золота, что крепилась к ремню и спускалась в оттопыренный карман, сказал довольный Поцелуев. - Доллары были в одном из мешков? А-а? Признавайтесь, уважаемые!

Лелек и Болек насупились, скинули.

Раздался робкий стук в дверь.

- Кого там черти, блин, несут? - рыкнул капитан. Сержант открыл дверь. Неуверенно вошел корреспондент "ИКа" Зиновий Звездок, приподнял шляпу.

- Зиня, скажи им, что мы не мафия! - повскакивали со своих мест Лелек и Болек. - Зиня, скажи, что мы твои соседи!

- Ты кто? - грубо спросил капитан.

- Я? Я Зиновий Христофорович Звездок, журналист, работаю в "ИКе"... А это Лелек и Болек. Точнее Леонид и Борис. Они сапожники. В нашем доме в Дубках мусоропровод не функционирует. Так они в мусоросборнике сделали себе мастерскую и дубковцам ремонтируют обувь...

Поцелуев разочарованно крикнул, сняв фуражку, поскреб маковку.

- Встать! - заорал он на сапожников. Лелеку он дал звонкий подзатыльник, а Болека - пнул под зад.

- Дуськин, на пятнадцать суток их! Пусть параша, блин, чистят!

Сержант, по-собачьи оглядываясь на капитана, дубинкой вытолкнул задержанных из кабинета, покрикивая:

- Пшли-и! Пшли-и!..

Глава 5

На следующий день город Турчанск читал свеженький хрустящий номер "ИКа" с материалом Зиновия Звездoka "Кровавое побоище в Дубках".

В статье было следующее:

"Я, Зиновий Христофорович Звездок когда-то написал обширную философско-аналитическую статью-поэму "Дом-корабль" о строительстве микрорайона Дубки. О доме-первенце, который этаким огромным белым кораблем возвышается над зеленым морем степи... Так вот, в среду, в 20 часов 32 минуты, когда мирлолюбивые дубковцы пили вечерний чай, лузгали семечки, забивали "козла" и любовались прекрасным, редкой красоты закатом светила, когда трудолюбивые мыкзовские пастухи собирали стада крупно- и мелкорогатого скота с сочных пастбищ Дубков, чтобы гнать их в родное, милое сердцу село, когда воздух был чист и свеж, как утренняя роса, когда микрорайон погружался в предсонный покой и негу, раздались, леденящие кровь, выст-

релы. Да-да! Смертоносные выстрелы!

Бессовестные, бесчестные, бездушные бандиты-паразиты на болезненном теле нашего общества устроили разборки. Видите ли, их главари, иначе говоря, паханы Колобок и Петя-Индец не поделили фургон с хернобыльским корнеплодом. Человеческая жизнь для них п-фу - дешевле гнилой картофелины (поверьте мне, я знаю). Это не люди, а нелюди!

Наша доблестная, славная милиция в лице отважных капитана Поцелуева и сержанта Дуськина сразу же выехала на место кровавой бойни. Бесстрашные стражи порядка после долгого и отчаянного сопротивления задержали двоих особо опасных рецидивистов.

В ходе следствия мудрый и дальновидный капитан Поцелуев выдвинул следующую версию (дословно): "Я, капитан милиции Поцелуев города Турчанска, считаю, что разборки между козлами Колобка и Пети-Индейца, набросившихся друг на друга петухами, были из-за сумасшедших бабок, блин, точнее долларов США..."

К счастью никто из миролюбивых и хлебосольных жителей Дубков не пострадал. Искренне ваш Зиновий Звездюк".

Глава 6

Был жаркий полдень. Мыкзовский пастух Микола Крендель, облаченный в сэкондхэндский малиновый костюм, расположился на летней плюшадке бара "Русалка". Маскировочная сетка сверху, защищающая от подпавшего в зенит солнца, крепкие и грубые стол и стул, полуторалитровый баллон красного охлажденного вина, краюха черного ржаного хлеба, кругляш брынзы и объемный пучок зеленого лука с солью делали обед пастуха простым, сытным, в удовольствие. Он, не торопясь, потягивал вино (водки Крендель не признавал с четырнадцати лет), отламывал небольшими кусочками хлеб с брынзой и, макая их вместе со стрелками лука в соль, аккуратно клал в щербатый рот, тщательно пережевывая. Это была чинная трапеза труженника. Время от времени Микола брал со стола театральный бинокль цвета слоновой кости и осматривал стадо, пасущееся невдалеке.

"Все ж, у кого сиськи больше - у этой "селетки" (так Микола называл русалку, что украшала стену вагончика) или у моей Марьи?" - сидя в заведении, до головной боли терзался одним и тем же вопросом Крендель.

Тут пастух услышал топот ног и возбужденное возгласы. К бару приближалась компания завсегдатаев. Они энергично жестикулировали, гоготали, беззлобно матерились. Владелец малинового костюма и театрального бинокля узнал художника Льва Созерцалова - по сутулой и худосочной фигуре (это ему приписывали авторство русалки на вагончике), Жору-Тампакса - в прошлом прапорщика, ныне торговца гигиеническими прокладками (он, как всегда, был в пятнистом маскировочном костюме) и Петю Брынзовского - сторожа дубковского морга - по вертливой, вирипрыжку, походке.

- Привет, Микола! - поздоровался с пастухом Жора-Тампакс - крупный, рыжий мужчина с жиденькой косичкой волос, выглядывающей из-под панамы.

- Вишние источники в Мыкозе еще не иссякли?

- Не-е, Жора. Скорее снова "Союз" будет, чем "чернила" у нас закончатся.

- Присаживайся, едрена корень, за наш стол. Рождение моей внучки

обмоем.

Мужчины сдвинули два стола, взяли у барменши Жанны (по всей видимости, она была прообразом русалки) литровую бутылку спирта, банку томатного сока и тарелку с соленой килькой.

Надо сказать, что рождение внучки Жоры-Тампакса обмывали уже с десяток раз. Девочке шел второй год.

- Так когда твоя зайка родилась? - после пятого стаканчика понитересовался у торговца прокладками крепко захмелевший Петя Брызовский.

- Ни то после похорон Черепкова из 72 квартиры, Петруша, - отвечал Жора-Тампакс, задумчиво почесывая бурый пористый нос указательным пальцем с жирной грязью под ногтем. - Ни то в день смерти тети Маши из первого подъезда.

Невдалеке от "Русалки" остановилась черная "Волга". Из нее выскочил подвижный, как Луи де Фюнес, Арнольд Арнольдович Барбаров - директор завода оборонного значения, который уже несколько лет простаивал. Директор, не открывая рта, одними жестами отдал распоряжение двухметровой девушке-водителю-телохранителю. Та открыла багажник, взвалила на кругое плечо мешок картошки и пошла за шефом.

- У Полчеловека все как не у человека, - заметил Жора-Тампакс. - За дармовой картошкой, едрена корень, в ту ночь не спустился, цаца какая! - сплюнул обладатель косички и потушил обмусоленный окуроч в тарелке с килькой. - Одно слово - Полчеловека!

А. А. Барбаровова окрестили Полчеловеком за жесткий, тиранический нрав.

"По-моему, правая грудь чуть больше левой, - думал о бюсте настенной русалки художник Лев Созерцалов, ежеминутно забрасывая длинную челку с глаз набок резким поворотом головы. Его газелевые очи были печальны. - Или мне так кажется. В прошлый раз было наоборот. Левая была больше правой..."

Вечерело. Пастух Микола выпил на посошок и, раскачиваясь, побрел собирать свое стадо, чтобы гнать его в Мыккозу.

"О-о! Зиня на хвост сел!" - отметил, пробудившись на миг, Брызовский, который дремал, уткнувшись физней в небольшую лужицу томатного сока.

- Я хочу выпить за наши Дубки! - вдохновенно щебетал Зиновий Звездок. - За Дубки! За этот райский уголок! Только здесь можно из своего окна увидеть пастораль: холеное, многоголовое стадо парнокопытных, пасущееся на сочных, девственных лугах и сеющее пахучие лепешки... Да здравствуют Дубки! Ура-а-а!

- А я говорю, что у Жанны больше! - был упрям Жора-Тампакс. Он был багров. Его маленькие мутные глазки налились кровью.

Барменша Жанна, увядающая женщина с обильной косметикой не только на лице, но и на шее и груди, походила на старого клоуна. Она стреляла на засидевшихся глазками, кокетливо, с хрипотцой хихикала.

- Нет, у русалки больше! - настаивал Зиновий Звездок. - Я отсюда вижу и сопоставляю... Я меньше пил...

- Лева, едрена корень, скажи члену-корреспонденту, что я прав, - обратился к Созерцалову Жора.

- По-моему, они одинаковы, - ответил художник, вытянув правую

руку с сигаретой в пальцах и орудуя ею, как средством измерения величины предметов на расстоянии...

Дубки погружались в сумерки. Со всех сторон неслась однообразная, жизнеутверждающая песнь сверчков. Где-то за лесополосами, в Мыкозе, лениво перелайвались собаки.

Глава 7

В ста шагах от дома, под раскидистым вековым дубом, на лавочке сидело несколько женщин. Они чинно, с чувством собственного достоинства, лузгали семечки и вели неторопливые беседы.

- Картошкой на первое время запаслись. Я мешок приволокла и Петя две авоськи, - сказала, до этого все время молчавшая, Брынзовская - широкоплечая, краснолицая женщина средних лет с рыжими юношескими усиками над верхней губой.

- Мы тоже с Розочкой три ходки сделали, - подала голос Изольда Невинная. - Если бы человек мог обходиться только духовной пищей, тогда в этой жизни все было бы намного проще. А то постоянно болит голова - чем кормить спиногрызок на завтрак, что дать в школу старшим, что приготовить на ужин.

- Был бы человек, как верблюд - было бы волшебное, - мечтательно обронила Роза Айсберг. - Он, горбачик, выпил десять ведер воды и ходит довольный. Вот, если бы люди так могли. Если бы не три раза в день ели, а, допустим, раз в неделю... Экономия была бы.

- Да, а остальное время духовные наслаждения, музыка, поэзия, театр... - поддакнула Изольда.

Роза приставила к губам пальцы, выпучила по-жабы глаза, сплонула шелуху от семечек и заговорщицки тихо сообщила:

- Мой муж, Хаим, предполагает, что в одном из мешков были доллары США.

- В каких мешках? - переспросили, тоже шепотом, мать и дочь Сороки, как жерди высокие и тощие женщины с круглыми сутулыми спинами. Их хрящеватые носы от напряженного внимания заострились, глаза стали по-крысиному пытливы.

- В тех, что были с картошкой. Зачем тогда устраивать стрельбу, потрошить мешки? Возможно, что кому-то из нашего дома очень и очень повезло. Кто-то стал крайне богат. Интересно, кто этот счастливчик? - выложила Роза.

С минуту женщины молчали. Монотонно лузгая семечки, громко сплевывая, сопя.

- Не к добру это все, не к добру, - сишло вздохнув, нарушила молчание мать Сорока. - Мне днем, перед картофельной ночью, шесть черных котов дорогу перебежали, четыре человека с пустыми ведрами встретились. Не к добру, к беде... И стая ворон, которая летела на городскую свалку, как-то гадко кричала. Среди них я заметила одну белую ворону. Ох, к беде это! Помните мое слово.

- Прислушайтесь, что рассказывает Эдик-Пожилый мальчик детям, - смеялась ему дочь Сорока.

Невдалеке от женщин, возле ряда вкопанных скатов, стоял сорокалетний мужчина. Ростом он был под два метра, богатырского сложения. Казалось, что одежда на нем с чужого плеча - брюки короткие, рубашка, того и гляди, лопнет на спине. Он разговаривал с группой мальчишек 8-10 лет.

- Не трогай пчелу. Если она укусит, то будет смерть желудка.
- Это как? - спросил у Эдика перепуганный мальчик.
- Спроси у врача в морге. Кстати, вы знаете, что жил один дядька, который в жару свою башку клал в холодильник.

- А зачем?

- Он плохо, вернее, его башка плохо переносила жару. И чтобы не скакало давление и не было головной боли, он в самые жаркие часы клал ее, башку, в холодильник рядом с пивом.

- А рядом с Фантой можно?

- Нет, только с пивом или с квасом. С другим нельзя...

- Ну-у, и дурень же он, - пискляво сказала Невинная и свободной от семечек рукой поскребла спину. - Сорок лет бугаю, а говорит несусветные глупости.

- Он до сих пор мальчик, - веско бросила мать Сорока.

- А-а, что же он не женится? Его так любят дети двора... Такой статный, как гусар, - удивилась Роза.

- А кому он нужен?! - фыркнула Клавдия Брынзовская. - Мой Петюнчик - никчема, а этот еще хуже. Он же до сих пор собирает вкладыши от жвачек и игрушечное оружие. Ум, как у десятилетнего... Хотя мешок картошки в ту ночь прихватил. Тоже запас сделал.

- Картошки нынче плохой урожай. Будет дорогая..

- Да, жука много было, а дождей - кот наплакал...

- Это сколько же картошки можно купить на мешок долларов? - воскликнула Невинная.

- Если стодолларовые купюры, то весь Турчанск бы зимовал с картошкой, - убежденно сказала Брынзовская.

Глава 8

- Мне, бабушка, пожалуйста, десять кулечков с семечками и десять пустых кулечков, чтобы сплевывать, - попросила старушку старшая дочка Невинной, Анжела - девочка самая обычная - тощая акселератка на пятнадцатисантиметровых каблуках с тремя сережками в одном ухе и пухлыми губками, покрашенными помадой в темно-сливовый цвет. - Нет, газетные, бабушка Дарья, не надо. Мне, пожалуйста, зелененькие.

- Какова разница? - удивленно спросила старушка, суетливо насыпая семечки в кулечки.

- Я люблю зеленый цвет. У вас же еще есть зеленые.

- Бри раз люблю. Мне не жалковато...

За Анжелой, выстроилась очередь из жишцов дома.

Дарье Тунгусовой показалось странным, что, когда закончилась зеленые кулечки, очередь разочарованно вздохнула и, потеряв интерес к семечкам, разошлась. Ну, и на том спасибо. В миске осталось семечек с маленьким стаканчик. Дарья и сама их слугает, глядя по телевизору "Дикую Розу".

- Дед Гриц - позвала мужа торговка семечками.

- Что, мать? - глухо отозвался он из туалета.

- У меня седня сама хороша торговля бла, - радовалась она, говоря, как в микрофон, в щель между туалетной дверью и косяком. - Семки размели сразу же.

- Дашь на сто грамм? - откашлявшись, заискивающе спросил дед Гриц.

- Дам уж. Тако не каждый день бывает.

В дверь стариков сначала робко, потом настойчиво стали стучать (звонок несколько лет назад, вместе с проводами, вырвало дубковское хулиганье, а на новый не было лишней копейки). Бабушка Дарья, полпартизански тихо, подкралась к двери и глянула в глазок, вернее в отверстие (глазок тоже кто-то выкрутил с год назад), прислушалась.

- Только ничего, Ангела, не говори. И ты, Роза. Я сама поведу речь. Тут нужна осторожность, - вполголоса говорила дочери и соседке по площадке Изольда Невинная.

Старушка узнала соседок по дому, но насторожилась.

- Ктой тамо? - спросила она на всякий случай.

- Это мы, Дарья Ивановна. У вас "Дикую Розу" можно посмотреть?

Четыре женщины сидели у старого цветного телевизора и смотрели душещипательный сериал. На экране все - и дома, и деревья, и лица героев - были зеленого оттенка.

- Чтой-то с тевизиром приключилось у вас? - спросила гостей старушка.

- Да, Дарья Ивановна, у меня ни звука, ни изображения, - ответила Изольда. - А-а у Розы антенну украли. Картошкой запаслись? - неожиданно переменяла тему разговора руководительница детского театра.

- Е-е чуток.

- Ночью?

- Не поняла?

- Той ночью, когда весь дом в фургоне брал?

- А-а, да! Дед мой мешок принес. Я потом его сердешными таблетками поила. Десятый этаж, а лифта не работает.

- А в мешке картошка была? - не унималась Изольда.

- А как же, картошка. А чму ж там бывать? Давайте ко лучше "Розу" поглядим, - предложила старушка.

Невинная нетерпеливо поскребла рукой спину.

- Бабушка, а где вы это взяли? - выпалила, все время заставлявшая себя молчать и нервно теребившая серыги в ухе, Ангела, показывая старушке долларовую купюру.

- А-а, эта! Вы у моего деда поспрашайте... Погодте, шас Рикардо Розу нежить будет.

Роза Айсберг стала нетерпеливо подталкивать локтем в бок Невинную. Та поскребла спину и заинтересовалась:

- А где ваш дед?

- Нужду справлят.

Невинная вскочила и двинулась к туалету. За дверью санузла раздавались соответствующие звуки.

- Дед Гриц, вы еще долго?

- А кто это? - прокашлявшись, отозвался он.

- Это я, Изольда Федоровна Невинная.

- Ты тоже по большому хочешь? А-а? Что у тебя, милая, туалет не работает?

- Нет, все нормально, работает. Это телевизор не работает.

- Что тебе, милая?

- У меня к вам дело.

- Щас. Что-то съел. Теперь бегаю через каждые десять минут. Все нутро выворачивает. Напасть какая.

- Я подожду возле дверей, - сказала Изольда.

- Подожди уж.

Когда дед Гриц открыл дверь, Изольда сморщилась от густого, угарного духа, отвернувшись, но краем глаза успела заметить на полу туалета приличную горку мятых, испачканных долларов. Ей от этой картины стало дурно больше, чем от тяжелого, настоящего годами запаха (вода особенно не баловала жильцов верхних этажей дома).

- Дедушка, а где вы взяли эту бумагу? - спросила она, брезгливо подняв одну из купюр с пола туалета.

- А-а, это? На деревьях растут, - застегивая ширинку, ответил старичок.

- Вы шутите, дедушка?

- Не-е, не шучу.

- Тогда, я начинаю думать, что вы больны.

- Да, милая, болен, - громко икнув, заключил он. - Живот с утра пучит...

Тут показались бабушка Дарья, Роза и Анжела.

- Фильм закончился. Всего полчаса, - обреченно обронила Роза Айсберг.

- Ну что, мать, дашь на сто грамм? - спросил дед у своей жены.

- Дам ужо.

- Спокойной ночи! - сказала Тунгусовым Невинная таким тоном, каким, обычно, посылают к черту и, выходя последней, зло хлопнула дверью.

Глава 9

В одной из комнат просторной квартиры, на разложенном диване, развалился Эдик, которого в Дубках прозвали "пожилым мальчиком". Размстав руки и ноги, Эдик глядел в потолок. Глаза его были мечтательны, затуманены. После смерти родителей он жил один. Будучи инвалидом детства, он получал кое-какую пенсию, которой ему хватало, чтобы заплатить за квартиру и сидеть на жвачке и хлебе с водой. Автор не оговорился, упоминая жвачку. Эдик при любом возможном случае ее покупал. Вся мебель, стены были обклеены вкладышами от жевательной резинки, а также плакатами и вырезками из журналов со всевозможными чудовищами, черепами и молодцами, вооруженными до зубов. Вся стена над диваном была увешана коллекцией игрушечного оружия китайской штамповки. Здесь были и пистолеты, и автоматы, и мечи в ножнах, и луки... Коллекция - большая гордость Эдика. Он испытывает, своего рода, экстаз, глядя, какими восхищенными, квадратными глазами, смотрят на его оружие мальчишки двора.

Заквакал дверной звонок, грубо разрушив воздушные, розово-голубые замки, которые успел настроить в своих детских мечтах Эдик. Он взял свой любимый автомат и тихо, по-кошачьи, несмотря на свои большие габариты, приблизился к двери: - Пароль?

- Ключ Ван Дамм! - хором ответило за дверью несколько мальчишеских голосов.

- Это старый пароль. Говорите новый или не впускаю.

На площадке, за дверью, настала тягостная тишина. Чуть позже возбужденный шепот и, наконец, кто-то неуверенно обронил: - Джеки

Чан?!

Эдик открыл шесть замков.

- Входите, братья по оружию, - басом пригласил он гостей. Эдик снова лег на диван, трое мальчишек присели с краю.

- Посмотри, Шварц (так обращались к Эдику "братья по оружию" - он их об этом просил), в каких кулечках семечки продают, - сказал, судя по росту, старший из гостей.

- Что это?

- Это доллар. Настоящий!

- Американские деньги?

- Да. Я точно знаю. У отца в кошельке видел.

- А кто такие кулечки дает? - поинтересовался Эдик.

- Баба Дарья из четвертого подъезда. Я слышал, что в фургоне, в одном из мешков, была валюта мафин. Может, баксы у бабы Дарьи и деда Грица? Они той ночью тоже картошку брали...

- Нам бы мешок денег! - воскликнул Эдик.

- А что бы вы, Шварц, сделали бы? - робко поинтересовался рыжий, веснучатый мальчик.

- Я бы... Я бы... купил бы настоящий танк! Да, танк! И сдирал бы на нем в магазин...

- Полиция не разрешила бы, - сказал обладатель доллара.

- Ну, тогда... Ну, тогда бы купил самый классный видик и миллион кассет с боевиками и мультиками... А то хоть я и люблю "Незнайку на Луне", - гигант погладил пухлую и истрепанную книгу, - но все же раз двадцать его перечитывал... Слушайте, а если нам... - Эдик взял лист бумаги и стал на нем, не говоря ни слова, писать, молча показывая написанное своим друзьям, словно у него в квартире установлено подслушивающее устройство. Мальчики кивали головами и тоже, не издавая ни звука, писали в ответ.

Глава 10

Было то время суток, когда вечер незаметно переходит в ночь. Уже зажглись окна в дубковском доме, но еще слышен детский гам на улице.

В дверь стариков Тунгусовых постучали - три удара подряд и еще один - после паузы. Так всегда барабанит соседка напротив. Это условный знак. Бабушка Дарья, не спрашивая, открыла дверь и опешила. На пороге, как ей показалось в первое мгновение, стояли три маленьких негра и один огромный. Великан упирался головой в верхнюю перекладину дверной коробки. Они грубо оттеснили старушку, закрыли за собой дверь и направили на нее оружие. Один из маленьких негров пискляво и перепуганно, словно не он, а на него делали налет, заикаясь, выпалил:

- Мо-олчи, бабочка, а то дынно продырявим!

- Мать, кто там? - раздался голос деда Грица из туалета.

Все негры приставили свои автоматы и пистолеты к голове старушки. Самый маленький бандит, не доставая до лба, упер дуло в правую ноздрию Тунгусовой.

- А-а-а! Соседка за солу пришла, - выдавила из себя бабушка Дарья. Когда у старушки прошел первый испуг и она уже несколько свыклась со своей ролью жертвы, то заметила, что негры не совсем негры.

У них были белые кисти рук, а на головах, при близком рассмотрении, оказались черные женские чулки, но было уже поздно. Бандит-гигант играючи взвалил себе на плечо мешок, который стоял в дальнем углу комнаты, и выскочил вон. За ним, гикая и свистя, побежали бандиты-коротышки.

- Мать, кто там? - опять глухо поинтересовался из туалета Тунгусов.

- Дед, нас-то ограбили! - хватаясь за сердце, истерично крикнула она в щель между дверью и косяком.

В санузле раздался шум. С легким скрипом открылась дверь и вышел недовольный, с кислой миной, дед Гриц:

- Что ты говоришь?

- Мешок с запасом липуты унесли, - сказала она и тихо заплакала.

Глава 11

Не прошло и получаса после бандитского налета на Тунгусовых, как в их дверь кто-то стал бить ногами. Старушка заспешила к входным дверям, а то еще взломают:

- Кто там?

- Полиция!

- Слава Богу!

- Привет, бабка! - в квартиру без приглашения ввалился крупный, грузный мужчина. Он был в одних полосатых шортах и шлепанцах на босу ногу.

Все остальные открытые части тела, кроме лакированной головы, были покрыты густой растительностью. На шее гостя болталось несколько золотых цепочек: на одной - крест, на другой - иконка, на третьей - скорпион, на остальных - черт знает что.

- Здрасти!?

- Гони мешок с баксами! - рявкнул он.

- Какой мешок? Какой вакса? - перепугалась Дарья. - Дед, подь сюды! К тебе должно быть.

Тунгусов, хмурясь, вышел к гостю.

- Дед, гони мешок с баксами! - выказал нетерпение обладатель голого черепа.

- У нас был мешок картошки. Есть мешок семечек. Мы запас сделали со старухой, а ваксы нет.

- Какая вакса, пердун! Баксы, "зелень", "капуста", доллары! Из чего сегодня ты, бабка, делала кулечки? А-а? Я - Валет! Мне мутить воду не надо! Урою!

- Не бузи, Валера.

- Не Валера, а Валет! Дед, не буди во мне зверя. Сегодня весь дом лужгал семечки из зеленых кулечков... Показывайте, пердуны, где они!

- Заходи в кухню. Только не бузи. Щас, покажу. Возле газовой плиты, в кастрюле без ручек, росло деревце. Вместо листьев свисали долларовые купюры.

- Вы, хрычи, из ума выжили! На папоротник баксы нацепили. - Валет сорвал три десятка банкнот, - деревце стало голым.

- Где мешок, пионеры?

- Нет у нас больше.

- Даю минуту на раздумья. Если мешка не будет, обрежу уши и заставлю съесть. Время пошло... - глянул на свои золотые часы дуб-

ковский криминальный авторитет.

Глава 12

На пятьдесят восьмой секунде в разбитую дверь бабы Дарьи и деда Грица стали снова ломиться. На пороге, поигрывая дубинками, стояли капитан Поцелуев и сержант Дуськин.

- И ты тут, кучерявый, блин?!

- Мы, капитан, вместе с бабушкой последние новости смотрим, - стал оправдываться Валет, - Мой-то "ящик" сломался.

- Только не надо мне втирать про "ящик", Валет. У тебя, наверное, даже в параше телек есть, а ты - сломался. На "зелененькое" тебя потянуло?

- Что ты, начальник! Я так, новости глянуть.

- Ладно. Будешь свидетелем, - бросил Поцелуев рэкетуру и обратился к Тунгусову. - Дед, я все знаю. Покажь лучше сам, где мешок с валютой, а то под статью попадешь. На баланде сидеть будешь. Где мешок?

- У нас с бабкой был мешок картошки.. Его сперли лилипуты. Есть еще мешок семечек.

- Покажи, дед.

- На кухне, в углу, за шторой.

- Дуськин, глянь, что там.

Сержант, до этого усердно ковырявший прыщ на лбу, бросился на кухню. Запустил руку внутрь мешка, крикнул: - Семечки, товарищ капитан!

- Принеси в комнату и высыпь на пол. Может, валюта мафии на дне?

Дуськин, кряхтя, приволок мешок, опрокинул. В центре тесной комнаты выросла большая черная гора подсолнечника.

- Дуськин, обыщи все углы, закутки.

- Есть, товарищ капитан!

Красный и потный от усердных поисков, сержант доложил Поцелуеву:

- В туалете нашел одиннадцать долларовых купюр. Ими, извиняюсь, подтирали жо... зад. А так больше нигде нет, товарищ капитан.

- Где остальную валюту прячешь, дед? - развалившись на диване и лужая семечки, поинтересовался Поцелуев. Тунгусов, испуганно вытаращив глаза, молчал.

- Дед, признайся лучше сам, где прячешь валюту мафии, а то под следствие посадим, допрашивать усердно будем..

- Не знаю, о чем вы говорите, лейтенант!

- Не лейтенант, а капитан, - побагровел Поцелуев.

- Извиняйте, стар. Не вижу сколько звезд.

- Где твоя бабка взяла долларовые банкноты, из которых кулечки для семечек делала. А-а? Старый?

- Все по порядку?

- Да, дед. Дуськин, записывай, блин.

Сержант достал из папки бумагу, ручку и удобно устроился за столом.

- Пенсия у меня маленькая, у бабки - тоже, - начал Тунгусов. - Вот и приходится собирать бутылки, ходить за грибами в лесок, что педа

леко от Мыкозы...

- Короче, дед! - оборвал его Поцелуев.

Старик съежился, откашлялся, вытер испарину со лба и продолжил:

- Недавно были грибные дожди. Вот я и собрался в лесок. В эту пору хорошо идут, прямо прут из земли, шампенёны. Да, хорош нынче шампенён.

- Короче, дед! - нетерпеливо рыкнул капитан.

- Хорошо, лейтенант.

- Ка-пи-тан!

- Так вот, набрал я полное ведрышко грибков и решил передохнуть. Прилег под деревцем. Достал из авоськи воду, хлеб и соль. Стал есть лежа. Ноги уж больно разгуделись. Лежу я себе, лежу...

- Короче, дед! - заорал Поцелуев и, что есть дури, стукнул ногой по полу. Соседи снизу стали стучать по батарее. Мол, зачем шумите? Дайте отдохнуть.

- Ляжу я себе, гляжу вверх и вижу странные какие-то листья у кустарника. Ляповатые листочки. Четырехугольные. Цифра "один" на каждом. Морда какая-то. Ни то баба, ни то мужик. Я и выкопал чудное деревце. Принёс домой. Мы его с бабкой посадили в кастрюлю.

- Ты, что, дед, с сеновала упал? - заревел медведем капитан. - Ты, старый дурень, хочешь сказать, что на деревьях доллары растут?

- Да! Ей богу, правду говорю. Вот Валера - свидетель. Он сегодня перед вами оборвал деревце.

- Это правда, Валет?

- Да, я взял пару штук... Ради понта.

- Показывай!

Валет нехотя полез в карман шорт и достал пачку долларов, что забрал у стариков. Подумав, протянул одну банкноту.

- Давай все! - рявкнул Поцелуев. Рэкетир нехотя отдал все.

- Ты гляди, хрустят. Совсем новые. Чем, дед, докажешь, что они растут на дереве?

- Щас принесу, - шаркая тапочками, Тунгусов вышел. Минуту спустя, появился с растением. - Вот, новые листики лезут. Поцелуев приблизился к чуду, стал рассматривать.

- Ты гляди, блин! Надо же, - воскликнул капитан, заметив в углу маленького листочка цифру "один", английские буквы - Мы конфискуем дерево. Это своего рода машина растительного происхождения для печатания баксов малого номинала, - потирая руки, нервно почесывая зад, сказал он. - Дуськин, бери кастрюлю с деревом. Только аккуратно.

- Черт с деревом, - обронил Тунгусов. - Нас сегодня ограбили липипуты. Бабка, моя чуть разрыв сердца не получила. Мешок картошки унесли...

- Какие еще липипуты - задержавшись, поинтересовался Поцелуев.

- У нас в Турчанске их отродясь не было. Твоя бабка, блин, наверно, в девичестве с сеновала упала. Пока, старики! Баксами больше зад не подтирайте. Это роскошь, блин.

Глава 13

Тринадцатую главу, как таковую, автор писать не стал, потому что являясь, своего рода язычником, верит в вещие сны, пустые ведра, домовых, черных котов, инопланетян и прочее...

Глава 14

Прошло уже около двух часов, как мыкозовский пастух Микола Крендель сидел в баре "Русалка". По обыкновению он был в малиновом костюме, лицо его, как у человека, поклоняющегося Бахусу, было лилового оттенка. Стадо же Кренделя паслось в двадцати шагах от заведения - тихо и мирно поедало сочные травы Дубков.

На столе перед пастухом лежала пустая полторалитровая пластмассовая бутылка из-под красного вина (Микола ее не раз ставил, но бутылку все время опрокидывал легкий ветерок), несколько пластинок брынзы, долька чеснока и корочка черного хлеба. Иностранно в этом натюрморте смотрелся театральный бинокль.

После традиционного своего обеда Крендель сидел не шевелясь, словно прислушивался, как переваривается, усваивается съеденное и выпитое.

Некоторое время спустя громко, утробно икнув, он вышел из оцепенения и достал из внутреннего кармана пиджака кусок мятой пожелтевшей газеты, которую подобрал в стени у железной дороги. Когда Микола с головой погрузился в чтение и осмысление статьи под названием "Влияние северного сияния на рождаемость детей у эскимосов", его бодро шлепнули по плечу.

- Ну-у!? - протянул просвещающийся, равнодушно глянув на Жору-Тампакса.

- Что там пишут? - присев напротив, спросил торговец гигиеническими прокладками.

- Да-а, так. Одно место читаю уже седьмой раз, а въехать не могу. Уж больно кучеряво написано.

- Брось ты это! Давай-ка лучше рождение моей внучки обмоем.

- Давай, - согласился пастух и в его красных мутных глазках мелькнула искра.

Прятели допивали бутылку водки, когда бывший прапорщик предложил сыграть в карты. Микола согласился, но добавил: - За так я не играю.. Давай на что-то.

- Бутылка водки. Идет? - предложил Жора.

- Да-а, - подумав с полминуты, ответил пастух. Жора-Тампакс достал из нагрудного кармана замусоленную, распухшую от долгого употребления, колоду карт: - В дурачка?

- Ну-у-у! - поразмыслив, ответил пастух. - Другие игры я не знаю.

- А че ж так долго кумекал? - поинтересовался Жора-Тампакс.

- Соизмерял.

- И где ты это слово выудил?

- До тебя в газете прочитал. Оно мне понравилось.

Глава 15

В ближней лесополосе раскаркались вороны.

Женщины, сидящие на лавочке под вековым дубом, лузгали семечки и делились последними новостями.

- Вороны "кар" да "кар". Видно, к концу света, - заметила мать Сорока.

Остальные: Клавдия Брынзовская, Роза Айсберг, Изольда Невинная и дочь Сорока тяжело, обреченно вздохнули.

- Все знаки конца света налицо. Кругом блуд, пьянство, воровство,

наркоманы, болезнь эта... как ее? Чума 20 века?

- СПИД, - подсказала Невинная.

- Да, СПИД. А чего далеко ходить. Недавно ограбили Тунгусовых. Баба Дарья говорит, что ворвались к ним несколько липипутов и один здоровяк. Все в масках, при оружии. Мешок картошки у старых уволокли.

- Я сомневаюсь, что там была картошка, - нетерпеливо перебила говорившую Изольда. Она суетливо, с шумом поскребла спину и с болью, досадой в голосе бросила: - Там, скорее всего, были доллары! Да-а! Доллары! Тунгусова семечки насыпала в кулечки из долларов. И в их туалете я видела на полу груды мятых, использованных...

- Деньги - деньгами, - влезла в разговор дочь Сорока. - А пастуха из Мыкозы избили тоже липипуты.

- Это того, что в малиновом костюме ходит? - уточнила Роза.

- Да, того. Так набили морду, что глаза заплыли. Ничего не видит. Но это еще что. У него двадцать три коровы, четырнадцать коз и одного козла увеличилипуты... И откуда они взялись на наши бедные Дубки?

- Да, у одного горе, а у другого - счастье. Вон весь дом говорит, что Жора-Тампакс за неделю открыл три новых точки по продаже прокладок. Взял трех реализаторов. Может, у него мешок с долларами? - выбросив подставку горсть семечковой шелухи, сказала Роза Айсберг.

- Кобель он, Жора. Если даже у него и мешок, все равно он доллары на проститутток и водку потратит, семье - фига. Взял же в продавцы трех одиноких женщин, - со злостью выпалила Брынзовская. - И я слышала, что уже пристает к ним с намеками, лапает. Ручонки шаловливые у старого рыжего козла.

- Все они кобели и козлы! - сделала вывод Невинная. - Недавно Полчеловека видела с девицей под два метра.

- Может, это телохранитель Барбаросова? - выдвинула версию дочь Сорока. - Сейчас модно, чтобы тебя охраняла женщина.

- Любовница она ему, хоть он ей и в пупок дышит, - сплюнув, заключила Клавдия.

Вечерело. В стороне, в пятидесяти шагах от лавочки с женщинами, местные мальчишки во главе с Эдиком разожгли огромный костер. Слышались их голоса.

- Что весь мешок будем печь?

- Весь! Чтоб всем хватило. Бесплатная же...

Эдуард, играясь, поднял полный мешок. Тряхнул. Из него дробно сыпалась картошка Тунгусовых.

Глава 16

К городскому базару, к лотку на бойком, людном месте, где стоял сам Жора-Тампакс, подъехала черная иномарка с тонированными стеклами. Медленно открылась дверца, блеснула крепкая лысина. Из машины вылез Валет.

- Привет, Жорик!

- Здоров, Валет, коль не шутишь!

- У меня к тебе дельце, - перешел на шепот рэкетир. - Я знаю, что произошло тем вечером, ночью.

- Именно тем, едрена корень? - уточнил торговец.

- Да, именно тем. Так вот, я буду молчать, но мое молчание стоит полмешка. Слышишь, полмешка.

- Полмешка?

- Да! Я зайду к тебе вечером, к часам восьми.

- Заходи, едрена корень, договоримся. У тебя же семь девочек.

Валет скривился, как от зубной боли. Он уже на протяжении двадцать лет мечтал о сыне, но жена все время рожала дочерей. Сейчас мать-героиня опять беременна. Может, будет наследник? Преемник дел отца. Это последняя надежда Валета. Его жена уже не молода.

* * * * *

Дверной звонок в квартире Жоры-Тампакеа истошно завопил, мгновение спустя, словно что-то проглотив, умолк.

"Незнакомец, - решил бывший прапорщик. - Близкие соседи, знают, как звонком пользоваться".

На пороге стоял Валет с футляром от контрабаса.

- Заходи. Я приготовил, что обещал. А зачем музыка? - поинтересовался Жора-Тампакс.

- Для конспирации. Я в детстве учился играть на этой дуре. И сейчас бывает играю, когда полнолуние... - разоткровенничался бандит.

Дома, насвистывая мелодию песни "Мани" группы "АББА", Валет открыл футляр контрабаса, достал из него мешок и позвал жену. Ей он доверял, как самому себе, а, может, даже больше. Потому что себе, как и остальным, он не доверял.

- Радуйся, мать! Теперь наши девочки и, надеюсь, мой будущий наследник обеспечены... - приобняв женщину за плечи, торжественно, с пафосом, сказал он и свободной рукой вывалил содержимое мешка в футляр.

- Тьфу-у! - сплонула огорченно она. - Ты что, решил меня разыграть? Но это плоско. Солдатская шутка.

- Ничего не понимаю, - удивился Валет, глядя на горку упаковок с гигиеническими прокладками, тампаксами. Секунду спустя кровь мощной волной ударила ему в голову. Он побагровел и удавом прошипел: - Я из него, козла рыжего, решето сделаю!

Придя в себя, бандит положил в футляр контрабаса автомат Калашникова, пять полных обойм патронов и отправился к обманщику.

* * * * *

Жора-Тампакс и Валет, сидя на кухне бывшего прапорщика, допивали бутылку водки, закусывая вафлями "Артек", когда торговец предметами женской гигиены поведал историю о своем быстром коммерческом взлете.

- Я сидел с Миколой-пастухом в "Селедке", как мы сейчас с тобой, - начал Жора-Тампакс. - Пили, как мы сейчас с тобой, едрена корень. Отмечали рождение моей внучки. Решили перекинуться в картиншки. Сначала играли по мелочи, но когда Крендель проиграл мне десять ящиков водки, то поставил против них трех коз из стада. Играли. Играли до поздней ночи. Пастух проиграл мне двенадцать коров и семь коз. Хоть он и настоящий мужик, но заплакал.

- Я слышал, что на него сделали налет какие-то лилипуты, - вставил Валет.

- Это все сказки. Я ему рассказал про них, про Тунгусовых и он попросил, чтобы я ему, едрена корень, наколбасил дыню. Он потом в Мыккозе всем рассказывал, что на него напало с десяток лилипутов. Наколбасили

несчастливого и угнали часть стада.

- Да, и скотину спустил, и по портрету схлопотал. А ты куда свое стадо дел?

- Оптом продал одному коммерсанту. Вот от этого я и пошел в гору.

- Да! А я думал, что у тебя мешок "капусты". Что тебе, Жорик, той картофельной ночью подфартило.

- А я думал, что доллары у Тунгусовых. Но недавно услышал про какое-то дерево. О нем в доме говорят. Будто не дереве вместо листьев - баксы.

- Это не лажа. Я сам видел этот папоротник. Он теперь у Поцелуева дома. Но у него вместо баксов, хоть он и трясется над папоротником, хоть и удобряет его куриным пометом, лошадиными "яблоками", коровьими лепешками и прочим дерьмом, растут монгольские тугрики. Уже мешок тугриков. И капитан не знает, что с ними делать. Дуськин советует ему съездить в Монголию за кожей.

После третьей и последней бутылки водки Жора-Тампакс подарил Валету еще восемь упаковок предметов женской гигиены с "крылышками" и они, мирно, по-брежневски поцеловавшись, расстались.

Говорят потом всю ночь соседи бандита слушали заунывное, однообразное, как мелодия кочевника, скрежетание, но в стены и по батареям не стучали - боялись гнева "короля" Дубков.

Глава 17

Через некоторое время после крупного карточного проигрыша Кренделя Жоре-Тампаксу, в газете "ИК", в рубрике "Криминал" появилась статья Зиновия Звездюка "Лилипуты! Кто они?"

"Неспокойно стало в когда-то благодатных, осмелюсь сказать, райских Дубках. Жители дома еще не забыли жуткой стрельбы, как результате мафиозных разборок, а тут новая напасть - появились алчные и жестокие лилипуты. На их лилипутских душах уже два злодеяния, два грабежа. Первой их жертвой стали пенсионеры Тунгусовы. Старики ужинали - мирно ели манную кашу, когда к ним ворвалась группа негодяев. Злодеи были в масках и при оружии. Результат: у пожилых людей не будет на зиму картошки, т.к. лилипуты, угрожая расправой, унесли мешок корнеплода.

Вторым их злодеянием было нападение на стадо, вернее, на пастуха Миколу Кренделя из Мыкозы. Мало того, что они зверски избили Кренделя, так еще и угнали полстада парнокопытных в неизвестном направлении. Автор статьи только может, вздохнув, горестно воскликнуть: "О, времена! О, нравы!"

Капитан Поцелуев о случившемся сказал следующее: "Все это очень туманно, блин. В Турчанске никогда не было лилипутов, т.е. не жили. Я подозреваю, что это "гастролеры", т.е. бандитская группировка, которая чухает из одного населенного пункта в другой, совершая вооруженные грабежи. Другой версии, блин, пока нет. Мы этих козлов поймем..."

У меня, Зиновия Звездюка, своя концепция на этот счет. Как-то я сидел в свободное от газетных трудов время в дубковском баре "Русалка", пил пиво, закусывая воблой. Был вечер редкой красоты. Допивая пятую кружку я заметил странное свечение над дальней лесополо-

сой. Дубки - место глухое. Я еще тогда подумал: "Может, это летающая тарелка с туманоидами?"

Вполне возможно, что лилипуты - это внеземная цивилизация. Иначе говоря, инопланетяне. Вы спросите: "Зачем им корнеплод и парнокопытные?" Отвечаю: "Они хоть и маленькие, а тоже кушать хотят! Ваш Зиновий Звездюк".

Глава 18

Лев Созерцалов и Петр Брынзовский уже с час сидели у воды на окраине города - рыбачили. Рядом с загаженным берегом стоял построенный еще до войны мясокомбинат. Когда ветер дул в сторону города, то приторную вонь разлагающихся отходов предприятия доносило до центра Турчанска. Рядом же с комбинатом впору было надевать противогаз. Наши друзья здесь рыбачили регулярно и к тяжелому духу, как и люди, проживающие рядом, попривыкли.

- Что-то сегодня не того. Даже поплавок не дернется, - шпонуя на червяка и нацепив его на крючок, расстроено вздохнул Брынзовский. - Может второй пузырь, Лева, начнем?

Созерцалов достал из потертого и раздутого дерматинового дипломата бутылку водки, поцеловал ее и изрек:

- Я когда сижу у воды всегда вспоминаю одну и ту же мысль. В одну и ту же реку два раза не войдешь.

- Ну? Не понял...

- Время бежит, как вода этой реки и в прошлое возврата нет, - объяснил Лев. Открыв бутылку и наполнив пластмассовые одноразовые стаканчики, добавил: - Когда сижу у воды, общаюсь с природой. Моя жизнь, мое прошлое всплывает в памяти картинками. А картинки - это разные незначительные происшествия, ошибки, удачи, любовь, люди...

- Ты когда выпьешь, Лева, то начинаешь мудрить, - бросил Петр, подозрительно глянув на Созерцалова. - Вид у тебя, как у больного, старого пса, что жил у моей тещи.

- Во мне, Петя, умер философ. Да! И не только философ. Большой мыслитель равный, пожалуй, Льву Толстому. Я - одаренный человек. Почти как Леонардо да Винчи.

- Ну-у! - протянул сторож дубковского морга и посмотрел на художника, как врач на больного.

- В этой короткой, как вспышка молнии, жизни я все перепробовал. Имеется в виду творчество. В детстве я играл на бас-балалайке и, Петя, подавал большие, поверь, надежды, как юное дарование.

- Угу.

- В юности я играл в любительском городском театре. Самая интересная мною сыгранная роль - это крокодил Гена в детском спектакле... Красив я, как Ален Делон. Только по-славянски.

- Ну-у!

- Занимался я фотографией, карикатурой, сочинял декадентские стихи...

- Ну.

- Недавно закончил автобиографический роман "Лев Созерцалов". По объему он - девяносто шесть общих тетрадок, написанных мелким почерком...

- Да уж!

- Сейчас занимаюсь переводами с китайского. Меня заинтересовали поэты средневекового Китая. А также, по мере сил, занимаюсь живописью.

- Угу.

- Кстати, скажу тебе, Петя, по большому секрету. Только поклянись мне самым святым.*

- Угу. Клянусь, что молчок. Если начну трепаться, то чтоб пошло в меня не вливалось, - пообещал Брынзовский.

Они выпили остатки водки, закусили килькой в томате и Созерцалов, сделав загадочные глаза, вплотную придвинувшись к приятелю, шепотом спросил:

- Ты знаешь, кто написал русалку на стенке нашего бара?

- Не-е-е, - тоже шепотом ответил окосевший Петр.

- Я! - Созерцалов хлопнул себя в грудь.

- Молодец! Мне, мне ее сиськи нравятся!

- Сиськи ему нравятся! Темнота! - презрительно скривив рот бросил Созерцалов. - В второй Пирсмане!.. Что такое женская грудь? - откинувшись на спину и заложив руки за голову, рассуждал захмелевший художник. - Что такое женская грудь с точки зрения марсианина?

- Ну-у?

- Это два уродливых отростка. Эти, как их, инопланетяне, эти липи-путы не поймут всей красоты женской груди земной женщины. Ты знаешь, кто я?

- Ну-у, Лева?

- Т-с-с! Я марсианин. Только никому... т-с-с, - еще немного побурчав Созерцалов умолк. Чуть погодя, послышалось сопение. Художник спал.

Брынзовский нетвердыми пальцами, с горем пополам, кое-как нацепил на крючок последний кусочек тонкого, прозрачного червяка и закинул удочку подальше от берега. И тут в первый раз клонуло. Петр от неожиданности подпрыгнул на месте, пукнул, подсек и вытащил из воды огромного рака.

- Ну, хоть рак есть. Под пиво будет, - радовался неожиданной удаче Брынзовский.

- Отпусти меня, Петя, - шевеля усами, человеческим голосом попросил рак.

- О-о! Уже голоса! Добухарился! - рыбак в ужасе зажал ладонями уши, стал, мыча, раскачиваться, как Ванька-Встанька.

- Нет, еще не допилился, но можешь. Отпусти меня и я выполню самое заветное твоё желание.

- Желание? - переспросил Петр.

- Да! Если хочешь - мечту!

- Люди. Особенно трезвенники, - осмелел Брынзовский, - когда у них просишь медь на стакан вина или на рюмку водки отказывают. Ни у кого, как назло, ни копейки. Ни у знакомых, ни у чужих. Я хочу, чтобы когда я попрошу, мне всегда давали "мятый" на пошло. Любой человек, пусть даже эфиоп какой-нибудь, неразумный по нашенскому.

- Если я выполню твою мечту, то ты, Петя, через два года, три месяца, четырнадцать дней, пять часов и четыре минуты умрешь в канаве.

* - Ну, что же тогда делать? - спросил, перепуганный точной, до ми-

нуты, датой своей смерти, Брынзовский.

- Давай лучше сделаем так...

Пробудившись через полчаса, художник возбужденно, с сумасшедшим огнем в глазах, рассказал другу о приснившемся.

- Ты знаешь, Петруша, вроде бы, я организовал новую партию "Дубы Турчанска" и она победила на выборах. Но она не стала руководящей партией страны. "Дубы Турчанска" под моим руководством добились политической и экономической независимости Дубков. И Дубки стали малосенькой, но богатейшей и процветающей страной мира, типа Монако. А я - президент этой страны!

- Ну, да?

- А у нас в степи, возле дома, обнаружили колоссальные месторождения золота, нефти, газа, каменного угля... и вот таких, - Созериалов показал другу свой маленький, костлявый кулачок, - и вот таких алмазов!..

- И молочные реки, - добавил Петр.

Глава 19

- Здрасти, милая! Займи пару яиц, - попросила Розу Айсберг Изольда Невинная. Мать троих дочерей зашла в коридор и нетерпеливо топталась на месте, пока ее подруга копалась в холодильнике на кухне. - Спасибо, Розочка. Я вечером верну. - Невинная из любопытства глянула через плечо соседки в зал и у нее сперло дыхание. Она на несколько секунд потеряла дар речи. Придя в себя не удержалась и выплеснула: - У вас коллекция вин и шампанских на сотни долларов. Их еще недавно не было!

На верхних тумбах старомодной "стенки" шлютными рядами - этакой пестрой и разномастной армией - стояли полные бутылки дорогих импортных вин, коньяков, водок, шампанского.

Изольда суетливо заглянула в комнату и воскликнула: - И на полу, и на подоконнике, и на столе. Кругом бутылки! Вот это да! - она дико выпучила глаза, шумно поскребла спину. - Их за жизнь не выпьешь. А если и выпьешь, то сторишь...

- А-а, - только и смогла ответить Роза и обреченно махнула рукой.

Невинная, бережно держа в руке два куриных яйца, молча, с вопросом в глазах "Откуда?", уставилась на соседку. Роза в ответ растерянно, кисло улыбалась.

* * * * *

Невинная не выдержала и рассказала об увиденном матери и дочери Сорокам.

- Может Розе повезло той картофельной ночью? - осторожно обронила мать Сорока.

- Если ей повезло, то она хорошо маскируется, - сделала вывод дочь.

- Мы с ней не только соседки, но и близкие подруги. И она бы мне призналась. Не стала бы скрывать, - была озадачена Изольда. - Тем более той ночью мы вместе ходили за картошкой. Странно все это...

- Давайте-ка завалимся к ней вечером. Якобы поговорить, посудачить за жизнь и ненавязчиво расспросим. А-а? - предложила мать Сорока.

- Можно. Тем более, я ей яйца должна. И обещала сегодня отдать. Давайте встретимся в семь у подъезда.

* * * * *

В начале восьми вечера в квартиру семейства Айсберг позвонили. Дверной звонок вывел длинную соловьиную трель, два раза икнул и умолк.

- Добрый вечер, девочки! - поприветствовала Роза гостей и пригласила в зал. Хозяйка была деланно веселой, но ее выдавали покрасневшие глаза. "Видно плакала", - злорадно подумала Невинная и удивилась своему недоброму чувству к подруге.

Четверо женщин разом уселись на диван - он жалобно скрипнул пружинами, придавленный тремя центнерами.

- С чем пожаловали? - поинтересовались Роза, шумно высморкавшись в подол зеленого халата с красными драконами.

- Да так, за жизнь побалакать, - ответила на правах старшей мать Сорока. - Ты знаешь, Роза, что Клава Брынзовская ушла с работы?

- Нет. Первый раз слышу.

- Так вот, она теперь уже грузовик не водит. Говорит, устала баранку крутить. Теперь берет на продажу молоко и торгует возле нашего магазина.

- Молоко?

- Да. В день флягу продает. У нее очень хорошее, жирное молоко. Не чета магазинному и цена божеская. Говорит, что скоро маслом, брынзой, творогом и сметаной торговать будет.

- Умница. Не женское это дело на грузовике работать, - поддержала разговор Роза.

Неожиданно пронзительно зашелся дверной звонок.

- Это Хаим, муж мой, - встрепенулась и побежала к двери хозяйка.

Открылась дверь. Послышалась какая-то возня, невнятное бормотание.

Приглушенный звон стекла. Чуть погодя, в зал заглянул Хаим Иванович Айсберг.

- Брежнев святой! - выкрикнул он. Хаим был в мятом костюме грязно-зеленого оттенка. На груди в ряд висели 4 октябрятские звездочки с юным кучерявеньким Ульяновым. От старика на гостей пошла волна вони и перегара.

- Брежнев святой! - повторно визгливо крикнул пошатывающийся Хаим Иванович. В его красных бегающих глазках был какой-то нездоровый животный блеск.

- Святой, святой, - перепуганно повторила Невинная.

Роза, обливаясь слезами, увела мужа в спальню. Некоторое время слышался шум борьбы, стоны, неясные выкрики. Наконец наступила тишина. Отчетливо и монотонно, словно капала вода из плохо закрытого крана, тикал жестяной будильник. Вернулась Роза. Лицо ее горело, она прятала глаза.

- Он болен? - нетактично спросила дочь Сорока.

- Горе у нас, - вздохнув, сказала Айсберг, вытирая полый халата глаза.

- Поделись с нами и тебе станет легче, - посоветовали Сороки.

- Хаим, как мне рассказала его дочь от первого брака, еще до войны как-то упал с осла. И, видно, ушиб голову. С ним тогда начались странности. Он ходил по городу и считал, сколько живет на каждой улице воробьев. Потом, осенью, собирал конские каштаны. Семнадцать мешков набрал. Хотел открыть ими торговлю, как средством про

тив моли. Эти странности продолжались до конца войны...

- У него опять что-то с головой? - спросила Изольда Невинная.

- Да. Недели две назад, ночью, когда мы спали, я нечаянно попой столкнула Хаима с дивана. Он ведь спит с краю. Муж упал и ударился затылком о пол. С тех пор и началось. Стал ходить на городскую свалку и собирать бутылки из-под спиртного. Шас опять мешок приволок. Вечерами сидит и наполняет их чаем и водой с марганцовкой. А как выпьет, то ходит и кричит одно и то же - "Брежнев святой!" Что мне с ним делать - ума не приложу...

Глава 20

Дубковских сапожников Леонида и Бориса (в простом обиходе Лелека и Болека), почитателей любых напитков, содержащих хоть малую толику алкоголя, "зеленый змий" завел в центральный городской парк Турчанска (это в часе быстрой ходьбы от Дубков). Был поздний мрачный вечер. В воздухе пахло дождем. У друзей были пустые карманы и тяжелые от хмеля головы. Сапожники заметили в темноте неподвижный силуэт человека.

- Земеля, третьим будешь? А-а? Ик-ик, - обратился к неизвестному Лелек.

- У нас же денег нет. Чем мы его угостим? - недовольно пробурчал в ухо напарнику Болек.

- Тс-с! Земеля, если не хошь быть третьим, то займи тогда пару "мятых". Завтра на этом же месте, в этот же час вернем. А-а? Земеля? Ты гляди, даже разговаривать не хочет, - Лелек сердито пнул незнакомца и, ударив ногу, взвыл, выругался. - Зараза! Ты что, глухонемой? Дай хоть мелочь на опохмелку. Трубы горя! Сволочь! - Лелек еще раз пнул молчуна. Тут раздался металлический скрежет и правая рука неизвестного опустилась на голову воинственного сапожника. Тот сильно выпустил воздух и упал лицом на асфальт. Болек отскочил от обидчика друга на несколько шагов и испуганно заорал:

- Ты что это дерешься? Тружеников честных калечишь! Плати теперь штраф! Плати! А то милицию позову!

- А что он пи-на-ет-ся? - по слогам, как робот, прокрипел неизвестный и приблизился к распластанному на асфальте, как камбала на дне, Лелеку. Поднял бесчувственного сапожника, встряхнул его и поставил на ноги. Пострадавший некоторое время мычал, но, придя в себя, не замедлил выпалить:

- Я требую, земля, компенсации! С тебя стакан вина! Нет! Два стакана! Еще Болеку.

- И-дем-те, - сказал "третий".

Была ночь. На небе ни звезды. Только где-то на краю темного небосвода одинокая, сиротливая звездочка, которая судорожно подмигивала, словно подавала сигнал "SOS", словно боялась утонуть, исчезнуть в холодном мраке.

Лелек, Болек и "третий" сидели в "Русалке" и пили водку, обмененную у барменши Жанны на горсть царских золотых червонцев. Все пальцы рук сапожников были унизаны старинными массивными перстнями из желтого металла. Украшения светились, играли зелеными, красными, голубыми искорками драгоценных камней.

- А ты еще знаешь, где есть клад? - спросил у нового друга Лелек.

- Нет, лю-без-ней-ший. Боль-ше нет кла-дов, - отвечал "третий".

Барменша Жанна выпучив глаза, в которых смешались удивление и страх, изучала странного гостя. Ей сегодня за две бутылки дрянной водки отсчитали двадцать шесть золотых монет. От счастья у нее перехватывало дыхание, тяжело дышалось. Она долго и усердно поправляла на себе лифчик седьмого размера. Это продолжалось до тех пор, пока не сломался замок бюстгалтера.

- Жалко, - сказал Болек, - Хотя и этого достаточно, - он провел руками по оттопыренным от золота карманам, чтоб не делю пить.

- И на закусь еще останется, - добавил Лелек, кладя себе в рот соленую кильку вместе с головой и хвостом.

В начале третьего ночи жителей дубковского дома разбудил резкий металлический голос, который доносился со стороны бара "Русалка". Незнакомый исполнил романс "Гори-гори, моя звезда". После чего старушка Дарья Тугусова долго не могла заснуть. Все время крестилась, хваталась за сердце и шептала: "Боже, милуй. Конец света... Боже, милуй. Конец света..."

Поздним утром сапожников разбудил стук в дверь мастерской. Они часто, особенно после перепою, оставались ночевать в помещении бывшего мусоросборника. Так было спокойнее для них и их семей. Зачем лишний раз выяснять отношения со своей половиной и, как результат, быть битым венком или пиваброй? Жизнь сама по себе коварная баба и без твоих близких может звездануть тебя, в неподходящий момент, ниже пояса.

Стук в дверь повторился. Друзья охая, крича, вспоминая "мать" открыли не зачищенную дверь. На пороге стояла мать Сорока.

- Мне надо пошить тапочки! - сказала женщина, с нахальным любопытством, заглядывая внутрь помещения. - А это что такое?..

Весь пол мастерской был усыпан золотыми украшениями и монетами.

Глава 21

Лелек и Болек, сделав уборку на рабочем месте - собрав с пола золото, обнаружили, что им печем похмелиться. Сунулись в "Русалку", но бар как назло был закрыт.

- До Мыкозы ближе, чем до города. Пошли пить "чернилу" в село, - предложил Лелек.

- Так денег же нет?! - с долей истерии в голосе выпалил Болек.

- А клад! - резко заметил Лелек.

- А-а-а! - согласился напарник, расчесав растопыренную пятерней свою, давно немую, спутанную гриву.

Сапожники до раннего вечера ходили с одной на другую винные "точки" Мыкозы и, как они называли этот процесс, "дегустировали" вина. Платили они за вино более чем по-барски, за каждый выпитый стакан друзья снимали со своих натруженных пальцев по перстню. К концу "дегустации" их руки уже не отягощали украшения, да и карманы опустошились.

Сапожники не торопясь, в развалочку приближались к Дубкам.

- А где же наш третий, что клад показал? - подумал вслух Лелек, выскрившись в два пальца.

- На кой хер он тебе сдался? - спросил Болек.

- Как-то не по-человечьи получается, Болек. Он нас, можно сказать, озолотил. А мы его потеряли. Давай его поищем в лесополосе у "Седелки". Может до сих пор дрыхнет? Он вчера за двоих шел. А-а?

- Давай, - пехотя ответил друг.

За баром "Русалка" друзья увидели черную "Волгу" Арнольда Барбаровова. Из приемника машины неслся один из последних хитов, исполняемый табуном девчат: "Нет любви, нет в жизни счастья..." Вдруг неведальке затрещали кусты и из них выскочила Анжела Невинная - дочка руководительницы детского театра. За ней довольно резко, несмотря на короткие ножки, гнался Барбаровов. Оба смеялись. Точнее, Анжела - кокетливо хихикала, а Арнольд - ржал, как конь. Он все время повторял одно и то же: - Чисто нимфа, нимфа...

"Третьего" сапожники нашли в кустах лесополосы между баром и моргом.

- Кажись того, околел. Холодный, - пнув найденного, обреченно вздохнул Болек.

- Как говорит мой сын, передозировка, - со знанием дела, важно заметил Лелек, - по нашему, принял лишнее на грудь и сгорел.

- Пошли, Лелек. Мы его не видели, - испуганно оглядываясь, сказал напарник. Видно до его проспиртованного мозга только сейчас дошло, что "третий" мертв и их ждут большие неприятности.

- Не по-человечьи как-то, Болек. Он наш благодетель. Он нас озолотил, а мы его, как собаку, бросаем. Давай в морг его отнесем. Тем более - рядом. Напарник вздохнул и цыкнул спяной между передними резцами.

Сапожники попытались поднять "благодетеля", но из этого ничего путного не вышло.

- Тяжелый, как боров, - смахнув рукавом испарину со лба заметил Болек. - Давай Брыззовского позовем. Он сторожем в морге работает.

Друзья поначалу не узнали своего соседа Брыззовского. Петр переключился в блондина. На нем была новая костюмная тройка канареечного цвета, белая свежая сорочка и маленькая малиновая "бабочка" на тоншей шее. Из пикантного кармашка жилета свисала длинная серебряная цепочка карманных часов.

- Шо вам? - холодно, тоном директора морга, спросил Брыззовский.

- Петя, здесь рядом жмурик, - начал Лелек.

- Петр Петрович, - поправил сторож, достал пачку "Кэмэла" и, не угощая соседей, закурил.

- Петрович, надо помочь...

- Петр Петрович, - снова уточнил крашеный блондин, звеня цепочкой, достал из кармашка часы, глянул, который час, присвистнул и добавил:

- Короче!

- Тут рядом мертвяк! - выпалил Болек.

- Ну-у? Что вы из под меня хотите, граждане соседи?

- Носилки нужны...

Брыззовский дал посылки. Он не столько помогал сапожникам, сколько бестолково ими руководил. Наконец они кое-как дотащили неизвестного до морга и уложили его на нижних нарах у входа.

Барменша Жанна выпучив глаза, в которых смешались удивление и страх, изучала странного гостя. Ей сегодня за две бутылки дрянной водки отсчитали двадцать шесть золотых монет. От счастья у нее перехватывало дыхание, тяжело дышалось. Она долго и усердно поправляла на себе лифчик седьмого размера. Это продолжалось до тех пор, пока не сломался замок бюстгальтера.

- Жалко, - сказал Болек, - Хотя и этого достаточно, - он провел руками по оттопыренным от золота карманам, чтоб неделю пить.

- И на закусь еще останется, - добавил Лелек, кладя себе в рот соленую кильку вместе с головой и хвостом.

В начале третьего ночи жителей дубковского дома разбудил резкий металлический голос, который доносился со стороны бара "Русалка". Незвестный исполнял романс "Гори-гори, моя звезда". После чего старушка Дарья Тунгусова долго не могла заснуть. Все время крестилась, хваталась за сердце и шептала: "Боже, милуй. Конец света... Боже, милуй. Конец света..."

* * * * *

Поздним утром сапожников разбудил стук в дверь мастерской. Они часто, особенно после перепоя, оставались ночевать в помещении бывшего мусоросборника. Так было спокойнее для них и их семей. Зачемшний раз выяснять отношения со своей половиной и, как результат, быть битым веником или шваброй? Жизнь сама по себе коварная баба и без твоих близких может звездануть тебя, в неподходящий момент, ниже пояса.

Стук в дверь повторился. Друзья охая, кряхтя, вспоминая "мать" открыли не зачиненную дверь. На пороге стояла мать Сорока.

- Мне надо прошить тапочки! - сказала женщина, с нахальным любопытством, заглядывая внутрь помещения. - А это что такое?..

Весь пол мастерской был усыпан золотыми украшениями и монетами.

Глава 21

Лелек и Болек, сделав уборку на рабочем месте - собрав с пола золото, обнаружили, что им нечем похмелиться. Сунулись в "Русалку", но бар как назло был закрыт.

- До Мыкозы ближе, чем до города. Пошли пить "чернила" в село, - предложил Лелек.

- Так денег же нет?! - с долей истерии в голосе выпалил Болек.

- А клад! - резонно заметил Лелек.

- А-а-а! - согласился напарник, расчесав растопыренной пятерней свою, давно немытую, спутанную гриву.

Сапожники до раннего вечера ходили с одной на другую винные "точки" Мыкозы и, как они называли этот процесс, "дегустировали" вина. Платили они за вино более чем по-барски, за каждый выпитый стакан друзья снимали со своих натруженных пальцев по перстню. К концу "дегустации" их руки уже не отягощали украшения, да и карманы опустошились.

Сапожники не торопясь, в развалочку приближались к Дубкам.

- А где же наш третий, что клад показал? - подумал вслух Лелек, выморкавшись в два пальца.

- На кой хер он тебе сдался? - спросил Болек.

- Как-то не по-человечьи получается, Боек. Он нас, можно сказать, озолотил. А мы его потеряли. Давай его поищем в лесополосе у "Селедки". Может до сих пор дрыхнет? Он вчера за двоих шел. А-а?

- Давай, - нехотя ответил друг.

За баром "Русалка" друзья увидели черную "Волгу" Арнольда Барбаросова. Из приемника машины несся один из последних хитов, исполняемый табуном девчат: "Нет любви, нет в жизни счастья..." Вдруг невдалеке затрещали кусты и из них выскочила Ангела Невинная - дочка руководительницы детского театра. За ней довольно резво, несмотря на короткие ножки, гнался Барбаросов. Оба смеялись. Точнее, Ангела - кокетливо хихикала, а Арнольд - ржал, как конь. Он все время повторял одно и то же: - Чисто нимфа, нимфа...

"Третьего" сапожники нашли в кустах лесополосы между баром и моргом.

- Кажись того, околел. Холодный, - пнув найденного, обреченно вздохнул Боек.

- Как говорит мой сын, передозировка, - со знанием дела, важно заметил Лелек, - по нашему, принял лишнее на грудь и сгорел.

- Пошли, Лелек. Мы его не видели, - испуганно оглядываясь, сказал напарник. Видно до его проспиртованного мозга только сейчас дошло, что "третий" мертв и их ждут большие неприятности.

- Не по-человечьи как-то, Боек. Он наш благодетель. Он нас озолотил, а мы его, как собаку, бросаем. Давай в морт его отнесем. Тем более - рядом. Напарник вздохнул и цвыкнул сплюшкой между передними резцами.

Сапожники попытались поднять "благодетеля", но из этого ничего путного не вышло.

- Тяжелый, как боров, - смахнув рукавом испарину со лба заметил Боек. - Давай Брынзовского позовем. Он сторожем в морге работает.

Друзья поначалу не узнали своего соседа Брынзовского. Петр перекусился в блондина. На нем была новая костюмная тройка канареечного цвета, белая свежая сорочка и маленькая малиновая "бабочка" на тощей шее. Из пикантного кармашка жилета свисала длинная серебряная цепочка карманных часов.

- Шо вам? - холодно, тоном директора морга, спросил Брынзовский.

- Петя, здесь рядом жмурик, - начал Лелек.

- Петр Петрович, - поправил сторож, достал пачку "Кэмэла" и, не угощая соседей, закурил.

- Петрович, надо помочь...

- Петр Петрович, - снова уточнил крапёный блондин, звеня цепочкой, достал из кармашка часы, глянул, который час, присвистнул и добавил:

- Короче!

- Тут рядом мертвяк! - выпалил Боек.

- Ну-у? Что вы из под меня хотите, граждане соседи?

- Носилки нужны...

Брынзовский дал носилки. Он не столько помогал сапожникам, сколько бестолково ими руководил. Наконец они кое-как дотанцили неизвестного до морга и уложили его на нижних нарах у входа.

Глава 22

Как прекрасно утро в лесу! Заливаются на разные голоса птицы, на густых, сочных и ароматных травах роса с горошину. Загораются багрянцем от лучей солнца верхушки вековых деревьев... Разве все упомянуть и перечислить.

А как неповторимо море на заре. Пустынный берег, плач белых чаек, восходящее светило похоже на этакое гигантское наливное яблоко. А вода, вода бодряще-прохладна... А утро в горах, а в степи, а в пустыне... Нет! Все это не то. Нет! Ничто не сравнится с утром в море, особенно для патологоанатома, любящего свою работу.

Таким человеком был врач дубковского морга - костлявый, сутулый мужчина. Он же обладатель длинного острого носа и очков с толстыми линзами. За внешний вид и дотошность в работе его, за глаза, прозвали "Дятлом".

Патологоанатом сидел в своем маленьком, чистеньком кабинетике, который по размерам больше годился под чулан для инвентаря уборщицы, и заполнял служебный журнал, слушая городские новости.

Вещал Зиновий Звездок (он подрабатывал на радио): "...Намедни вандалы совершили ужаснейшее преступление. Оно будет вписано кровью в историю нашего славного города и края. Есть подозрение, что это происки гастролеров-лиллипутов. Если раньше их алчные душонки жаждали корнеплода и парнокопытных, то теперь они замахнулись на самое святое, самое сокровенное для жителей нашего урожайного края. Они подло надругались над нашей памятью, над нашими историческими корнями. Они сперли памятник основателю Турчанска. Как публично заявил занимающийся этим делом, капитан милиции Поцелуев /цитирую дословно/: "Говнюков привлек бронзовый металл, блин, из которого была отлита дураковина..."

Стражи порядка дали телефон: 00-00-00. Если вам что-то известно о местонахождении талисмана нашего города и всего края, то звоните по нему в любое время суток. Держитесь, лиллипуты, за вас взялся гроза хулиганов - капитан Поцелуев. У микрофона был Зиновий Звездок".

В дверь кабинета настойчиво постучали.

- Входите, - буркнул патологоанатом, не отрываясь от журнала.

На пороге стоял сторож морга Петр Брынзовский.

- Что тебе, Петя?

- Петр Петрович, - поправил Брынзовский.

Врач оторвался от записей. Бросил поверх очков вопросительно-удивленный взгляд на вошедшего и, поперхнувшись, закашлялся.

- Кхе-кхе-кхе. Ну и пижон же вы, Петр Петрович. На попугая смахиваете.

- Вы тоже на одну птаху похожи.

- На какую же?

- На дятла!

Врач снова закашлялся:

- Кхе-кхе! Что вы хотели, Петр Петрович?

- Вчера вечером в лесополосе, рядом, нашли дохляка. Я с соседями затаскил его к нам.

- Хорошо. Я сейчас гляну.

* * *

- Ну и темный же вы, Петр Петрович, человек, а еще "бабочку" нацепили, - заметил врач, заглянув под серую простыню. - Это же па-

мятник основательно Турчанска. Он бронзовый. Вы что, не можете человека отличить от куска металла? А-а? Надо позвонить в милицию. Памятник сейчас в розыске. Эх, Петр Петрович, а еще в блондина перекрасились...

Глава 23

Мутные воды дубковской лужи-озера забурлили, пошла волна с грязной пеной на верхушках. Тихое, ласковое утро микрорайона спугнула завывающая сирена. К магазину подкатила и резко, ухарски, затормозила милицмейская машина. Из нее выкарабкался капитан Поцелуев, следом выскочил сержант Дуськин.

Капитан вразвалочку подошел к новому, отливающему яркими, эмалевыми красками ларьку "Молоко", что недавно появился у дубковско-го магазина. За прилавком невозмутимо, этакой скифской бабой, стояла Клавдия Брынзовская.

- Твой ларек? - спросил Поцелуев.

- Ну?

- Угости молочком, а то как-то тяжко, - дыхнул перегаром на прода-щицу страж порядка. Выпив трехлитровую банку молока, капитан пе-ревел дух и заметил. - А это не коровье, это козье. Я знаю в молоке толк. До армии в Мыкоче жил, коз пас... Все документы в порядке?

- Ну!

- Если будут проблемы, ссылайся на меня, блин.

- Ну!

- Да, приготовь баночку. Я домой возьму.

В дубковском морге Поцелуев и Дуськин опознали памятник, выяс-нили детали. По пути к машине милиционеры заглянули в "Русалку", не расплачиваясь взяли по пачке дорогих сигарет, и перекинулись не-сколькими словами с барменшей Жанной, а также внимательно выслу-шали мать Сороку. После этого их движение изменило ранее намечен-ную траекторию. Они пошли не к машине, а в обратную сторону - к мастерской Лелека и Болека.

- Что скажете, засранцы? - рявкнул на сапожников капитан.

Те скукожились, вжали головы в плечи, зашмыгали носами.

- Что скажете, говнюки, насчет золотишка? А-а? Блин!

- Мы того, как его, - робко начал Лелек.

- Молчать! Я буду задавать вопросы, а вы - отвечайте четко и ясно.. Мешок с валпотоу мафии попал к вам и вы, долдоны, его обменяли на золото? Так? Блин.

- Мы валпотоу в глаза не видели, - нестройным дуэтом ответили дру-зья.

- Хорошо. Валпотоу вы не видели. А где золото взяли? А-а? Блин.

- Один добрый человек дал. Добродетель...

- За ваши пьяные, мутные зеньки? А-а? - стал багровым Поцелуев, - Дуськин, помни их дубинкой.

Сержант сначала легко, играясь, бил сапожников, но встретившись с разъяренным взглядом начальника, стал вкладывать в удары всю свою силу, дурь.

Те заохали, начали просить пощады.

- Говорите правду, олухи! - не унимался капитан.

- Мы одному мужику предложили выпить. Денег не было, - затара-

торил Лелек. - Как его. Он показал где закопан клад. Вырыли золото, ну это. Всю ночь сидели в "Селедке".

- В какой "Селедке"?

- В "Русалке".

- А-а! Дальше, блин.

- На следующий день мы его, благодетеля, нашли того, околевшим, в лесополосе. И оттащили в морг. Как его, это, Брынзовский подтвердит.

- Вы что, кретины, меня, блин, за идиота держите? Хотите сказать, что вы с памятником водку пили и он вам золото дал? А-а, блин? - капитан так разошелся, что стал пинать и давать подзатыльники Лелеку и Болеку. - Дуськин, в машину их! - медведем заревел Поцелуев.

Лелек и Болек пятнадцать суток чистили городские общественные туалеты. Поцелуев с Дуськиным постоянно их дубасили, но сапожники упрямо твердили одно и то же: "Нас озолотил памятник!.."

Глава 24

Был вечер. Мать и дочь Сороки чаевничали. Они уже пили по восьмой чашке, благо туалет был рядом.

- Брынзовские раньше копейки считали, а теперь у них свой ларек, - вела речь мать Сорока. - И откуда на них кусок счастья свалился?

- Откуда-откуда. Видать мешок долларов у них. Их ларек с холодильником. Наверно, не меньше тысячи долларов стоит, а то и больше, - вставила дочь.

- Да, и товар ассортиментный, - с шумом отхлебывая чай, продолжала старшая. - Все есть. И молоко, и сметана, и брынза, и творог, и масло. Все. Только сыра "голландского" нет. А так все есть. И заметь, она ушла с работы и он, пьянь подзаборная, на днях уволился из морга.

- Раньше Петька Брынзовский как бомж ходил, а теперь как из "новых". Сигареты с верблором на пачке курит, - допив чай и сипонув на пол чайнику, зло обронила младшая.

- Да, нечисто все это, нечисто. Нет на них коммунистов... И сапожники Боря и Леня бандитами, мафиозьями оказались. Их в тюрьму забрали. Говорят, что они связаны с бандой лилипутов. Им лилипуты за похищение памятника золото отвалили. Я сама видела их руки. Все пальцы в перстнях и пол был усыпан золотом... Мы чай грузинский развесной без сахара пьем, а кто-то - шампанское вместо воды. На лекарства не хватает... Ты была у гинеколога, Лиза?

- Да, мам!

- Ну, что сказал?

- Стыдно говорить.

- Скажи. Я мать или не мать, Лиза?

- Стыдно.

- Я женщина или не женщина?

- Советует замуж выйти. А то, говорит, к сорока будешь ходячей болячкой.

- Я тоже говорю, мужика тебе надо...

- Мам! - умоляюще промямлила дочь и по ее лицу пошли красные пятна.

- Что, мам? Сколько можно в девках ходить? Тебе уже 36 год по-

шел.

- Женихов же нет. Одни пьяницы и тунеядцы.

- А у тебя на работе, в библиотеке?

- Мам, я же в детской работаю, - выпалила дочь и заплакала. - Там одни прыщавые акселераты, которые до одиннадцатого класса комиксы смотрят...

- Успокойся, Лизок. А ваш библиотечный разнорабочий Баобабов?

- Мам, он же шесть раз женат был. Грубый и пошлый, кобель... У него любимое присловье: "Баобаб-с любит баб-с!"

- Да, уж. И в нашем доме никого подходящего нет, - тяжело, обреченно вздохнула ставшая. Она, не торопясь, чинно нацедила из ведерного электросамовара десятую чашку, икнула и с выражением лица, какое, должно быть, было у Архимеда, когда он крикнул "Эврика!", стрельнула:

- Во-о-о! Выходи замуж за Эдика!..

- За какого Эдика?

- За Пожилого мальчика.

- Ма-а-а, ну он же дурак! - сделав плаксивую мину, выдавила из себя младшая.

- Дурак дураком, а мужчина видный, как Швахнегр.

- Шварцнегтер, - уточнила дочь.

- У него трехкомнатная квартира, мы его грузчиком куда-нибудь устроим. А?

Глава 25

Был обеденный час. Многие жильцы дубковского дома были на работе в городе. К окну первого этажа, что выходило на степь, тихо подошли маленькая девочка и крупный мужчина. Он поднял девочку к форточке. Малышка ловко ее открыла и обезьянкой влезла внутрь квартиры.

- Лора, открывай. Ну-у! - недовольно, сердито бурчал в замочную скважину обладатель нескольких золотых цепочек и глянцевої лысины.

- Сейчас, па-а, - раздавался писк из-за дверей, - Еще один замок и цепочка, па-а!

Наконец дверь открылась и мужчина, хмуро оглянувшись на соседние двери, зашел внутрь квартиры.

- Ну и вонь! - сморщившись, тихо с хрипотцой сказал он.

- Па-а, я пойду домой? Мне нечем дышать, - робко попросила девочка.

- Выйдем, Лора, вместе. Посиди у открытой форточки, а я пока делом займусь.

В зале двухкомнатной квартиры было тесно от мебели. Непрошенный гость ходил бочком, но все равно столкнул животом пепельницу, полную окурков, что стояла на краю стола. Мужчина грубо, нецензурно выругался, но собирать окурки, спички и пепел с рыжего паласа не стал.

Не обнаружив ничего стоящего для себя в большой комнате, он заглянул в маленькую. В ней не было мебели, только четыре огромных двухкамерных холодильника. В первом мужчина обнаружил увесистые куски сливочного масла. Во втором - разнообъемные банки со сметаной. В третьем - кругляши домашней брынзы... В четвертом - про

дукты питания. Начиная от "Кильки в томате" и заканчивая "салями" и консервированными ананасами...

На кухне тоже ничего стоящего не было. У обладателя голого черепа, от нервного напряжения, пересохло во рту и он зашел в ванную, чтоб попить воды. Когда же он открутил кран и припик к нему губами, то в рот полилась не вода, а молоко. Мужчина перекрестился, но, по-прежнему, шло молоко. Закрыв кран для холодной воды, он открутил кран, подающий горячую воду. Но тоже побежало молоко. Попробовав, он озадаченно сказал:

- Черт знает что! Там коровье, а в этом кране козье молоко... Так и крыша поехать может... Теперь все ясно!

Он с девочкой бесшумно вышел из квартиры и прикрыл за собой дверь.

- Все ясненько. Все ясненько, - потирая руки, напевал неизвестный.

Глава 26

Лиза Сорока, возвращаясь с работы домой, зашла не в свой подъезд, а в соседний. В ее подъезде не работал лифт, а на одиннадцатый этаж карабкаться, своим ходом - дело утомительное. Поднявшись на двенадцатый этаж, девушка вылезла на крышу. Она уже почти дошла до чердачной дверцы своего подъезда, когда заметила в стороне, у края крыши, возле щеренги разномастных антенн - плодов буйных фантазий телелюбителей - странного великана. Он размахивал ковровой выбивалкою, пыхтел, сопел, выкрикивал:

- А-а! На-а! А-а! На-а!

На его голове была легкая шелковая косынка цыганской расцветки, повязанная на пиратский манер. Лицо же было разрисовано яркими красками, как у какого-нибудь папуаса.

Лиза хотела проскользнуть незамеченной, но неизвестный остановил ее бег выбивалкой, которой закрыл дорогу, как плагбаумом.

- Пароль? - мужественным голосом спросил он.

- А-а?

- Пароль? Или пойдете обратно.

- Кар-карлсон, который живет на крыше.

- Нет. Но я вам прощаю ошибку, как благородный рыцарь. Скажите мне спасибо, незнакомка.

- Спасибо! А вы кто? - осмелев, поинтересовалась Сорока.

- Зовите меня просто, Шварц.

- Шварц? А кого вы только что изображали?

- Конана-варвара.

- А-а. Вы такой большой, такой могучий, такой... - она развела руки в стороны.

- Да, что есть, то есть.

- Вы из нашего дома?

- Да. Из 73 квартиры.

- Вы этот, как его, по-пожи... Вы Эдик?

- Да. В земной жизни я - Эдик...

Лиза Сорока, лежа в постели, с чувством щипала пальцами подушку и, улыбаясь, бубнила:

- А он ничего, забавный... Эдуард... большой и забавный...

Глава 27

Валет не торопясь, без суеты подошел к киоску "Молоко" Брынзовских. За прилавком невозмутимо, подобно манекену, стояла Клавдия.

- Есть дело! - сказал, поблескивая голым черепом, бандит и заговорщицки подмигнул.

- Ну?

- Это не уличный разговор, - добавил Валет и подмигнул другим глазом.

- Ну?

- Я зайду к вам вечерком. На чашечку горячего молочка.

* * * * *

На пороге стоял Валет.

- Проходи, сосед, - пригласил гостя Петр Брынзовский. Они зашли в кухню. Присели на табуреты.

- Кружечку простоквашки выпьешь? - вежливо предложил хозяин.

- А покрепче ничего нет?

- Нету. Я завязал, сосед. Только простоквашкой балуюсь. И знаешь, человеком стал себя сознавать.

- Я гляжу, Петюнчик, хорошие сигареты куришь? - не спрашивая, вытащил из лежащей на столе пачки сигарету и прикурил Валет.

- Да, раньше всяким вонючим кизяком дымил, а теперь "Кэмэл". Три костюма себе прикупил. Желтый, голубой и красный, как пожарная машина. Перстень золотой взял. Пятнадцать грамм. Я о нем с юности мечтал. Жена себе к зиме козлиную шубу до самой земли купила... Дом - полная чаша.

- Полная чаша молока. Да? Колись, Петюнчик. Я все знаю!

- Все?

- Все!

- И про рака?

- Да! И про молоко в кране!

- Да, уж-ж.

- Мое молчание будет стоить половину вашего с Клавой дохода...

Они допивали трехлитровую банку простокваши, когда пришла Клавдия. Петр, волнуясь, скомканно объяснил жене причину визита соседа. Валет лишь отделился короткой репликой:

- Полдохода мне и я нем, как рыба.

Клавдия с полминуты молчала. Потом решительно взяла с батареи массивную самодельную мухобойку и со всего маха шлепнула ею гостя по лысине. Валет побагровел, вскочил с табурета, но стоял недолго. Брынзовская свободной рукой вмазала ему в глаз. От крепкого удара тяжелого кулака бывшей водительницы самосвала, гость рухнул на пол. Когда криминальный авторитет пришел в себя и попытался подняться, Клавдия пнула его ногой в голову, как футболист по мячу. Он охнул и на четвереньках пополз к входной двери. Женщина следовала за ним и с чувством лупила мухобойкой.

- Тебе все ясно, кучерявый? - сердито бросила она.

- Все ясенько! Все ясенько, - тараторил Валет.

- Молодец, - похвалила напоследок выползающего гостя Брынзовская и закрыла дверь на пять замков и цепочку.

- Нехорошо как-то, Клав. Не по-соседски как-то, - робко обронил Петр и получил звонкий подзатыльник от жены.

Глава 28

Анжела Невинная, стоя у окна, ковырялась в носу и с любопытством наблюдала за собачьей свадьбой. Молодая породистая сука - бело-рыжая шотландская овчарка игриво носилась по пустырю у вековой лужи, а за ней вереницей по пятам следовало с десяток беспородных, одичавших кобелей. Тут были молоденькие и глупые кобельки, и старые важные псы. Были здоровые и сильные, как волки, а также маленькие и трусливые, как шакалята. Она, красивая сука, кокетливо прыгала, становилась на задние лапы, звонко лаяла. Она делала выбор... Но тут появился ее хозяин с поводком в руке и все прекратилось. Человек грубо разогнал "женихов" и увел "невесту".

- Анжела, почему ты не убрала в комнате? - спросила зашедшая из кухни в комнату мать.

- Я была занята.

- Я тебя просила убрать еще два часа назад. А ты? Я ужин готовлю. А ты?

- Я была занята... Тут убирай, не убирай - все равно будет бардак и вонь!

- Приличные мужчины любят хороших хозяек, - наставительно сказала Изольда Федоровна.

- Если ты хорошая хозяйка, то почему у тебя нет приличного мужчины? - презрительно смерив взглядом мать с ног до головы бросила дочь.

- На моем жизненном пути, Анжела, еще не встретился тот единственный и неповторимый, который оценил бы меня по достоинству.

- Который оценил бы твои вечно разваривающиеся макароны и гороховые супы с луком, - добавила девушка.

- Для одухотворенного человека главное - духовная пища, а не плотская.

- Ма, я устала от твоих прописных истин. И вообще, я выхожу замуж.

Изольда Федоровна побледнела:

- Ты же еще школу не закончила! А как институт культуры? Я что тебя с твоим мужем кормить буду? - обрушила мать на дочь лавину слов.

- Нас не надо кормить. Он такой бурды есть не будет.

- Кто он? - собравшись, спросила руководительница детского театра.

- Директор.

- Какой еще директор?

- Арнольд Барбаросов.

- Так он же старый и злой? - выпучила глаза женщина.

- Зато богатый. Я не хочу быть такой же восторженной нищенкой, как ты!

У Изольды Федоровны задрожали губы. Мгновение спустя она зарыдала. Анжела обняла мать:

- Прости, ма, прости. У меня выскочило. Я не хотела. Прости.

Изольда, вдоволь наплакавшись, благословила дочь.

Глава 29

Многие сказки (в нашем случае сказочная история) заканчиваются свадьбой. В Дубках праздновали в один и тот же час, за одним и тем же столом сразу две свадьбы. Лиза Сорока выходила замуж за кумира

дубковских мальчишек - Эдика, а Арнольд Арнольдович Барбаросов брал в жены школьницу Анжелу Невинную.

Столы, поставленные в дубовой роще, ломились от закусок и вин. Все свадебные расходы великодушно взял на себя Барбаросов. На празднике была "живая" музыка. Квартет, состоящий из контрабаса (Валет), бас-балалайка (Лев Созерцалов) и десятка бутылок, наполненных водой (Лелек и Белек), исполнял песни на слова и музыку разносторонне одаренного дубковского творца Льва Созерцалова.

На свадьбе были и гости. В их числе капитан Поцелуев и сержант Дуськин. Они были в штатском. Капитан недавно вернулся из Монголии и стражи порядка, на манер комиссаров революции, с ног до головы были в коже.

Поцелуев, выпив несколько бокалов вина и плотно закусив, сказал цветастую, заученную дома у зеркала, речь:

- Я хочу молодоженам вручить по дипломату с монгольскими тугриками. На эти деньги можно совершить шикарное свадебное путешествие по Монголии, пожить в юрте, покататься на коне Пржевальского, отведать нежной и сочной баранины... Одним словом, блин, экзотика! - сделав паузу он продолжил. - И еще. По нашим точным сведениям никакого мешка с долларами не было, блин!

- Как не было?! - всполошились дубковцы.

- А так. Прошу тишины! - постучав вилкой по бокалу, Поцелуев пояснил. - Дело в том, что криминальные авторитеты Колобок и Петя-Индецк контролируют торговлю завозным картофелем. Владелец фургона с черныбыльской картошкой заплатил, блин, только Пете-Индейцу, а о Колобке забыл, поэтому-то бритоголовые стали потрошить мешки, а люди Пети-Индейца, волосатики вступились за товар - отсюда и стрельба. Вот такие, блин, дела!

- А-а-а-а! - разочарованно вздохнули дубковцы.

- Дубковцы, слово хочет сказать наш молодожен, директор Арнольд Арнольдович Барбаросов, - перекричал застольный гам Зиновий Звездюк.

Наступила тишина. Жених поправил черную, размером с два спаренных лопушка, "бабочку" на шее, почесал маковку и торжественно сказал:

- Уважаемые жители Дубков и наши гости! Я хочу сообщить новость. Мой завод, который простоял более шести лет, к новому году начнет работать. Я налаживаю выпуск воздушных шариков, напальчников и приспособлений безопасного секса. Я заявляю, что ровно через год мы завалим ими китайский и турецкий рынки! Я приглашаю всех безработных дубковцев на мой завод. Вас я буду брать в первую очередь!

- Ура-а-а-а! - заорали дубковцы.

До утренней зари жители Турчанска слышали музыку, пение и крики "горько!" со стороны Дубков...

Глава 30 (последняя)

Если вам, читатель, интересно знать, как сложилась дальнейшая судьба героев истории, то можете прочитать последнюю главу. Если же нет, то ставьте точку на чтении и займитесь чем-нибудь более полезным, разгадайте, например, скандинавский кроссворд или посмот-

рите очередную серию "мыльной оперы", помойте посуду или вышейте рюмочку... Мало ли чем можно заняться?..

Итак. Зиновий Христофорович Звездок - корреспондент "Известий Карабаева" ("ИК"), благодаря бойкому и живописному слогу был выдвинут боссом на должность главного редактора газеты.

Капитан Поцелуев стал начальником турчанской порьмы. Дуськин служит вместе с ним?

Лев Созерцалов нашел спонсора и издал свои труды в десяти увесистых томах.

Жора-Тампакс, по-прежнему, торгует гигиеническими прокладками и, при случае, отмечает рождение внучки.

Брынзовские открыли молочный магазин в центре Турчанска, который называется "У Клавы".

Лелек и Болек сапожничают и дегустируют вина в Мыкозе.

Валет, наконец-то, дождался рождения сына. В Дубках была грандиозная пьянка.

Лиза Сорока и Эдик живут дружно. Наш великан работает на заводе Барбаросова грузчиком. Молодожены взяли мальчика в детдоме. Мальш от Эдика в восторге.

К Хаиму Ивановичу Айсбергу вернулся рассудок после того, как он просидел пять часов в кабине сломавшегося лифта.

Арнольд Арнольдович Барбаросов потихоньку завоевывает турецкий и китайский рынки.

Анжела Невинная учится заочно в столичном институте культуры.

Изольда Федоровна Невинная поставила новый спектакль по пьесе Льва Созерцалова "Баобаб".

Микола Крендель все также предпочитает воде вино. В карты не играет.

Старики Тунгусовы живут в Германии. Их туда забрал сын. Дубки им сняты в кошмарных снах...

Нина МУЛЮКИНА

Старший научный сотрудник института
им. Таирова. Пгт. Таирова Одесской обл.
Жила в Белгороде-Днестровском.

ДОКЛАД ПРОГРЕССОРА

(А. и Б. Стругацким)

Итак, я продолжаю свой доклад.
Земля - такое место во Вселенной,
Где многое бессмертно невпопад,
А многое некстати совершенно.

И горестные жители ее,
Не внемля историческим урокам,
Не понимают - время не пришло
Высоким чувствам
и великим строкам!

Здесь нет несообразностям числа,
Такое вы увидите нечасто:
Бессмертная душа не предпочла
Цветка звезде -
они равно прекрасны!

Здесь аксиомы все наперечет,
А те, что есть - для нас невероятны.
Ну, кто из вас поверит и поймет,
Что он уйдет, и нет пути обратно?
И, замирая в этот грозный час,
Доверись скорей
надежде зыбкой -
Что это все писалось - не про нас,
Что это все - нелепая ошибка!

Хочу вам в заключение сказать -
Мы Землю выбрали, а стало быть,
и дале
Обречены терять и покидать...
Как мы неосторожно выбирали!

На краю бытия мир теньями опутан,
На краю бытия -
бесконечный туман.
Что за мир впереди?
Может, там неуютно -
Как у этой черты, на краю бытия.

На краю бытия
мир виденьями залит,
Никогда сквозь туман
не прольется заря...
Может, нас позовут.
Может, здесь и оставят -
Здесь, у этой черты, на краю бытия.

Владислав МИСЮК

Родился 11 июля 1936 года в Симферополе в семье военнотружашего. В 1959 г. окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал в Башкирии по специальности, затем вернулся в Белгород-Днестровский, в котором проживает с 1946 года по сегодняшний день.

До 1981 г. работал на Одесской железной дороге. С 1981 по 1999 г.г. - зав. отделом редакции городской газеты "Советское Приднестровье". В настоящее время на пенсии. Является внештатным корреспондентом многих республиканских, областных и зарубежных газет. Автор десяти опубликованных книг.

Член Союза российских писателей, член Союза журналистов Украины, лауреат юбилейного конкурса

Международного общества пушкинистов 1999 г.

Автор гимна пос. Затока Белгород-Днестровский района Одесской области.

XX ВЕК

Двадцатый век ушел во тьму времен,
Но в ней он никогда не растворится.
Моей частицей стал с рождения он,
И буду я всегда его частицей.

Я вырос в нем, учился жизни в нем,
Искал и находил свои дороги.
Однажды он обжег любви огнем,
Я до сих пор те чувствую ожоги.

Я в нем похоронил отца и мать
И в нем навек моя жена почил.
Не мог к себе он крепче привязать,
Чем эти три печальные могилы.

Но дочь и сына дал мне этот век,
И внуки подрастают с каждым летом.
Он для меня - как близкий человек,
И благодарен я ему за это.

О нем мои рассказы и стихи,
Вся жизнь моя с ним связана навеки.
Дела свои благие и грехи,
И сердце я оставил в этом веке...

Павло НАНІЇВ

Член Спілки письменників України.

Живе в м. Києві.

Жив в м. Білгороді-Дністровському,
в 50-60 роки був керівником
міського літоб'єднання.

ТРИЧІ ПРОДАНА

(витяг з роману)

... Катерина слухала Потьомкіна. Князь доповів, що сьогодні ще до схід сонця прибули з дарунками гурзуфські татари, а місцеві пригнали тисячну отару овець. Гурзуфських пустили до палату, і вони чекають у приміщенні колишнього сералю, а тутешніх разом з отарою охоронці випроводили за місто, аж під Чуфут-Кале, щоб вівці не бекали під вікнами та не наслідили на площі перед Хан-сарасм. А ще місцеве духовенство і депутація від караїмської общини просять високої аудієнції.

Імператриця замислилася: кому перш за все приділити увагу? Подумавши трохи, сказала:

- Тих, котрі з вівцями прибули, не зобижати і задарма у них нічого не брати. За кожну скотину сплатити по срібному карбованцю і використати овець для харчування в дорозі служивих охоронців. Православних отців запросити на сніданок зі мною, а гурзуфським татарам та караїмам дам аудієнцію після обіду.

Сніданок тривав недовго і в досить вузькому колі. Всюдисущий Потьомкин не відставав від імператриці і, як тільки поснідали й спроводили з Хан-сарая духовних пастирів, разом з Катериною відправився до її кабінету.

Коли вартовий зачинив за ними двері, ще не дійшовши до стола, цариця спитала:

- Ви не загубили в дорозі ту красуню, яку ми вициганили у польського короля?

- Таку знахідку гріх загубити, - пожартував Потьомкин.

- Відчуваю, ви вже встигли закохатися в неї, - ревниво мовила Катерина.

- О ні! Я знаю своє серце. Воно просторе і глибоке, як море, але, крім тебе, моя богине, у ньому ні для кого не знайдеться навіть тісного куточка! - з пафосом проговорив князь.

- Я хочу бачити ту красуню. Покличте її сюди.

Імператриця давно збиралася познайомитися з грекинею, але не знаходила часу. Після Канєва в дорозі вона продовжувала переговори з польським представником Феліксом Потоцьким, якого Станіслав Понятовський залишив замість себе, мала кілька зустрічей з графом

Кобенцелем, щоб визначити коло питань на переговорах з австрійським монархом, чимало уваги приділила й таємним емісарам придунайських князівств. Лише тут, у Бахчисарай, випала нагода прийняти Софію.

Князь Потьомкин не забарився і вже через півгодини представив красуню цариці.

- Пані, - звернулася Катерина до неї, - ви така прекрасна! Та, на жаль, не змогла я в дорозі приділити вам належної уваги. Прошу, сідайте.

Софія низько вклонилася і сіла у вказане їй крісло.

- Сестро моя, мені говорили про вашу романтичну біографію. Чи не змогли б ви розказати про себе?

Софія розповіла вигадану історію про своє походження так, наче сама вірила в неї. Потьомкин зорив орлиним оком на жінок.

- Ваша величність, може, лишити вас? - спитав він.

- Що ви, князю, хіба вам не цікаво слухати? - відповіла цариця.

Жінки продовжували розмову, не звертаючи уваги на його присутність. Князь помітив скованість у поведінці грекині. Перш ніж висловитися, вона зважувала кожне слово.

- Чому ви, православна християнка, обрали собі за другу батьківщину католицьку державу? - спитала Катерина.

- Я не вибирала. До Польщі мене занесли життєві бурі ще дитиною. Хіба спроможна я була протистояти долі?

- А чи знайшли ви у поляків спокій для своєї душі?

- Душевний спокій я можу відчувати тільки в лоні православної церкви. А католики переслідують православних, збиткуються над нашою вірою.

- Дивуюся, як могли ви змиритися з цим.

- Власне, до мене й до моєї батьківщини польський король співчутливо відноситься. Я вдячна йому за це, а віру православну у серці своєму ношу.

- Сестро моя, - присунулася ближче до Софії Катерина, - дайте слово, що ніколи не вийде за межі цих стін те, про що маю намір сказати вам.

- Ширість вашої величності до мене зобов'язує бути вірною вам.

- Тоді слухайте. Католики ніколи не будуть щиросердними до православних. Варшавський двір опікає вас з певною метою. Дуже прикро усвідомлювати, що вороги можуть використати вас у боротьбі проти вашої ж віри. Тож мушу застерігти вас від вчинків, які можуть згубити душу вашу і завадити відродженню вашої вітчизни. Зрозумійте, сестро, греки і росіяни - брати во Христі. Ми сповідуємо єдину віру. Бережіться ж солодких слів і ліцемерних турбот католиків. В їхніх словах - лукавство, а в турботах - підступність і зрада. Чи зрозуміли мене?

- У ваших речах стільки мудрості й материнського клопоту про мою долю!.. Починаю прозрівати, ваша величність. Ви наставили мене на шлях праведний.

Катерина підвелася. За нею встала Софія.

- Сестро, я тебе полюбила, як рідну. Хочу, щоб до кінця подорожі ти була моєю супутницею. Князю, - звернулася Катерина до Потьомкина, - звеліть надати пані Софії кімнату поблизу моїх покоїв.

Потьомкин вклонився.

Софія зрозуміла, що розмову закінчено, і попрощалася. Потьомкин провів її і невдовзі повернувся назад.

- Ваше враження, князю? - спитала Катерина.

- Думки про грекиню я пов'язую з мрією про падіння Порти й торжество православного хреста на константинопольському соборі святої Софії, перетвореному турками на мечеть.

- Приємно вражена вашим передбаченням. Гадаю, ви уважно слухали розмову?... Грекиню за всяку ціну треба відвернути від варшавського двора. Візьміть її під свою опіку, - на обличчі імператриці зацвіла пустотлива усмішка, - ревнувати не буду, якщо дозволите собі більше, ніж того вимагають інтереси нашої держави.

За кілька днів перебування у Хан-сараї цариця добре відпочила і раптом стала проявляти нетерпіння:

- До моря! До моря! Хочу бачити, який він, отой Понт Евксінський, - квапила вона Потьомкіна і все своє оточення.

Від Бахчисарая до побережжя трохи більше трицяти верств. Дорогу туди загони бригадира Синельникова справили, і господар сонячної Тавриди порадив виїхати зарання.

Цариця не перечила, невдовзі рушили в путь, і за кілька годин на горизонті показалося море. З кременистої, порослої сивою ковилою височини, на якій зупинився імператорський поїзд, воно виднілося як на долоні - спокійне, зеленкувате, з пінястими гривками хвиль. В даліні тремтіло срібним маревом розпечене сонцем повітря.

- Яка казкова краса! - зачарована морським краєвидом, вигукнула цариця, порівнявши його в уяві з непривабливою для ока сірою, наче невідбілене льняне полотно, картиною Балтійського моря.

- Зауважте собі, князю, Росія виїшла до цих райських берегів, щоб твердо стати на них своїми ногами.

- Ім'ям вашої величності! - схилив голову Потьомкин.

Владимир ОМЕЛЬЧЕНКО (1924 - 2000)

Участник боевых действий. Награжден орденами и медалями.

Был дважды ранен, контужен. Прожил необычную творческую жизнь - спектакли, театрализованные концерты, неординарные сценарии, ученики. Истинный интеллигент, большой труженик.

ПЕСНЯ ПРО ИВАНА СОЧАВСКОГО

(Легенда-бэбль)

Где седой лиман разливается
При впадении в Черное море,
Там у берега бросил конь лхой
Тело молодца убиенного.

С той поры стоит там часовенка,
Из тяжелых глыб она сложена,
И людской молвой заворожена.
В ней покойтся прах Сочавского -
Сына доброго христианина.
Это он поднял голос праведный
На Султан-пашу - ката лютого,
И сложил народ песню славную,
И святым назвал - сына верного.

Как скликал люд в древний Белгород,
В крепость грозную к месту лобному,
Где вершил паша суд несправедный
Над славянами православными,
Над бесстрашными, непокорными
Запорожцами полоненными.

Больше всех врагов не терпел паша
Сечь привольную, козаков лихих...
Скачут стражники вдоль по улице,
Гонят палками люд измученный;
- Эй, украинцы подневольные,
Сам паша велел вас порадовать,
Карой праведной над послушником!
Шли крещенные к месту лобному
По земле своей обездоленной.
Встретив пленника окруженного
Янычарами ненавистными.
Никому не знать, что ждет молодца,
Что судьбой ему уготовано.

Не молил врагов, не роптал Иван,
Гордо смерти ждал, страх не ведая.
Свитка белая вся изодрана,
Лишь глаза горят мести полные,
Не сбылись мечты, думы светлые,
Полегли в степи други верные.

А паша радел, похваляясь:
- Уж над ним-то я позабавлюся,
Каждым ребрышком наиграюся,
А из черепа чашу сделаю,
Сердце вырежу, брошу воронам!

И решил он казнь сделать зрелищем,
Чтоб неверные призадумались,
Над судьбой своей поразмыслили:
- Кто придумает месть ужасную,
Казнь жестокою, небывалую,
Из казни ему я пожалую
Дорогой ясырь за старание.
Рядом дочь сидит, красавица,
На пашу глядит, улыбается,
Смуглолицая, станом стройная,
Неба синь в глазах, косы черные.

На руках ее блещет золото,
Грудь вздымается, дышит молодо.
Очи ясные, но коварные
Злобой светятся затаенною.
Просит дочь отца, чтобы слово ей
Дал он высказать немудреное:
- Смерть придумывать дело сложное.
Все совет дают, но по-своему,
Смерть мгновенная, что же думать тут?
Сделать мукой жизнь - вот где мысли суть!
Приказала б я верным воинам
Привязать к коню злого врага,
Чтоб летел тот конь
В степь просторную
И об землю бил кости черные.
- Так тому и быть! - порешил паша
И свершить намаз отбыл с ханами.

Ночью дочь паши просит слуг своих
Проводить ее в башню темную,
Чтоб глазком взглянуть на невольника
Страшноликого, непокорного.
Заскрипела дверь, пламя яркое
Озарило мглу непроглядную.
Видит - узник спит, цепью скованный,
Окровавленный, замордованный.
Он в тревожном сне видит прошлое;
Как купцами был в рабство проданный,
Испытал в плену муки страшные,
Но сумел бежать в степь Буджацкую.
Пробудился он в травах утренних...
Увидала молодца дочь Султан-паши.
Поразила красотою его,
Лику гордому, стану стройному
И забилося сердце юное...
Сроду с нею так не случалось,
Знать, любовь-змея в сердце вкралась
Мысли спутала, одурманила...
И терзала боль душу девичью,
Боль за позднее, за раскаянье.

Новый день настал, приказал паша
Привести к нему срочно пленника
И сидел он с ним до вечерней мглы,
Молвил сбивчиво речи странные:
- Коль к ногам моим склонишь голову
Свою буйную, непокорную,
Отпущу тебя я из крепости,
Подарю тебе волю-вольную.
Не висеть тебе на крюке стальном,
Быть же рыцарем на коне лихом.
Станешь мужем ты моей дочери,
Что красой своей покорила свет.

Из казны велю красным золотом
Путь усыпать твой, - так решил, гяур!
- Нет, не стану я в ноги кланяться,
Не на то рожден я христианином.
Больше золота, кат жестокий, злой,
Я люблю народ подневольный свой.
Больше дочери-раскрасавицы
Волпо-вольную, землю прадедов.
Быть слугой твоим - значит продаться
Вере проклятой, тебе, нехристу!
Речью дерзкого поражен паша
Кличет слуг своих в гневе яростном,
И велит предать непокорного
На исходе дня мукам дьявольским.

Люд на площади дожидается,
Сноги на ногу разминается.
Вдруг притихло все, площадь замерла,
По толпе прошел ропот тягостный;
Шел на смерть Иван, сын Сочавского,
Не склонив главы перед ворогом.
Очи светлые, соколиные улыбались люду доброму.
Подскочил палач и невольника
Привязал к коню цепью звонкою.
Бил копытами разъяренный конь,
На дыбы вставал, рвался с повода.
Тут взмахнул бичом злой Султан-паша
И рванулся конь, и упал Иван...
...Смехом залился, грозным, яростным
Мести требуя сердцем пламенным.
И летел стрелой, полем выжженным
Тот скакун лихой с гривой рыжею.
За конем в пыли след кровавился
Мать-сыра земля содрогалась.
Мчались по небу тучи рваные,
Да лиман стонал словно раненый.
Вот Султан-паша во дворец спешит,
Сердцем чувствует весть недобрую.
Отворяет дверь, дверь тяжелую -
Видит дочь лежит, руки в стороны,
В светлой комнате спит красавица,
Вечным сном своим улыбается.
Спит в шелках, парче, дочь любимая,
И плывут в крови косы длинные,
А в груди кинжал - старый, кованный,
Видно ею был облюбленный.
Отдала она юность раннюю
Всю без жалости за желанного.
Пал Султан-паша как подкошенный,
Обнял тело он мертвой дочери
И завыл как зверь обезумевший,
В голове его все смешалось,
А в ушах звенел, мести требуя,
Смех раскатистый, смех Иванушки!

Микола ПАЛЕНКО

Народився у 1944 році у с. Семенівці
Миколаївської області. Писати почав ще у
шкільні роки. Закінчив філологічний
факультет Одеського університету, був
журналістом, автор багатьох збірок поезій.

КАЛИНИ В МОРИНЦЯХ

Розпашіли в Моринцях калини,
Спалиш очі - тільки подивись.
Перед ними стану на коліна:
Тут Тарас Шевченко народивсь!

Вогневіють вулиці осінні -
Стільки тут багать біля воріт...
Моринці зіскупчилися за сином,
Кетяги дарують дітворі.

Це свого вогню святі краплини
Він залишив в рідному селі.
Ну ж і гарні в Моринцях калини,
Ніби наречені в дні весіль.

Ще сюди прийдеш неодмінно -
Ці калини, справді, - діво з див.
Перед ними стану на коліна:
Тут Тарас Шевченко народивсь!

ТВОРЧІСТЬ

(диптих)

I

Засвіти мені, слово, опівніч,
Щоб від тебе взялося світать.
Як дивилася мати у вічі -
Тільки правду у мене спитай.

Все чомусь ти далеко від мене,
Як в дорозі тебе перестріть?
Деся ти квітнеш однеєчко недремно, -
Подаруй хоч малесеньку віть.

Засвіти мені, совісте-слово,
В нас одні й ті ж дороги лежать,
Там Сосюри хода веселкова,
Там Тичини і Рильського шлях.

Іхне поле нікому не вижать -
Засівали від серця сповна,
Будь до мене, слово, поближче,
Коли жайвір ось-ось заспіва.

Його голос-дзвіночок крилатий
Хай в рядках моїх б'ється щомить.
Прорости мені, слово-зерняте,
Як опівніч пройдуться громи.

II

Ну ось ми й залишилися самі
З тобою, слово, друже небораче.
Давай удвох всіх візьмемо на сміх,
А чи удвох гарнесьенько заплачем.

Бо ж ми удвох!
Нікого аніде.
Ось наш папір, завжди мовчун одвертий.
Так тихо-тихо!
Лиш он джміль гуде.
За шибкою на цілий світ уперто.
А нам то що!
Нарешті ми удвох,
Хоч важко удалося знов зустрітись.
Та напу зустріч вже не віддамо
Нікому аніколи в цьому світі.

Давай дружити, слово, все життя,
Коли ж мене не буде вже у тебе,
Озвися перепілкою в житах
Чи жайвором у виспілому небі.

Игорь ПОРАДЕНКО

В его творчество влетены нити романтики.
Основную окраску им придает любовь к
родному краю и древнему городу.
Есть писатели-маринисты, есть художники-
маринисты, а его мы вправе назвать
музыкантом-маринистом.

МОТОЦИКЛИСТЫ

Ревут моторы, чадят по миру,
Двадцатый век почти зачах!
Но в миг искристый летят так быстро, -
Мотоциклисты, забыв про страх.

Забыв о пире, забыв о Лире,
У них одна мечта сейчас -
Оставив теплые квартиры,
Вернуться в Крым хотя б на час.

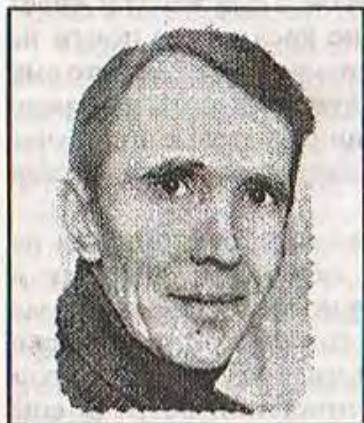
Ничто теперь им не преграда,
Лишь три реки - какой пустяк.
У них теперь одна награда -
Два колеса и руль в руках.

Летят, но зримо, воюаясь в ветер,
Пронзая Вечность и Пустоту.
Неповторимо мгновенье это -
Они с пространством начистоту!

Миг остановки в пути, в Херсоне,
Размяв чуть ноги, взнуздав "коня",
Опять вперед, опять в погоню,
Надежду встречи в душе храня.

И пусть стемнело, и дождь, и ветер,
И слепят фары машин глаза,
Для них одно важней на свете -
Лишь путь свободный и тормоза!

И дом, что рядом, и Симферополь
В огнях ночных, рукой подать.
Где можно путь свой пока закончить,
И в душ скорей мороз сгонять!

Михаил САМАРЦЕВ

Родился 2 февраля 1935 года в Саратовской области, жил в Самаре.

Работал осветителем в оперном театре,
инженером-электриком на фабрике пианино,
служащим
Советской Армии.

С лета 1965 года - в Белгороде-Днестровском.
Написал философскую работу "Смысл бытия" и
несколько

сборников стихотворных произведений и прозы. Готовит к печати две книги - "Избранное" и "Аккерманские байки".

МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР

Встретились они случайно, при переходе предвечерней улицы на красный свет, а потом так и пошли вместе. Месяца два назад он, заметный самарский художник, устраивал свою персональную выставку, она, скромный музейный работник, отвечала за подготовку, - тогда и познакомились.

- Вы разрешите помочь? - спросил художник, делая небрежную попытку взять у нее сумку с покупками. - Да вы не смотрите, что я прихрамываю и хожу с палкой - это для форса.

И улыбнулся, и его припухшее одутловатое лицо стало от этой улыбки даже немного симпатичным.

- Спасибо, - сказала она. - Сумка легкая, и нам уже недалеко.

- Нам? - удивился он со сдержанной наигранностью, округляя за дымчатыми очками глаза. - И куда же мы идем?

Она тихо засмеялась, легко ступила с тротуара на проезжую часть улицы и только тогда полуобернулась:

- Я иду на день рождения к нашей директрисе и вы, насколько мне известно, идете туда же.

- Вот так всегда... - вздохнул художник. - Куда я и зачем - все знают раньше, чем узнаю об этом я сам. - И мельком окинул сзади её вполне прилично сохранившуюся фигуру и только отметил как некое нарушение соразмерности слегка приспущенную талию и бедра; хотя сама по себе эта деталь, если говорить откровенно, общей картины не испортила и даже придавала ей своеобразную пикантность...

Вышли на одну из центральных улиц Самары, откуда, как всегда неожиданно, открылся прекрасный вид на Волгу. Художник оступился и непроизвольно взял попутчицу под локоть, но тут же отвел свою пухлую руку, извинился... Было шумно илюдно. От кинотеатров и почтамта до самого Струковского парка бродили парочки и разномастные компании, которые сбивались порой в такие бурлящие водовороты, что, казалось, - нырнешь туда и уже не выплывешь. Но художник, словно железный буксир, греб спокойно и напористо, лишь изредка оборачиваясь, чтобы не потерять попутчицу. И снова пропускал её вперед и всё старался вспомнить её отчество, пока, наконец, в памяти не всплыло искомое - Галина Платоновна. А когда поднимались с парадного на третий этаж, почему-то вспомнил, что она уже несколько лет живет одна, что её бывший муж давным-давно ушел к другой, а сын женат и живет отдельно. В общем-то, всё это его никак не касалось и почти не интересовало и, конечно же, не имело никакого значения; просто ему (как и всякому почти мужику!) приятно было думать и знать, что среди его знакомых есть одна или две одинокие женщины, готовые при случае ответить на его телефонный звонок, чтобы поделиться своими радостями и болями или разделить чужие.

Среди обычных приветствий и поздравлений, расстановки на праздничном столе бутылок и закусок, обмена новостями и распределения свободных стульев к художнику подошла едва знакомая особа с легкой замысловатой прической и совсем по-приятельски спросила, а где же его милая супруга. Он сказал, что она уехала с театром на гастроли, хотел добавить ради столь приятной встречи ещё

несколько слов, но тут, извинившись, его взяли под руку, чтобы спросить о чем-то тет-а-тет, а затем он оказался (и, разумеется, не по своей воле) за столом, по правую руку от благоухающей говорливой директрисы; её красивый лысоватый муж восседал слева, за ним ещё несколько человек и уже за самым дальним концом большого стола, в окружении двух незнакомых ему мужчин, художник увидел сквозь неразлучные свои дымчатые очки недавнюю попутчицу. Он улыбнулся ей бодрой заговорщицкой улыбкой, она тоже улыбнулась, но как-то смущенно и растерянно. Смотрелась она весьма и весьма, - и цвет лица, и волнистые каштановые волосы почти до плеч, и глаза, глубокие и выразительные, - разве что несколько тяжеловатый носик вызывал протестующее недоумение. Впрочем, после двух первых тостов художник забыл о ней и втянулся в тонкий ученый разговор с директрисой и её мужем. Говорил художник так живо и увлеченно, что уже никого не видел дальше вытянутой руки, тогда как директриса (уже польщенная и приходом художника, и его подарком - картиной) примечала с удовлетворением и скромной гордостью, что все их слушают. Разговор, надо сказать, и в самом деле получился интересный и его прервали не без сожаления и ввиду крайней необходимости: надо было выпить и закусить. Где-то между четвертым и пятым тостами в дымчатых очках снова проплыла улыбка одинокой женщины, однако на сей раз она была уже не так одинока и улыбалась отнюдь не художнику... Потом были анекдоты, неумолчный шум разгоряченных голосов, танцы, ликер, кофе и снова танцы, и обессиленные посиделки на диване или глубокомысленное бдение за карточным столиком. А на последний объявленный белый танец художник был приглашен своей предвечерней попутчицей и, хотя был он грузноват, показал себя вполне приличным партнером.

Они вместе отошли в спокойный уголок с двумя свободными стульями и завели тихую, неторопливую беседу обо всем, что так или иначе интересовало одну из сторон или само собой всплывало из недр освобожденного расторможенного мозга. О работе, о выставке его картин говорили, ещё о чем-то. И снова он, кажется, немного увлекся, как давеча за столом, и она слушала, стараясь не перебивать, и вдруг, казалось бы без всякой видимой связи, посмотрела в его дымчатые очки с неожиданной отрешенной улыбкой и тихим удивлением:

- Какая же у вас ранимая душа... какая тонкая и ранимая...

Он растерянно заморгал, но сразу же нашелся, выправился и предпринял отчаянную попытку уйти от серьезного разговора.

- Ну, знаете, - приподнял он плечи. - Меня от вашего признания прямо в жар бросило... Не выйти ли нам на балкон?

Они ступили в спасительный сумрак летней ночи и некоторое время молча смотрели на открытый волжский простор: на огни Самары, которая спускалась громадами своих кварталов, круто и неудержимо, к береговой полосе с её дебаркадерами и причалами, бесконечными парапетами и скверами, на сонный глаз невидимого во тьме бакена... В общем-то, их молчание не было долгим, но и за ту краткую минуту, которую они провели вместе под звездным бездонным небом, в их отношениях что-то изменилось. Может быть, они стали более доверительными?.. Во всяком случае художник ничуть не удивился тому, как просто и обыденно она попросила его рассказать об одной из лучших его картин, о "Последнем свидании". Правда, она тут же добавила: "Если можно..."

Он улыбнулся и посмотрел ей в глаза.

- Ну, что вы... Сегодня как раз такой вечер, когда... - помолчал и снова улыбнулся. - Помните Китеж-град? Заколдованный город, который ушел на дно озера Ильмень и только один раз в год поднимается из неведомых глубин, чтобы показаться, открыться?..

Каким-то шестым чувством она поняла, что теперь ей лучше промолчать, и только выжидающе кивнула.

- Между прочим,... - сказал художник, снимая очки и затем не спеша протирая их платочком, - ...между прочим, картина эта была написана недалеко отсюда, на пригородных дачах... Лет пятнадцать назад я снимал у знакомых небольшую комнату, бродил целыми днями по всей округе и писал этюды. Мне было уже под сорок, я был талантлив и опытен, много работал,ставлялся... и был холост... - Он прищурился, проверяя стекла на свет, и заправил дужки очков под гривастую шевелюру. - Однажды на высоком открытом берегу делал какие-то наброски и заприметил краем глаза молодую женщину, которая, прогуливаясь, направлялась в мою сторону. Шла она, естественно, не ко мне, а просто проходила мимо, но, как мне показалось, глянула на меня ещё издали с любопытством, что ли. "Девушка! - окликнул я шутливо. - Остановитесь на минутку возле той березы и посмотрите вдаль, за Волгу". Она снисходительно улыбнулась, постояла вполоборота к Волге, а потом спросила, можно ли глянуть на рисунок... Несколько дней мы встречались на прогулках с этюдами. Однажды она даже прошла со мной по улице, где я снимал комнату, и познакомилась с моей хозяйкой, которая в тот вечер поливала в саду клубнику. Ещё через пару дней я пригласил её к себе в гости, и она почти пообещала, с какой-то, впрочем, уклончивой оговоркой, что, мол, если она будет свободна...

Художник снова посмотрел в лицо своей тихой собеседницы, стараясь выглядеть при этом ироничным и насмешливым, и спокойно продолжал:

- Последнее свидание, как вы, наверное, уже догадываетесь, не только стало последним, но и, вообще, не состоялось. Весь вечер я бродил в ожидании заветного часа по улице, потом сидел на скамейке возле ворот, пока какой-то шустрый мальчуган не принес мне записку. Без подписи. Только две короткие фразы. "Я уезжаю. Не ищите меня".

- А черная перчатка? - спросила негромко Галина Платоновна.

- Перчатки не было,... - художник насунил конфузливо брови и пояснил:

- Это была маленькая композиционная находка. Необходимо было показать зрителю, дать почувствовать ему, что женщина здесь была, понимаете? Она была, она спрашивалась, она оборвала последнюю ниточку и ушла. Ушла навсегда...

- И двух недопитых бокалов не было?

- Бокалы были... Когда мне передали записку и всё прояснилось до самого доньшка, я вернулся в комнату и зажег свечи. Три свечи в красивом бронзовом канделябре. Открыл бутылку шампанского, наполнил бокалы. И долго сидел за столом, напротив её свободного стула... напротив стула, где должна была сидеть она... Не могу сказать с полной уверенностью, что я испытывал тогда безысходность и потрясение. Понимаете?.. Может быть, мое состояние действительно было близким к тому, что называется потрясением, - может быть. Но

вполне возможно и то, что, кроме всего прочего, это была и моя неосознанная, неудовлетворенная потребность испытать это потрясение. Понимаете?... Ведь чувствуем же мы порой, что любим кого-то, и почти не сомневаемся в этом, и почти уверены, что так оно и есть. И, слава Богу, если это действительно любовь. Но иногда любви просто-напросто нет и нет, и ничего тут не поделаешь. Однако, несмотря ни на что, в нас вечно горит или теплится желание любить.

Она молча кивнула и слегка потупила взгляд.

- Но на картине, - сказала она, - ваш двойник не играет безысходность, он действительно потрясен. Его лицо, его взгляд... - вспомните.

- Да, да... Когда я выпил один бокал вина за себя и другой за неё, когда мне захотелось увидеть самого себя со стороны, ее глазами... Я глянул в зеркало и увидел то, что видели на картине вы. Мне в ту ночь не надо было выдумывать почти ничего...

- И три свечи тоже?

- Да, да... А что именно?

- Ведь вам же удалось запечатлеть само время... схватить и передать то, что живописи, в общем-то, неподвластно.

- Вы заметили? - спросил он польщенно.

- Не сразу, правда, - призналась она, - и, тем не менее... Ваш герой, с этой бесконечной тоской в глазах и покинутостью, просидел так всю ночь... Вечером к нему пришла любимая женщина, он зажег на праздничном столе три свечи в канделябре. Они пили вино, говорили о чем-то. Затем она сказала, что должна идти, что это было последнее их свидание и что больше они уже не увидятся... - Художник грустно улыбался и кивал головой, соглашаясь с её повествованием, а она продолжала развивать свою версию. - Женщина ушла, и ваш герой потасил две крайние свечи: по ним видно, что они горели недолго, зажженной осталась только одна, средняя свеча. И горела она почти всю ночь, до той самой минуты, когда и был запечатлен образ героя. Свеча всё ещё горела, но от нее оставался уже совсем крохотный оплывший огарок...

- Да, боковые свечи были потушены, горела только одна... Я включил верхний свет, нашел небольшой загроможденный холст и стал писать. Работал как одержимый, всю ночь. Утром передо мной стояла готовая картина... Маленький шедевр, за который не жалко было бы отдать любую четверть из всего написанного мной...

И снова было такое необходимое молчание, - почти неприметное по своей протяженности, но весомое и насыщенное. Оно позволяло задать еще один вопрос, непозволительный в иных условиях.

- И вы больше не видели её? - спросила с дружеским участием Галина Платоновна. - Ту женщину.

- Нет, не видел... Через год я женился на разведенной артистке, вы ее знаете. Она сразу же, хотя и в шуточной форме, объявила, что проповедует свободную любовь. Зимой после каждой премьеры или бенефиса домой возвращалась под утро; всё лето - на гастролях. Я же своей свободой распоряжался по-своему - бесконечная работа до рези в глазах да редкие попойки в кругу старых приятелей. Обычная плата за успех, - работа, работа... А впрочем... - и снова обернулся молодцом и насмешником, - кому-кому, а уж мне-то грех на свою судьбу жаловаться.

- Ну, как же, - сказала она в тон, - конечно...

Она тоже шутила, и улыбалась, но губы ее подрагивали, и потому улыбка, словно пугливая бабочка, всё порывила вспорхнуть и улететь. Художник сделал вид, что ничего не заметил.

- Ах, какие замечательные у нас места, - сказал он мечтательно и стал смотреть на едва различимую темную Волгу. - А Жигули... А Самарская лука - этот заповедный край с его уникальной флорой и фауной... Однажды, во студенчестве, мы совершили незабываемую кругосветку, более двухсот километров на байдарках. Ушли из Самары вниз по Волге, за сто с лишним километров, а затем возле села Переволоки перетаскивали свои плавсредства через узкий перешеек между Волгой и рекой Усой и опять поплыли вниз по течению, до самой Самары. А в лесах - лоси, кабаны...

- Косули и благородные олени - подсказала собеседница уже чистым, установившимся голосом. - Более семисот видов растений... в том числе и таких, которых нигде больше нет во всей России.

Художник обернулся к ней и, глядя в её светлое, обрамленное тенью лицо, продолжал что-то говорить, уже несколько не заботясь о смысле и значении произнесенного, - лишь бы не молчать, лишь бы иметь предлог смотреть ненавязчиво и неотступно, продлевая момент истины. Ему даже показалось, что и она, слушая его небрежную импровизацию по теме родного края, не столько слушала, сколько просто "внимала", следя за его интонациями и выражением глаз.

- А красоты Жигулевских пейзажей... - продолжал он. - Какие дивные места и какие замечательные, удивительные легенды, с ними связанные... Сколько историй, былей и небылиц...

- И не только небылиц, - сказала она. - В Жигулях наблюдаются загадочные явления, свидетелями которых были и местные жители, и приезжие специалисты. Причем и в наши дни, и ещё в прошлом веке. Иногда это ступенчатая пирамида над вершинами гор или морской залив. А иногда - Мирный город.

- Мирный город? - переспросил художник. Теперь уже он сам и слушал, и не слушал свою собеседницу, и только следил за игрой теней на ее лице, в ее глазах.

- Иногда утром, - пояснила она, - когда над Волгой встает солнце, из тумана поднимается город. Он светится, играет всеми цветами радуги... Это не досужий вымысел, а документально подтвержденный факт... Очевидцы слышат то нежные, то тревожные звуки необычной погребальной песни, видят над рекой дворцы и стены. Это и есть Мирный город, главный дворец княжны Волги...

- Боже мой, - сказал художник, пряча за шутливой усмешкой то ли удивление свое, то ли растерянность. - Жизнь, легенды, фантазии... Боже мой, какие богатства нам дарованы, какие заповедные чащи открываются нашей душе... А мы... мы словно нищий путник при дороге.

- Вы же сами говорили, что вам грех жаловаться.

- Ах, Галина Платоновна, мало ли что я говорил! - художник поиграл озорными глазницами и вдруг насмешливо прищурился. - Вы знаете, как спит зимой летучая мышь?

- А как она спит? Где-нибудь в пещере или в подвале забирается в щель и спит.

- Я имею в виду биоритмы ее организма. Вот летала она, летала всё лето, а потом забила в темное подземелье и уснула. Дыхание - чуть-чуть, пульс - едва-едва, все процессы - почти на нуле. Один из

парадоксов бытия. Она жива, но она не живёт... Однако в какой-то долгожданный момент её организм словно вспоминает о своем прошлом бытие - полнокровном, активном, - и сердце начинает стучать сильнее, и дыхание становится более глубоким, и всё в этом холодном комочке начинает оживать... Но мышца не просыпается, она продолжает спать. И снова все процессы идут на убыль. И такие всплески и затухания повторяются вновь и вновь, не позволяя забыть о свободном полете, о живой жизни... И однажды весной она всё-таки проснется и вылетит из своего подземелья на волю, и увидит красное предвечернее солнце.

- Кажется, я понимаю, о чем вы.

- Да всё о нашей жизни, - сказал художник с той же озорной усмешечкой. - О нашей в целом, и моей в частности... Вам, кажется, понравилась моя выставка. Нет-нет, прошу вас, не надо комплиментов. Я вовсе не для того и, вообще, боюсь, безбожно злоупотребляю вашим расположением, - извините. Я вот о чем, Галина Платоновна. Почти вся моя выставка, почти все работы последних лет - это летаргический сон моей души. Добросовестная работа мастера, который все более становится ремесленником. Убаюкивающий сон, прерываемый изредка всплесками творческих приливов. Да, у меня были заметные всплески, не отрицаю. Но только всплески - и ни одного взлета.

- Может быть, это обычная и вполне естественная неудовлетворенность?

- Нет, нет. Теперь я прекрасно и вижу, и понимаю, что нельзя творить, полагаясь только на мастерство и свой изощренный ум. Любому художнику - будь ты живописец, композитор, писатель - совершенно необходимы и жизнь, и слезы, и любовь. В самом широком смысле каждого из этих слов... Вы знаете, иногда мне кажется, что привычное для нашего глаза и понимания распятие, то есть распятый на кресте Иисус Христос, символизирует не искупительную жертву во имя спасения рода человеческого, а нечто совершенно иное. Распятый Христос - это символ нашей жизни вообще, это аллегория нашего земного бытия. Понимаете? Крест стоит на земле, но восходит к небу. И, в то же время, он простирается вправо и влево - от одной крайности до другой, между всеми известными нам физическими и нравственными противоположностями. Между свободой и необходимостью, между потребностью и возможностью, между распушенностью и аскетизмом. И мы вечно, всю свою жизнь, распяты на этом кресте...

Она помолчала и спросила как бы мимоходом и довольно буднично, по крайней мере, - внешне:

- Вы меня немного проводите?

- Разумеется, - отозвался он без колебаний. - Да я просто обязан это сделать, поскольку сюда вы пришли со мной.

Ответил бодро, стараясь не замечать её легкой тревоги. И, в то же мгновение, понял, что если бы он хоть немного, хотя бы самую малость промедлил с ответом, то не простил бы себе этого краткого минутного сомнения никогда...

Виктор СОКОЛОВ

Родился на Урале. Учился в Тюмени и Киеве. В молодости поставил перед собой несколько целей. По ним, как по вехам и шел практически всю свою жизнь.

Первая - получить высшее образование.

Закончил два факультета: филологии и журналистики. Еще в школе мечтал стать журналистом. Стал. А еще я ставил перед собой цель со временем переселиться с Урала поближе к теплему морю. В 1973 году осуществилась и эта мечта. Переехал на

работу в газету "Советское Приднестровье", где и служу до сих пор.

И еще была одна далекая и, казалось, неосуществимая цель - пожить в XXI веке. Он представлялся мне совершенно фантастическим. Как будто и с этим все в порядке. Но без мечты жизнь человека становится бессмысленной.

Теперь я работаю над книгой мемуаров, главу из которой и предлагаю читателям.

ХЛЕБ

(Глава из автобиографической повести

"Белый конь на зеленой траве")

Хлеб в семье был возведен в чин святости. Одним из первых слов, которые постигал новорожденный, было слово "папа". Именно так приучали малыша называть хлеб. За всю свою жизнь я нигде больше не встречал подобного. Уже теперь, на склоне лет, размышляя, откуда повелось такое название, склоняюсь к одному: главным хлеборобом, а значит и кормильцем в крестьянской семье был отец, тятя, папа. Вот и стал хлеб папой.

Помню, как только семья усаживалась за стол, отец брал в одну руку нож, в другую буханку хлеба и, прижав ее к груди, начинал сверху слой за слоем нарезать крупные ломти. Они передавались в руки каждому домочадцу. Краюхи должно было хватить до конца трапезы.

И мама, и отец строго наблюдали, как мы, дети, относимся к хлебу. Большим и тут же наказуемым грехом считалось уронить на пол хотя бы крошку хлеба. Но если у нас, мальцов, такое все же случалось, то лучшим извинением за допущенную оплошность было немедленное исправление ошибки. Для того надо было тут же юркнуть под стол, собрать оброненные крохи в ладошку и перед строгими очами главы семейства отправить их в рот. Тогда отец только хмурил брови, но молчал, явно поощряя сметливость сына, который сумел использовать в дело даже малую кроху хлеба.

- Что, у тебя рот худой, хлебушком-то соришь? - незлобиво выговаривала мама. - Хлеб это тело Христово.

Я никак не мог себе представить, что хлеб может быть чьим-то телом. И мама по своей малой грамотности не могла мне толком ничего объяснить. Видно и ей в свое время не сумели втолковать смысл одной

из библейских истин. Почиталось за большой грех и кощунство положить на стол буханку хлеба "не так", ну, скажем, верхней корочкой вниз.

- Ты что же это над хлебушком-то изгаляешься. А если тебя вниз головой поставить, поглянется? - тут же замечала оплошность мама. - Ну-ка положи как следует!

Мамины уроки остались на всю жизнь. Я и теперь на седьмом десятке лет не осмелюсь бросить крошку хлеба в мусорное ведро, обронить на пол и не положу его "не так".

До войны хлеба всем хватало. И по цене он был доступен даже самому бедному человеку. Тогда его продавали на развес. Хочешь взять сто граммов, тебе отрежут горбушечку в сто, хочешь четыреста - бери четыреста. Целыми булками покупали нечасто. Но уже в первый год войны голод постучался едва ли не в каждый дом. Хлеб стали выдавать, как впрочем и другие продукты питания, по специальным карточкам. На каждого едока - определенное количество граммов хлеба. Работающим - побольше, остальным поменьше. И, пожалуй, самым большим несчастьем для семьи становилась тогда потеря карточек. Семья практически лишалась всех средств существования. Именно такое несчастье постигло нас во вторую военную зиму.

Однажды мама вернулась из города вся в слезах (мы жили на окраине шахтерского городка Копейска, вблизи Челябинска). Окраина именовалась Бойковой заимкой и была как бы и не городом. Мама прямо у порога тяжело опустилась на скамейку и запричитала:

- Деточки вы мои горемычные. Чем же я вас теперь кормить-то буду. С голоду помирать станем...

Валя - старшая сестра бросилась к маме и принялась отнимать ее руки от мокрого лица.

- Мама! Мамочка! - ты почему плачешь?

Не переставая плакать, мама поведала нам, как утром пошла за хлебом, дождалась своей очереди, а когда сунула руку в карман стеганки, карточек там не оказалось. Тут же в магазине и заголосила, обращаясь к людям с вопросом, не поднимал ли кто с пола оброненные ею карточки. Очередь молчала. Только несколько женщин сочувственно перешептывались между собой. Все знали - потерянные карточки не восстанавливались. Надо было ждать наступления нового квартала.

Без хлеба избенка наша будто осиротела. Постоянно хотелось есть и самым вождленным желанием стало отведать хлеба. Мама не могла без слез видеть, как день ото дня бледнеют и опадают наши лица, угасают глаза, вялыми, неуверенными становятся движения... В дело пошла оставленная на семена картошка. Мама где-то раздобыла немного отрубей и, перебив их с толченой вместе с кожурой картошкой, приспособилась печь "алябушки". Так мы называли картофельно-отрубные котлетки. Старший брат Толя, всегда отличавшийся переборчивостью в пище, не мог их есть и таял на глазах.

Мама о чем-то подолгу советовалась с Валею. Я даже не прислушивался к их беседам. Кроме еды меня ничего больше не занимало в этой жизни. И вот как-то после очередного такого разговора с Валею мама обратилась ко мне:

- Сынок, ты пойдешь завтра за хлебом?

- Пойду! - живо подхватился я. - А куда?

- В магазин. Христа ради просить, - добавила мама.

- А как это Христа ради?

- Я тебя научу. Пойти придется рано утром. Дорогу в магазин ты не знаешь, поэтому с тобой пойдет Толя.

Утром следующего дня мама подняла нас до свету. Мы съели по одной вареной картофелине и вышли на улицу. Было холодное ветреное зимнее утро. Мама перекрестила нас и легонько подтолкнула в спину.

- Ну, с Богом.

Толя шел впереди, а я все норовил спрятаться за его спиной от пронизывающего насквозь ветра. Когда добрались до магазина, уже рассвело. У приземистого деревянного барака, где располагался магазин, густо толпился народ. Угрюмые молчаливые люди, серые лица которых едва различались, жались к входной двери. На козырьке, что нависал над входом сидели два пацана постарше меня. Они были взъерошены как околеваяющие воробы и неотрывно смотрели в одну сторону. Как я позже понял, именно оттуда приезжал грузовик с коробом, на котором небрежной рукой было начертано "Хлеб".

- Везут! Везут! - Вдруг ожили пацаны.

Толпа заволновалась. Еще сильнее стала жаться к двери. Машина остановилась возле небольшого окошечка. Из кабины выскочили шофер и его помощник. Они быстро, передавая буханки из рук в руки, стали бросать их в отворенное окошечко. От хлебного духа у меня закружилась голова, я не успевал сглатывать слюну. Хотелось подбежать к машине, вырвать буханку хлеба и тут же вцепиться в нее зубами. А там будь, что будет...

Ну вот наконец короб опорожнился. За дверью послышалось бряцанье замка, и она отворилась. Толпа, потеряв всякое терпение, валом ринулась в отворзившуюся пасть двери. Мальчишки, сторожившие приход машины на козырьке, мешками свалились на головы и плечи рвущихся в дверной проем и так въехали в магазин. Здесь было потеплее и всюду витал изумительный запах свежеспеченного хлеба.

Я с таким любопытством наблюдал за всем происходящим вокруг, что даже забыл, зачем и пришел. Толя напомнил. Когда огромная толпа непонятно каким образом вся разместилась в магазине, он дернул меня за рукав.

- Встань в коридоре, и когда люди начнут выходить из магазина с хлебом, начинай просить. Не забыл как?

- Нет.

- Ну-ка повтори!

- Тетенька, подайте Христа ради. Мы карточки потеряли. Совсем есть нечего.

- Не так. Ты проси тоненьким жалобным голоском, а то никто и не даст, - напутствовал брат.

Толя зашел в магазин, будто он совсем и не знает меня, а я, как и было велено, остался один в холодном, продуваемом коридоре. Из магазина начали выходить покупатели. Кто-то с нетерпением уже жевал хлебную корочку. Каждого я встречал словами, которым меня научила мама. Но люди будто не слышали. Они молча проходили мимо и скрывались за скрипучей дверью коридора. Не знаю, сколько прошло времени. Я так продрог на сквозняке, что зуб на зуб не попадал, однако механически продолжал повторять заученные слова, вовсе не надеясь на то, что кто-то сжалится и поделится хлебом.

Вот из магазина вышла еще одна покупательница - худая

темноликая женщина с каким-то остановившимся взглядом и темными кругами вокруг глаз. Она сразу же заметила меня и все время, пока шла через длинный коридор, неотрывно разглядывала меня немигающим взглядом.

- Пода-а-айте Христа ради...

Женщина поравнялась со мной и вдруг, о чудо! Весь хлеб, который она несла в руках, протянула мне. Молча и все с теми же потухшими и неподвижными глазами женщина направилась к выходу. Впервые за много-много дней я держал в руках ХЛЕБ. Он был еще теплым и необыкновенно пахучим. Я стоял в оцепенении и никак не мог сообразить, что делать с таким богатством. В таком состоянии и застал меня брат, который время от времени выглядывал из магазина и уже потерял всякую надежду на успех нашего предприятия. Увидев меня с целой буханкой хлеба в руках, он буквально обомлел. Потом тревожно осмотрелся вокруг и, схватив меня за окоченевшую руку, потащил на улицу.

- Бежим, а то кто-нибудь отберет!

Мы выскочили из коридора и что было силы побежали домой. Но, то ли от пережитого волнения, то ли оттого, что я сильно продрог на холодном сквозняке, ноги меня не слушались. Тогда брат вырвал хлеб из моих рук и побежал быстрее. Испугавшись, что хлеб могут съесть без меня, я стал проворнее передвигать одеревеневшие ноги и старался не отставать от Толи.

Мама уже все глаза проглядела, ожидая нас. Не раз ругала себя за то, что отчаялась на такой шаг, но когда увидела своих чад возбужденных и разгоряченных бегом, да еще с такой нечаянной добычей, она не могла сдержать слез.

К сожалению, удача наша больше не повторилась. Я, видимо, сильно простудился в то утро и на следующий день не мог подняться с постели. Мама увидела в этом плохое предзнаменование и больше уже никогда не посылала нас просить хлеб Христа ради.

Было раннее утро. Мы проснулись с братом от каких-то непонятных звуков. Осторожно подвинулись к краю печи, где мы обыкновенно не только спали, но и в долгие зимние вечера устраивали всякие забавы. В переднем углу нашей избы, которая одновременно была и кухней, спальней и прихожей, стоял большой, обитый узкими жестяными полосками сундук. Это была самая большая достопримечательность нашего бедного жилища. В сундуке хранилось самое-самое ценное, что еще осталось у родителей после долгих скитаний по Сибири и Казахстану после их изгнания из родной деревни как кулаков. Меня же больше всего интересовало не содержимое ящика, а удивительные картинки, которыми была обклеена вся внутренняя поверхность крышки сундука. Как только мама открывала свою сокровищницу, я тут же оставлял все свои детские занятия и пулей летел к сундуку, чтобы хоть одним глазком запечатлеть удивительно красочный мир картинок. На них изображались нарядно и пестро одетые люди, дикие звери и птицы, цветы и травы. Должно быть, это были пасхальные и рождественские открытки.

Свесившись с печи, мы увидели открытый сундук и рядом с ним маму с Валентиной. Мама доставала со дна сундука какие-то цветные тряпицы и, плача, рассказывала дочери.

- Вот это маменька моя выткала. Вот это тятенька на свадьбу подарил. А вот свекровь связала...

Уже будучи взрослым человеком, я узнал, что в то утро мама прощалась с самым дорогим, что осталось у нее от прежней жизни: домотканые скатерти, полотенца, пояса, унаследованные или подаренные дорогими и близкими людьми, напоминающие о каких-то нерядовых событиях крестьянской жизни.

В то утро мама сложила в заплечный мешок содержимое сундучка и отправилась в пригородные деревни с надеждой обменять свои сокровища на крупу, хлеб или картошку. Так продолжалось до тех пор, пока сундучок совсем не опростался. Помню, от старинных рукоделий остался один-единственный пояс, вытканый из прочных разноцветных нитей и затейливо украшенный шелковыми кистями. Самым примечательным было то, что на поясе красовалась вытканная старинными буквами надпись. Отчетливо вижу ее и сейчас: "Сей пояс выткала девица Анна Павловна Сазыкина 1886 годъ". Дата вероятно обозначает год рождения бабушки Анны - маминой матери.

Вот так, благодаря содержимому сундучка мы и спаслись в голодную зиму. Маме удавалось выменять то ведро картошки, то какого-нибудь зерна или отрубей. Все шло в пищу. Хождения по деревням в поисках продуктов питания было делом небезопасным. Женщин всюду подстерегала опасность. Находились мародеры, которые отбирали все, что находили в заплечных котомках менял. За неимением какого-то бы ни было транспорта вещи и продукты переносились на себе, зимой - на санках. Сельские женщины объединялись в небольшие артели и, запрягшись в небольшие деревянные сани, отправлялись в город за многие десятки километров. Деревня в то время жила чуточку посытнее, но обносились до неприличия. Вновь вошли в "моду" позабытые уже лапти. Погрузив на санки все, что можно было считать съедобным, селяне отправлялись в город.

Особенно странные истории с менялами случались зимой. Были случаи, когда вблизи дороги находили валенки с торчащими из них костями человеческих ног. Можно было только догадываться, что за жуткая драма разыгралась здесь. Это было делом серых разбойников - волков. Видно, голод настиг и их. Они бесстрашно забредали в деревни, проникали в стойла животных и буквально разрывали их.

Много таких страшных историй рассказывала нам младшая мамина сестра Татьяна Николаевна, которая жила в Красноярске, в деревне, расположенной в шестидесяти километрах от Копейска. худенькая, росточком в полтора метра она тащила на себе непомерно тяжелый воз колхозных и домашних дел. Зимой она несколько раз совершала походы в город. Мы всегда с нетерпением ожидали ее появления на Бойковой заимке. Едва переступив порог, тетя Таня вынимала из своего насквозь промерзшего мешка шанежки, приготовленные из темной с какой-то примесью муки и чуть приправленные сверху тонкой пленочкой толченой лесной ягоды - боярки или черемухи. Ничего вкуснее этих деревенских шанежек мы не знали. К тому же они преподносились не иначе, как гостинчик от зайчика или лисички. За этим следовал со всеми подробностями рассказ, как на лесной дорожке повстречался тете Тане беленький-беленький зайчик и как попросил ее передать гостинец Вите и Толе, которые живут в далеком городе. А еще, порывшись в мешке, деревенская гостыя доставала маленькие кусочки жмыха (макуха, получаемая при получении подсолнечного или конопляного масла). Никакие нынешние "Сникерсы" конечно же и близко не могут сравниться с теми чудесными "конфетками" из детства.

Весной, когда сошел снег, мы стали ходить на картофельные поля. Перелопачивая землю, находили мерзлые клубни. Потом их высушивали на плите, толкли и пекли что-то наподобие лепешек. Из мороженого же картофеля можно было получить крахмал, и тогда какой вкусный овсяный

кисель могла приготовить мама!

Неотступный голод толкал на всевозможные иногда и неприличные поступки. У Толи была одна и разьединственная игрушка - шариковый подшипник. Он никогда не расставался с ним. У его приятеля - Миши Болотникова такой игрушки не было и тот страшно завидовал брату. У Болотникова мама работала на пекарне, поэтому дома у них было полно хлебных крошек и пережженных корочек. Ими даже кур кормили. Иногда я подбирался к посудине. Из которой клевали куры хлебные отходы, и загребал, сколько могла ухватить детская ручонка, куриного лакомства. Тут же, едва отвернувшись, жадно съедал добычу. Это был все-таки хлеб.

Однажды Болотников застал меня возле куриной миски.

- Ага, попался! - обрадовался Мишка. - Знаешь что, я насыплю тебе сколько хочешь хлебных крошек, а ты за это принесешь мне подшипник.

От такого предложения у меня сами по себе потекли слюнки. "Сколько хочешь хлебных крошек! Тогда я и брата досыта накормлю". Окрыленный этой мыслью, я полетел домой. Не помню уж, как брат на какой-то момент отвлекся от своего подшипника. Я незаметно сунул игрушку под подол застиранной и латаной-перелатаной рубашки и стремглав выскочил на улицу. Болотников прохаживался по двору, ожидая меня.

- Ну, принес?

Я протянул уже согревшийся подшипник. Как жалко было расставаться с ним!

- А хлеб?

- Вот твой хлеб, а Тольке не говори, куда делся подшипник.

Я сорвался с места и что было резвости помчался домой. Мне не терпелось порадовать брата такой выгодной сделкой. Толя от угощения не отказался, однако изрядно поколотил меня за самоуправство. Когда последние крошки были отправлены в рот, Толя отправился к Болотникову и отобрал свою единственную игрушку...

Когда вижу оброненный кем-то кусочек хлеба или неуважительное отношение к нему, невольно в памяти встают картинки из голодного детства. И хочется крикнуть: "Люди, опомнитесь! Непочтительное отношение к хлебу - великий грех, ибо сказано в Святом писании, хлеб - есть тело Христово".

Борис УСТИМЕНКО

Для жизни я выбрал древний город недалеко от моря, где много зелени, чистый воздух и просторная гладь Днестровского лимана. Этот город будто вобрал в себя прелесть Гриновских Зурбагана и Гель-Гью, к тому же камни его хранят следы двадцати пяти веков нашей истории.

Здесь я написал свою первую книгу "32 румба", лоцию для плавания по океану, имя которому - жизнь. Книга тепло принята читателями и, что меня особенно радует, молодыми, ибо она создавалась ради них и для них.

Сейчас пришло время подводить итоги прожитому. Хотелось бы

написать о своем детстве, которое пришлось на годы войны, о своих близких и друзьях, которым я обязан всем достигнутым в жизни, о кругосветном плаваньи (мечта юности), о работе в тропиках и Арктике, и еще много-много о чем другом...

Пока мои пальцы будут способны нажимать на клавиши пишущей машинки, я буду упорно писать.

МУДРОСТЬ ПОВЕЛИТЕЛЯ

Говорящий правду не умирает своей смертью.

(Монгольская пословица)

По велению всемогущего трехбунчужного аккерманского паши Селим-бея к нему привели древнего старца Иону. Он был иссушен знойным солнцем и ветром Буджака, горем земли и внутренним огнем мыслей. Паша хотел узнать правду о жизни своих подданных. Старец же чувствовал скорое приближение смерти, и до ухода в царство теней мог бесстрашно говорить с грозным владыкой.

- О, непобедимый и справедливейший! Прекрасная земля между Дунаем и Днестром тонет в крови. Стон людей достигает небес. Твои кадии вершат несправедливый суд, янычарские аги грабят и насилюют, сборщики податей разоряют, а воины зверствуют. Если бы ты видел все это, или хотя бы знал! Но придворные окружили цитадель плотным кольцом стражи, на глаза твои набросили покрывало, сотканное из лживых речей, а уши залепили обманом.

Опустив веки на круглые совиные глаза, Селим-бей молча слушал старца, потом жестом велел ему замолчать и заговорил сам:

- Наш всемогущий султан Баязет, да продлит Аллах его годы, взвалил на мои плечи тяжкую ношу. Всю свою жизнь я провел в походах и боях, но, клянусь именем Пророка, один день пребывания в этой холодной и враждебной стране тяжелее всего, что я познал доселе. Трудно и опасно править этим краем, населенным воинственными и непокорными людьми разных кровей, но сплоченных общей ненавистью к нам, туркам. Как прикажешь мне править гяурами, если законы и обычаи Великой и Блистательной Порты всюду одинаковы: на Евфрате и Ниле, на Дунае и Днестре.

Ты честный и смелый человек, старик. Таким как ты не место на этой земле, пропитанной насквозь обманом и кровью. Твое место на небесах, среди равных тебе по святости.

Паша сделал знак рукой, из-за ширмы вышел огромный эфиоп - главный пехлеван (палач) Аккермана, и дюжими руками затянул шелковый шнур на худой шее правдолюбца.

Валерий ХАИТ

Родился 19 марта 1939 года в селе Новые Прилуки Винницкой области. После эвакуации в 1946 году приехал в город Белгород-Днестровский Одесской области. С 1946 по 1956 год учился в белгород-днестровской школе № 1. С 1956 по 1961 год - студент Одесского инженерно-строительного института. С 1961 года постоянно проживаю в Одессе. С 1961 по 1971 год работал в институте

"Укрэжипроект".
С 1966 по 1970 год - капитан легендарной
одесской команды
КВН.
В сезонах 1971/72 и 1986/87 - руководитель одесских команд,
ставших чемпионами Всесоюзного КВН.
Основатель Клуба одесских джентльменов (1988 год).
С 1991 по 1997 год - руководитель авторской группы "Джентльмен-шоу".
С 1997 года по настоящее время - главный редактор одесского юмористического
журнала "Фонтан".
В 1999 году - автор и ведущий развлекательной телепередачи
"Фонтан-клуб" на республиканской студии "1+1".
Драматург, соавтор пьес "Старые дома", "Король скрипачей", "Путешествие на
Луну", "Кабаре Бени Крика" и других.
Вышедшие книги: "Старые дома" (в соавторстве с Г. Голубенко и
Л. Суценко), поэтические сборники "До востребования" и "Круг",
книга прозы "Пробуждение",
сборник "Доля шутки: Избранное из усыпанного".

Из книги «ПРОБУЖДЕНИЕ»

НОЧЬ

Я сплю в палатке. Сквозь сон я слышу, как шумит море. Мамы нет - она ночует в городе. Со мной рядом спит девушка из маминой артели. Она согласилась побыть со мной.

Море шумит все сильнее. Я почти не сплю, почти... Полусон-полуявь...

Вдруг я чувствую, что кто-то начинает меня ласкать. Нет, это не мама. Горячие руки находят меня под одеялом и крепко сжимают. Я уже проснулся, но мне не хочется открывать глаза.

Она придвигается ближе, прижимает меня к себе, потом начинает целовать. Я что-то мычу, будто со сна, делаю вид, что никак не могу проснуться. Она становится смелее, она просто мучает меня своими ласками...

Все это продолжается долго, очень долго. Наконец она успокаивается и засыпает. А я уже совсем не могу уснуть; слушаю, как шумит море, и пытаюсь понять, что это было. Я немножко испуган. Но ощущение причастности к какой-то страшной тайне переполняет меня...

Весь следующий день я верчусь возле нее, стараюсь заглянуть в глаза. Но в них - ничего.

Наверно, мне это все просто приснилось...

АЛЬБИНА

Она была такой длинноногой, что все тут же предлагали ей бежать наперегонки. Но она обгоняла всех.

Ее звали Альбина, она была единственной девчонкой в нашей компании. Да и то мы терпели ее лишь потому, что она ни на что не обижалась.

И вдруг она стала такой длинноногой.

Ей легко удавалось обогнать даже курносого задаваку Альку, который никак не хотел в этом признаться и когда чувствовал, что отстает, то начинал прихрамывать и сходил с дистанции. А она в гордом одиночестве добегала до конца квартала, куда через некоторое время прибегали все мы, пытаюсь хотя бы в соревновании друг с другом удовлетворить свое посрамленное самолюбие.

Прошел год; ее ноги стали еще длиннее, а под майкой выросли два круглых холмика, которые чуть подрагивали, когда она бежала.

Уже никто из нас не пытался с ней соревноваться, все молча примирились с ее превосходством. Кроме Альки, который не мог простить Альбине своего унижения и однажды похвастался, что она разрешает ему трогать свою грудь.

Мы не верили. Но как-то раз я сам, оставшись с ней наедине, вдруг неожиданно обнаружил свою руку у нее под майкой. Я ощутил прохладную и нежную выпуклость. Альбина закрыла глаза и помогла мне обхватить ее всю.

Я помню, что упругий холмик точно поместился в моей ладони.

Тут кто-то прошел рядом; я выдернул руку, а она засмеялась и длинными красивыми шагами убежала от меня, через мгновение оказавшись уже далеко-далеко...

МЕДСЕСТРА

Мы идем на лиман. Они взяли меня с собой, хотя вначале я и не собирался. Настроения не было.

Но когда пришла она, такая веселая и красивая (подругу я совсем не помню), жизнь приобрела смысл.

Они были медсестрами; то ли мамиными знакомыми, то ли нашими соседками - неважно.

Я час вертелся возле нее, дурачился, строил рожи - словом, ходил на голове. Чувства меня переполняли. Она громко поощрительно смеялась, мое внимание явно доставляло ей удовольствие. Да, подругу я совсем не помню...

И вот мы идем на пляж. Причем не на городской - у них нет с собой купальников.

Я тут же залез в воду. "А ну отвернись!" - строго сказала она, и я нырнул. Я сидел под водой долго, очень долго. Всегда, когда ныряешь в первый раз, получается дольше всего.

Когда я вынырнул, они были уже без платьев. На ней оказались белый лифчик и синие трусики, и я опять почувствовал, какая она красивая. Они были явно испуганы тем, что я долго не показываюсь на поверхности, тут же кинулись в воду и стали за мной гоняться. Вода в этот день была тихая и прозрачная, что редко бывает на лимане, и я, ныряя с открытыми глазами, отлично видел все их перемещения, легко уходил от них, тихо выныривая то за спиной, то сбоку - словом, всегда не в том месте, где меня предполагали обнаружить.

Подруга быстро замерзла и вышла на берег. И вот мы купаемся вдвоем. Она тоже почти все время сидит под водой. Вот мы плывем навстречу друг другу, почти сталкиваемся, одновременно выныриваем и хохочем. Я делаю стойку. Она пробует сделать то же самое. Ее стройные ноги с маленькими ступнями клонятся вбок, она пытается удержать их вертикально, идет под водой на руках, но все-таки падает.

Новая задача: нужно проплыть под водой между ног. Она долго-

долго плывет, почти не задевая меня, и наконец с победным криком выныривает. Теперь я должен проделать то же. Для меня это не фокус, но когда я оказываюсь под ней, она вдруг крепко обхватывает меня ногами. Я с трудом вырываюсь, хватаю ртом воздух, снова ныряю и долго плыву под водой - теперь уже подальше, подальше от нее...

Потом она лежит на спине, а я охраняю ее покой, появляясь то в одном, то в другом месте неподалеку. Вдруг она машет мне, я подплываю и беру ее за руку. Передо мной сквозь линзу воды белесет ее фигура. Она тянет меня к себе, я вырываюсь, ухожу в сторону, но тут же возвращаюсь снова. И вот опять ее рука в моей. Мы долго лежим на воде, глядя в высокое синее небо, пока подруга, которую я совсем не помню, не прерывает тишину дня каким-то бессмысленным криком типа: "Я что, нанялась вас ждать?!"...

СОКРОВИЩЕ

Я не помню, отчего они тогда взяли меня с собой. Какие-то у нас были общие знакомые. То ли старший брат моего лучшего друга тех дней - Генки был в знакомстве с ними, то ли какими-то другими путями, но я оказался как-то в составе этой компании на берегу лимана у каменоломни.

Сколько мне было тогда? Лет десять - двенадцать, наверно, - не помню. Помню только - очень хорошо помню - плоскую плиту ракушечника, под небольшим углом уходящую в воду, тихую блестящую поверхность лимана, поплавки на этой поверхности и свое тревожно-восторженное состояние: такие взрослые красивые люди взяли меня с собой!

Там было несколько молодых людей, кажется, морских офицеров, приехавших погостить в наш город. Но главным был, конечно, он - не помню имени... фамилия была очень звучная - то ли Козырев, то ли Королев... Словом, такая, какую он и должен был носить. Все они были сильные, красивые, ловкие, но он был лучше всех - стройный, могучий, как потом выяснилось, мастер спорта по самбо, чемпион то ли Ленинграда, то ли какой-то республики.

С нами была еще его молодая жена - маленькая и, как я уже тогда понимал, прекрасная женщина. И именно ее присутствие, как я уже теперь понимаю, поддерживало мое восторженное состояние на таком градусе, что я творил чудеса.

Мои плоские камешки прыгали по воде намного дольше, чем у других. На мою удочку попадались самые большие бычки, а один раз на крючке оказался даже какой-то ненормальный окунь. Когда мы купались, я дольше всех сидел под водой (мне казалось, конечно, что дольше всех, - у морских офицеров наверняка и в мыслях не было соревноваться со мной...).

Словом, я из кожи вон лез, только бы им всем понравиться. И прежде всего, конечно, ей - маленькой, чуть загорелой красавице, почему-то очень молчаливой.

Вот тут главное! То, из-за чего я запомнил все это.

Там было тогда что-то между ними - между ней и ее прекрасным молодым мужем, какая-то игра. Игра характеров. Видимо, они были в ссоре. Но это была легкая ссора молодоженов, и потому поле их взаимной обиды создавало атмосферу не тягостную, а волнующую, вызывающую (и не только во мне) прилив нежности и восторга, желание совершить что-нибудь удивительное.

Я не помню, кто там был, сколько их было, но ясно вижу, как все легки и подчеркнуто непринужденны, как предупредительны с ней, как стараются ее развлечь. Но она только грустно улыбалась в ответ и делала вид, что ничего кроме поплавок и удочки ее не интересует.

И он тоже, помню, одиноко стоял в стороне и сосредоточенно проверял одну удочку за другой, обращая на меня недовольное внимание лишь тогда, когда я подплывал слишком близко.

Чудесный день стремительно сокращался. Все уже напрыгались и набегались вволю, а она всё стояла в воде, напряженно всматриваясь в поплавок.

И тогда он (я это помню особенно четко) встал на четвереньки и так пошел к ней по воде, виновато опустив голову. Он подошел к ней сзади, и вот уже его голова оказалась меж ее коленей.

Она не испугалась, нет, даже не вздрогнула. Она, видно, чувствовала, что к ней приближается именно он, и я помню, как ее колени вдруг сильно сжали эту ласкающуюся к ней большую стриженую голову, как при этом она тихо засмеялась. А он легко встал из воды и пошел на берег, неся на плечах свое бесценное сокровище, дорожке которого для него, как я вдруг понял, нет ничего на свете.

И был, конечно, пир на берегу, и уха, и песни. И всех веселей и звонче смеялась уже она, поскольку день прошел замечательно, и все были в нее влюблены. Даже этот тихий незнакомый мальчик, которого, как теперь выяснилось, пригласил с собой на рыбалку чей-то брат Генка, а сам не явился, потому что проспал...

БЫЧКИ

Я даже не знаю, водятся ли бычки в реках. В море водятся, хотя после благоустройства одесских пляжей, чтобы в этом убедиться, у рыбаков должно быть гораздо больше терпения, чем раньше.

Город моего детства стоял, как уже было сказано, на берегу Днестровского лимана - огромной, пятьдесят километров в длину и девять в ширину, акватории. И бычков было в этом лимане - море.

Были светлые до голубизны пескари, пескарики. Пискурчики, как мы их ласково называли. Они водились в местах с песчаным дном. Если пескари, в силу каких-то причин, вынуждены были селиться в каменистом месте, то сразу меняли окраску - от пятнистой (тогда их называли дамками) до темно-фиолетовой, почти черной (тогда это были линияки). Бычки, с самого рождения живущие под камнями, имели могучие жабры и поэтому носили гордое имя жабраки (жабрачки, пока были маленькими).

Старые бычки, обитающие под камнями в труднодоступных для рыбаков местах и поэтому доживающие до преклонного возраста, назывались кнута́ми. У них была огромная голова и длинный тонкий хвост. Поймать хоть одного кнута считалось высшим шиком. Когда у идущего домой рыбака на кукане (или, как говорили в наших краях, на низке, на низалке) висело два-три кнута, все провожали счастливого завистливым взглядом.

И, наконец, особенно выделялись своей неповторимой индивидуальностью мурзаки, мурзачки. Они были похожи на молодых зубров. Их отличал крепкий загривок и черное пятнышко на верхнем плавнике. Когда мурзака вытаскивали из воды, он тут же воинственно растопыривал свои перья, и черное пятно на верхнем отливало

радугой...

Я ловил их коротенькой удочкой - свинчаткой, как у нас говорили, - или с пристани, или с козел. А то просто с камня, стоя по пояс в воде. Постукивая грузилом о дно, я чувствовал любое прикосновение к наживке. Я, помню, представлял себе, буквально видел, как бычок осторожно подкрадывается к червяку, нюхает его, нежно пробует, а затем, не выдержав - будь что будет! - глотает весь крючок целиком и бросается в сторону, вылетая из воды на туго натянутой леске откуда-то сбоку. Впрочем, леска появилась у нас много позже, где-то в середине пятидесятых. А до этого мы пользовались крепкой рыбацкой пнткой, которая у нас называлась бамбак. Это я точно помню...

Чуть позже я научился ловить бычков руками. Ах это ощущение восторга, смешанное с ужасом, когда, почувствовав ногой большой камень, я тихонько нырял и, осторожно ощупывая его обеими руками, находил наконец норку (их могло быть и две - с обеих сторон); рука шла все глубже, скользя по усыпанной икринками поверхности, и вдруг - о удача! - обнаруживала в глубине возжеленное скользкое тело бычка. Мастерство заключалось в том, чтобы схватить его за голову. Мне это почти всегда удавалось, и помню, с каким торжеством я выныривал из воды, победно поднимая сжатый кулак, а то и оба, с торчащими извивающимися хвостами огромных линяков, которых было совсем не жалко...

Редко-редко, но мне все-таки удавалось половить и слодки. Главное было найти место - "хорошо стать". Обычно бросали якорь в тихой заводи, посреди речных водорослей. Кушпир - так они у нас назывались. Помню, место часто меняли.

Но однажды был клев! И откуда их столько бралось? Хотя то лето вообще было фантастически урожайным, а август оказался таким щедрым, что виноград, арбузы и даже груши перестали быть лакомством. Солнце без устали дарило почву и воду своим теплом, и не просто теплом, а, по-видимому, еще и какой-то имеющейся у него в запасе живительной силой. Не только плоды и злаки, но даже рыба стала жутко размножаться, обескураживая рыбацкие артели, уже не знавшие, куда эту рыбу девать и куда от нее деваться.

Зато нам, мальчишкам, была благодать! Мы то и дело вытаскивали по два, а если удочка была с тремя крючками, то и по три бычка. Когда заканчивалась наживка, ловили и на голый крючок. Глупые бычки, то ли видя шевелящийся червячок крючка, то ли почувствовав запах еще недавно висевшей на нем наживки, жадно глотали его, вызывая в наших юных душах холодок восторга при виде все новых и новых вылетающих из воды жертв...

И опять Каролино-Бугаз -
Сновиденье туманного детства.
О знакомые дали, от вас
Никуда, никуда мне не деться.

Снова море - его широта,
Снова небо - его необъятность.

Меж зеленым и синим черта
Снова сердцу близка и понятна.

День июля горяч и высок
И слепит мне глаза белизною,
Обжигает мне ноги песок,
И гудит мое тело от зноя.

Слышу чаек пронзительный крик
И ритмичные скрипы уключин.
Этот радостный крик, этот скрип
Мною вновь повторен и изучен.

И опять я стою у воды,
Вижу волны и чувствую ветер,
И кричу, и смеюсь без нужды,
Словно самый счастливый на свете...

* * *

Я написал стихи когда-то
Об августе и облаках,
О том, как на причал дощатый
Вбегали волны впопыхах.

Я написал стихи. Казалось,
Тебя в них не было. Но всё ж
В конечном счете оказалось,
Что ты в них дышишь и живешь.

Что строк и волн чередованье
Не вызвано ничем иным -
Одним твоим существованьем
И соучастием твоим.

Предчувствием ли скорой встречи
Иль эхом, смолкнувшим давно...
А был ли август, волны, вечер
И облака - не всё ль равно?

Ольга ХОРОЩЕНКО

Родилась в с. Шабо. Закончила ОГУ, работает учителем в Шабской средней школе № 2.

Стихи и песни пишет с детства.

Печаталась в районной и областной прессе, в сборниках "Днестровская волна", "Осень в Бирзуле", "Литературная Бессарабия".

Принимала участие в областном и городском фестивалях музыки и поэзии.

Мечтает выпустить свой сборник стихов и песен.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Почему мы любим мертвых
И мешаем жить живым?
А когда страницы стерты
Возвращаемся мы к ним.

То возносят как кумиров,
То пинком бросают вниз,
Выдержи душа и лира
Улюлюканье и свист!

Почему мы любим мертвых
И мешаем жить живым?
И не лгите, что не черствы, -
Все слова сейчас пусты.

Ни к чему и ваши слезы,
Запоздалые стихи,
Опустить теперь кто сможет
Равнодушия грехи?

И друзья, казалось, были -
Так надеялся на них! -
Сердце все испепелили,
Кровоточит его стих:

"Чуть помедленнее, кони!
Вихрем пыль из-под копыт".
Удержись! - гитара стонет
И над пропастью хрипит.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Павло Антонів.....	5
Светлана Бонарь-Воротнюк.....	6
Анатолий Валеvский.....	7
Костянтин Василевський.....	9
Владимир Воротнюк.....	10
Анатолий Глушак.....	13
Григорій Годієвський.....	14
Вячеслав Гульчак.....	16
Владимир Дудаш.....	18
Анатолий Завьялов.....	20
Феликс Закиров.....	21
Илья Кабацц.....	22
Ольга Кардаш.....	23
Эрнст Клементьев.....	24
Кирилл Ковальджи.....	26
Оксана Кожухарь.....	27
Петр Козлов.....	28
Володимир Крутіков.....	30
Татьяна Кульчицкая.....	31
Алла Лозовская.....	33
Ольга Майстренко.....	37
Виктор Мамонтов.....	38
Вячеслав Минаев.....	40
Нина Мулюкина.....	74
Владислав Мисюк.....	76
Павло Нанів.....	77
Владимир Омельченко.....	79
Микола Палієнко.....	83
Игорь Пораденко.....	84
Михаил Самарцев.....	85
Виктор Соколов.....	92
Борис Устименко.....	97
Валерий Хаит.....	98
Ольга Хорошенко.....	105

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Илья Кабацц
Михаил Самарцев
Виктор Соколов
Вячеслав Минаев
Вячеслав Гульчак

Обложка: Игорь Урсула (тема В. Минаева)

Тираж 100 экз.:

